

Николай КОСТОМАРОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ ЕЕ ГЛАВНЕЙШИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА

Москва
2017

УДК 882
ББК 63.3(2)
К72

Серия основана
в 2007 году

В тексте сохранены правописание и пунктуация автора

Костомаров Н. И.

К72 Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Полное издание в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 1260 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0543-5

В данном томе в полном объеме представлен классический труд одного из основоположников русской исторической мысли Н. И. Костомарова (1817 — 1885).

«Русская история в жизнеописаниях...» Костомарова отличается художественной глубиной и увлекательностью повествования, широтой охвата исторических событий, а также психологической убедительностью изображения героев.

УДК 882
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9922-0543-5

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ЧАСТЬ I
ГОСПОДСТВО ДОМА
СВ. ВЛАДИМИРА

I КНЯЗЬ ВЛАДИМИР СВЯТОЙ

Наша история о временах, предшествовавших принятию христианства, темна и наполнена сказаниями, за которыми нельзя признать несомненной достоверности. Этому причиной то, что наши первые летописцы писали не раньше второй половины XI в. и о событиях, происходивших в их отечестве в IX и X веках, за исключением немногих письменных греческих известий, не имели других источников, кроме изустных народных преданий, которые, по своему свойству, подвергались вымыслам и изменениям. С достоверностью можно сказать, что, подобно всем северным европейским народам, и русский только с христианством получил действительные и прочные основы для дальнейшей выработки гражданской и государственной жизни, основы, без которых собственно для народа нет истории. С давних времен восточная половина нынешней Европейской России была населена народами племени чудского и тюркского, а в западной половине, кроме народов литовского и чудского племени, примыкавших своими поселениями к балтийскому побережью, жили славяне под разными местными названиями, держась берегов рек: Западной Двины, Волхова, Днепра, Припяти, Сожи, Горыни, Стыри, Случи, Буга, Днестра, Сулы, Десны, Оки с их притоками. Они жили небольшими общинами, которые имели свое средоточие в городах — укрепленных пунктах защиты, народных собраний и управления. Никаких установлений, связующих между собой племена, не было. Признаков государственной жизни мы не замечаем. Славянорусские племена управлялись своими князьками, вели между собой мелкие войны и не в состоянии были охранять себя взаимно и общими силами против иноплемеников, а потому часто были покоряемы. Религия их состояла в обожании природы, в признании мыслящей человеческой силы за предметами и явлениями внешней природы, в поклонении солнцу, небу, воде, земле, ветру, деревьям, птицам, камням и т.п. и в разных баснях, верованиях, празднествах и обрядах, создаваемых и учреждаемых на основании этого обожания природы. Их религиозные представления отчасти выражались в форме идолов, но у них не было ни храмов, ни жрецов; а потому их религия не могла иметь признаков повсеместности и неизменяемости. У них были неясные представления о существовании человека после смерти; замогильный мир представлялся их воображению продолжением настоящей жизни, так что в том мире, как и в здешнем, предполагались одни рабами, другие господами. Они чествовали умерших прародителей, считали их покровителями и приносили им жертвы. Верили они также в волшебство, т.е. в знание тайной силы вещей и питали большое уважение к волхвам и волхвацам, которых считали обладателями такого знания; с этим связывалось множество суеверных приемов, как-то: гаданий, шептаний, завязывания узлов, и тому подобного. В особенности была велика вера в тайное могущество слова, и такая вера выражалась в множестве заговоров, уцелевших до сих пор у народа. Сообразно такому духовному развитию было состояние их житейской умелости. Они умели

строить себе деревянные жилища, укреплять их деревянными стенами, рвами и земляными насыпями, делать лады и рыболовные снасти, возделывать землю, водить домашних животных, прясть, ткать, шить, готовить кушанья и напитки — пиво, мед, брагу, — ковать металлы, обжигать глину на домашнюю посуду; знали употребление веса, меры, монеты; имели свои музыкальные инструменты; на войну выходили с метательными копьями, стрелами и отчасти мечами. Все познания их переходили от поколения к поколению, подвигаясь вперед очень медленно, но сношения с Византийской Империей и отчасти с арабским Востоком мало-помалу оказывали на русских славян образовательное влияние. Из Византии заходило к ним христианство. В половине IX века русские, после неудачного похода на Византию, когда буря истребила их суда, приняли крещение, но вслед за тем язычество опять взяло верх в стране; однако и после того многие из русских служили на службе византийских императоров в Греции, принимали там христианство и приносили его в свое отечество. В половине X века киевская княгиня Ольга приняла Св. Крещение. Все это, однако, были только предуготовительные явления. При князьях, так называемого, Рюрикава дома господствовало полное варварство. Они облагали русские народы данью и, до некоторой степени подчиняя их себе, объединяли; но их власть имела не государственные, а наезднические или разбойничьи черты. Они окружали себя дружиною, шайкою удалцов, жадных к грабежу и убийствам, составляли из охотников разных племен рать и делали набеги на соседей, — на области Византийской Империи, на восточные страны прикаспийские и закавказские. Цель их была приобретение добычи. С тем же взглядом они относились и к подчиненным народам: последние присуждались платить дань; и чем более можно было с них брать, тем более брали; за эту дань бравшие ее не принимали на себя никаких обязательств оказывать какую-нибудь выгоду с своей стороны подданным. С другой стороны, князья и их дружинники, имея в виду только дань и добычу, не старались вводить чего-нибудь в жизнь плативших дань, ломать их обычаев и оставляли с их внутренним строем, лишь бы только они давали дани и поборы.

Такой варварский склад общественной жизни изменяется с принятием христианской религии, с которой из Византии — самой образованной в те времена державы — перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности. Принятие христианства было переворотом, обновившим и оживотворившим Русь и указавшим ей историческую дорогу.

Этот переворот совершен Владимиром, получившим наименование Святого, человеком великим по своему времени. К сожалению, жизнь его нам мало известна в подробностях, и летописи, сообщающие его историю, передают немало таких черт, в достоверности которых можно скорее сомневаться, чем принимать их на веру. Откидывая в сторону все, что может подвергаться сомнению, мы ограничимся короткими сведениями, которые при всей своей скудости, все-таки достаточно показывают чрезвычайную важность значения Владимира в русской истории.

Владимир был сын воинственного Святослава, киевского князя, который предпринял поход на хазар, господствовавших в юго-восточной России, взял их город Саркел на Дону, победил прикавказских народов: ясов и касогов, завоевал Болгарию на Дунае, но должен был после упорной защиты уступить ее греческому императору. На возвратном пути из Болгарии в Русь он был убит печенегами, народом тюркского племени. Будучи еще в детском возрасте, Владимир был призван новгородцами на княжение и уехал в Новгород вместе с своим дядею Добрынею, братом его матери Малуши, ключницы его бабки Ольги. По смерти Святослава между детьми его началось междоусобие. Киевский князь Ярополк убил брата своего, древлянского князя Олега. Владимир с

своим дядей убежал в Швецию и возвратился в Новгород с чужеземной ратью. Вражда у них с Ярополком возникла оттого, что дочь князя полоцкого Рогнеда, которой руки просил Владимир, отказала ему такими словами: «не хочу разуть (разуть жениха — обряд свадебный; разуть — вместо выйти замуж) сына рабы», попрекнув его низостью происхождения по матери, и собиралась выходить за Ярополка. Владимир завоевал Полоцк, убил Рогволода, полоцкого князя, и женился насильно на Рогнеде. Вслед за тем он овладел Киевом и убил своего брата Ярополка. Летописец наш изображает вообще Владимира жестоким, кровожадным и женолюбивым; но мы не можем доверить такому изображению, так как по всему видно, что летописец с намерением хочет наложить на Владимира-язычника как можно более черных красок, чтобы тем ярче указать на чудотворное действие благодати крещения, представить того же князя в самом светлом виде после принятия христианства.

С большею достоверностью можно принять вообще известие о том, что Владимир, будучи еще язычником, был повелителем большого пространства нынешней России и старался как о распространении своих владений, так и об укреплении своей власти над ними. Таким образом он повелевал Новгородскую землю — берегами рек: Волхова, Невы, Мсты, Луги, — землю белозерскую, землю Ростовскую, землю Смоленскую в верховьях Днепра и Волги, землю Полоцкою на Двине, землю Северскою по Десне и Семи, землю полян или киевскую, землю Древлянскую (восточную частью Вольны) и, вероятно, также западную Вольную. Радимичи, жившие на Сожи, и вятичи, жители берегов Оки и ее притоков, хотели отложиться от подданства и были укрошены. Владимир подчинил дани даже отдаленных ятвягов, полудикий народ, живший в лесах и болотах нынешней Гродненской губернии. Не должно, однако, думать, чтобы это обладание имело характер государственной: оно ограничивалось собиранием дани, где можно было собирать ее, и такое собирание имело вид грабежа. Сам Владимир укрепился в Киеве с помощью чужеземцев — скандинавов, называемых у нас варягами, и роздал им города, откуда с своими вооруженными дружинами они могли собирать дани с жителей.

В 988 году Владимир принял христианство. Обстоятельства, предшествовавшие этому событию и сопровождавшие его, рассказываются с баснословными чертами, которые вполне свойственны изустным преданиям, записанным уже довольно долгое время спустя после означенного события. Достоверно только то, что Владимир крестился и в то же время вступил в брак с греческою царевною Анной, сестрою императоров: Василия и Константина. Крещение его, по всем вероятностям, происходило в Корсуне, или Херсоне, греческом городе на юго-западном берегу Крыма; и оттуда Владимир привез в Киев первых духовных и необходимых принадлежностей для христианского богослужения. В Киеве он крестил своих сыновей и народ. Жители без явного противодействия крестились в Днепре, отчасти потому, что в самом Киеве уже значительно распространено было христианство и христиане не составляли там незначительного меньшинства, а более всего оттого, что у русских язычников не было жреческого сословия, которое бы разъяснило народу преступность такого переворота с языческой точки зрения и возбуждало бы толпу к сопротивлению. Самое древнее русско-славянское язычество не имело определенного характера, общего для всех, в смысле положительной религии, и состояло из множества суеверий и представлений, которые при невежестве и впоследствии легко уживались с наружным принятием христианства. Большинство вступало в новую веру и совершало обряд крещения, не понимая что делает. Борьба язычества с христианством выражалась в продолжительном соблюдении языческих приемов жизни и сохранении языческих суеверий; такая борьба происходила многие века после Владимира: но она не мешала рус-

скому народу принять крещение, в котором сначала он не видел ничего противного, потому что не понимал его смысла. Только постепенно и для немногих открывался действительно свет нового учения.

Владимир деятельно занимался распространением веры, крестил народ по землям, подвластным ему, строил церкви, назначал духовных. В самом Киеве он построил церковь Св. Василия и церковь Богородицы, так называемую «Десятинную», названную так оттого, что князь назначил на содержание этой церкви и духовенства ее десятую часть княжеских доходов. Для прочного укрепления новопринятой веры, Владимир вознамерился распространить книжное просвещение и с этой целью в Киеве и в других городах приказал набирать у значительных домохозяев детей и отдавать их в обучение грамоте. Таким образом на Руси, в каких-нибудь лет двадцать, возросло поколение людей, по уровню своих понятий и по кругозору своих сведений далеко шагнувших вперед от того состояния, в каком находились их родители; эти люди стали не только основателями христианского общества на Руси, но также проводниками переходившей вместе с религиею образованности, борцами за начала государственные и гражданские. Эта одна черта уже показывает во Владимире истинно великого человека: он вполне понял самый верный путь к прочному водворению начал новой жизни, которые хотел привить своему полудикому народу; и проводил свое намерение, несмотря на встречаемые затруднения. Летописец говорит, что матери, отпуская детей в школы, плакали о них, как о мертвых.

Владимир после крещения является чрезвычайно благодушным. Проникнутый духом христианской любви, он не хотел даже казнить злодеев, и хотя сначала согласился было на увещания корсунских духовных, находившихся около него в Киеве, но потом, с совета бояр и городских старцев, установил наказывать преступников только денежною пенею — вирую, по старым обычаям, рассуждая при этом, что такого рода наказание будет способствовать умножению средств для содержания войска.

Сохраняя плененную славянскую веселость, Владимир примирял ее с требованиями христианского благочестия. Он любил пиры и празднества, но пировал не с одними своими боярами, а хотел делиться своими утехами со всем народом — и с старыми и малыми; он отправлял пиршества преимущественно в большие церковные праздники или по случаю освящения церквей (что в то время было памятным событием). Он созывал народ отовсюду, кормил, поил всех пришедших, раздавал неимущим потребное и, даже заботясь о тех, которые почему-нибудь сами не в состоянии были явиться на княжий двор, приказывал развозить по городу пищу и питье. Но такое мирное препровождение времени не мешало ему, однако, воевать против врагов. Тогда киевскую Русь беспокоили печенеги, народ кочевой и наезднический. Уже около столетия нападали они на русский край и при отце Владимире, во время его отсутствия, чуть было не взяли Киев. Владимир отразил их с успехом, и заботясь как об умножении ратной силы, так и об увеличении населения в крае, прилежащем Киеву, населял построенные им по берегам рек Сулы, Стугны, Трубежа, Десны города или укрепленные места переселенцами из разных земель не только русско-славянских, но и чудских. В 992 году он отнял у польского короля червенские города, нынешнюю Галицию и присоединил к Руси этот край, населенный хорватами, ветвью русско-славянского племени.

Перед концом жизни Владимир понес сильное огорчение: сын его Ярослав оказал непослушание отцу, и Владимир готовился идти на него. «Теребите путь и мостите мосты», — приказывал он; но смерть застигла его в этих сборах. Он умер 15 июля 1015 года в своем подгородном селе Берестове.

II КИЕВСКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

Княжение Ярослава может назваться продолжением Владимирова как по отношению киевского князя к подчиненным землям, так и по содействию к расширению в Руси новых начал жизни, внесенных христианством.

Ярослав является в первый раз в истории мятежным сыном против отца. По известиям летописи, будучи на княжении в Новгороде в качестве подручника киевского князя, Ярослав собирал с Новгородской земли три тысячи гривен, из которых две тысячи должен был отсылать в Киев к отцу своему. Ярослав не стал доставлять этих денег, и разгневанный отец собирался идти с войском наказывать непокорного сына. Ярослав убежал в Швецию набирать иноплемеников против отца. Смерть Владимира помешала этой войне. По соображениям с тогдашними обстоятельствами, можно, однако, полагать, что были еще более глубокие причины раздора, возникшего между сыном и отцом. Дети Владимира были от разных матерей¹.

Владимир пред кончиною более всех сыновей любил Бориса. Вместе со своим меньшим братом Глебом он в наших летописях называется сыном «болгарьни», а по другим, позднейшим, известиям — сыном греческой царевны. Наши историки, желая сочетать эти известия, полагали, что царевна, отданная в замужество за Владимира Святого, была не родная, а двоюродная сестра греческих императоров, дочь болгарского царя Петра. Была ли она двоюродная сестра Василия и Константина, или же родная — до сих пор не

¹ Одни летописные известия называют Ярослава сыном Рогнеды, но другие противоречат этому, сообщая, что Владимир имел от несчастной княжны полоцкой одного только сына Изяслава и отпустил Рогнеду с сыном в землю отца ее Рогволода; с тех пор потомки Рогнеды княжили особо в Полоцке и между ними и потомством Ярослава существовала постоянно родовая неприязнь, поддерживаемая преданиями о своих предках. Из рода в род переходило такое предание: приживши от Рогнеды сына Изяслава, Владимир покинул ее, увлекаясь другими женщинами. Рогнеда, из мщения за своего отца и за себя, покусилась умертвить Владимира во время сна, но Владимир успел проснуться вовремя и схватил ее за руку в ту минуту, когда она заносила над ним нож. Владимир приказал ей одеться в брачный наряд, сесть в богато убранном покое и ожидать его: он собственноручно обещал умертвить ее. Но Рогнеда научила малолетнего сына своего Изяслава взять в руки обнаженный меч и, вышедши навстречу отцу, сказать: «Отец, ты думаешь, — что ты здесь один!» Владимир тронулся видом сына: «Кто бы думал, что ты будешь здесь!» — сказал он и бросил меч, затем, призвавши «бояр», передал на их суд свое дело с женою. «Не убивай ее, — сказали бояре, — ради ее дитяти; возврати ей с сыном отчину ее отца». Так рассказывает предание, без сомнения, общераспространенное в древние времена. Внуки Рогволода, помня, по преданию, об этом событии, находились во враждебных отношениях к внукам Владимирова сына, Ярослава, которым, кроме Полоцкой земли, оставшейся в руках потомков Рогволода с материнской стороны, досталась в княжение вся остальная Русская земля. При существовании такого предания, подтверждаемого вековым обособлением полоцких князей от Ярославова рода, едва ли можно считать Ярослава сыном Рогнеды.

Но, не будучи единоутробным братом полоцкого князя, уже при жизни Владимира отделенного, Ярослав не был единоутробным братом и других сыновей своего отца.

решено, но во всяком случае очень вероятно, что Борис и Глеб были дети этой царевны, и Владимир как христианин оказывал им предпочтение перед другими сыновьями, считая их более законными по рождению, так как с их матерью он был соединен христианским браком, и они, кроме того, предпочтительно перед другими, имели право на знатность происхождения по матери от царской крови.

Владимир, разместивши сыновей по землям, держал близ себя Бориса, явно желая передать ему после себя Киевское княжество. Это, как видно, и вооружало против отца Ярослава, который летами был старше Бориса, но еще более вооружало это обстоятельство Святополка, князя, который был по летами старше Ярослава. В летописи Святополк признается сыном монахини-гречанки, жены Ярополка, которую Владимир взял себе после брата, как говорят, беременною, и потому неизвестно, был ли Святополк сын Ярополка или Владимира; но в том или в другом случае Святополк по возрасту был старше всех прочих сыновей Владимира. Смерть не допустила Владимира до войны с сыном. Бориса в то время не было в Киеве: он был отправлен отцом на печенегов. Бояре, благоприятствовавшие Борису, три дня скрывали смерть Владимира, вероятно, до того времени, пока может возвратиться Борис, но, не дождавшись Бориса, должны были похоронить Владимира. Святополк дарами и ласкательством расположил к себе киевлян; они признали его киевским князем: хотя старшинство рождения давало ему право на княжение, но нужно было еще утвердить его и народным согласием, особенно в такое время, когда существовали другие соискатели. Положение его, однако, и при этом было нетвердо. Купленное расположение киевлян могло легко измениться. Дети христианской царевны имели перед ним нравственное преимущество, могли, кроме того, призвать чужеземцев, и особенно Борис мог, во всяком случае, быть для него опасным соперником. Святополк избавился от обоих, подославши тайных убийц. Борис был умерщвлен на берегах Альты, близ Переяславля; Глеб — на Днепре, близ Смоленска. Такая же участь постигла и третьего брата Святослава Древлянского, который, услышав об опасности, бежал в Венгрию, но был настигнут в Карпатских горах и убит. Двое первых впоследствии причислены к лику святых: описание их смерти послужило предметом риторических повествований. Эти князья долго считались покровителями княжеского рода и охранителями Русской земли, так что многие победы русских над иноплеменниками приписывались непосредственно вмешательству святых сыновей Владимира. Третий брат Святослав не удостоился такой чести, вероятно, оттого, что первых возвысило в глазах церкви рождение от матери, принесшей с собой христианство в Русскую землю.

Ярослав, ничего не зная о смерти отца, привел в Новгород варягов и расставил их по дворам¹. Пришельцы начали бесчинствовать; составилась против них заговор, и последовало избиение варягов во дворе какого-то Поромони. Ярослав, в отмщение за это, зазвал к себе в Раком (близ Новгорода, за Юрьевым монастырем) зачинщиков заговора под видом угощения и приказал перебить. В следующую ночь за тем пришло ему из Киева известие от сестры Предславы о смерти отца и об избиении братьев. Тогда Ярослав явился на вече

¹ Варягами (Varingiar) назывались жители скандинавских полуостровов, служившие у византийских императоров и переходившие из отечества в Грецию через русские земли водным путем по рекам от Балтийского моря до Черного. Так как русские в образе этих людей познакомились с скандинавами, то перенесли их сословное название на название вообще обитателей скандинавских полуостровов, а впоследствии это название расширилось в своем значении и под именем варягов стали разуметь вообще западных европейцев, подобно тому, как в настоящее время простой народ называет всех западных европейцев немцами.

(народная сходка), изъявлял сожаление о своем вероломном поступке с новгородцами и спрашивал: согласятся ли ему помочь. «Хотя, князь, ты и перебил нашу братию, но мы можем за тебя бороться», — отвечали ему. Новгородцам был расчет помогать Ярославу; их тяготила зависимость от Киева, которая должна была сделаться еще тягостнее при Святополке, судя по его жестокому нраву; новгородцев оскорбляло и высокомерное поведение киевлян, считавших себя их господами. Они поднялись за Ярослава, но вместе с тем поднялись и за себя, и не ошиблись в расчете, так как впоследствии Ярослав, обязанный им своим успехом, дал им льготную грамоту, освобождавшую их от непосредственной власти Киева и возвращавшую Новгороду с его землею древнюю самобытность.

Ярослав выступил в поход против киевского князя в 1016 году с новгородцами, которых летописец считает до 40 000; с ним было также до 1000 варягов под начальством Эймунда, сына норвежского князя Ринга. Святополк выступил против него осенью с киевлянами и печенегами. Враги встретились под Любечем и долго (по летописям, три месяца) стояли друг против друга на разных берегах Днепра; ни те, ни другие не смели первые переправиться через реку; наконец киевляне раздражили новгородцев презрительными насмешками. Святополков воевода, выехавши вперед, кричал: «Ах, вы, плотники этакие, чего пришли с этим хоромцем (охотником строить); вот мы заставим вас рубить нам хоромы!» — «Князь, — закричали новгородцы, — если ты не пойдешь, то мы сами ударим на них», — и они перевезлись через Днепр. Ярослав, зная, что один из воевод киевских расположен к нему, послал к нему ночью отрока и приказал сказать ему такого рода намек: «Что делать? Меду мало варено, а дружины много». Киевлянин отвечал: «Хотя меду мало, а дружины много, но к вечеру нужно дать». Ярослав понял, что следует в ту же ночь сделать нападение, и двинулся в битву, отдавши такой приказ своей дружине: «Повяжите свои головы платками, чтобы отличать своих!» Святополк заложил свой стан между двумя озерами и, не ожидая нападения, всю ночь пил и веселился с дружиною. Новгородцы неожиданно ударили на него. Печенеги стояли за озером и не могли помочь Святополку. Новгородцы притиснули киевлян к озеру. Киевляне бросились на лед, но лед был еще тонок, и многие потонули в озере. Разбитый Святополк бежал в Польшу к своему тестю Болеславу, а Ярослав вступил в Киев.

Болеслав, прозванный Храбрым, стремился к расширению своих польских владений. Он увидел благоприятный случай вмешаться в междоусобия русских князей для своих выгод и в 1018 году пошел вместе со Святополком на Ярослава. Ярослав, предупреждая врагов, двинулся против них на Вольнь и встретился с ними на берегах Буга. Тут опять повторился русский обычай поддразнивать врагов. Кормилец и воевода Ярославов, Будый, езда по берегу, кричал, указывая на Болеслава: «Вот мы тебе щепкою проколем череву твое толстое». Не стерпел такого оскорбления храбрый Болеслав: «Если вас не трогает такой укор, — сказал он своим, — я один погибну», — и бросился вброд через Буг, а поляки за ним. Ярослав не был готов к бою, не выдержал напора и убежал с четырьмя из своих людей в Новгород.

Болеслав овладел Киевом, не возвратил его Святополку, а засел в нем сам и приказал развести свою дружину по городам. Киев представлял много привлекательного для завоевателей. Дань с подчиненных русских земель обогащала этот город; торговля с Грецией и Востоком скопляла в нем произведения тогдашней образованности. Жить в нем было весело. Болеслав хотел, пребывая в Киеве, править своим государством и отправлял оттуда посольства в Западную и Восточную империю. Но такое поведение скоро раздражило как Святополка, так и киевлян. Святополк очутился в своем княжении подручником иноземного государя, а поляки начали обращаться

с киевлянами, как господа с рабами. Тогда, с согласия Святополка, русские начали избивать поляков. Расставленные по городам, поляки не в силах были помогать друг другу. Болеслав убежал, но успел захватить с собою княжеское имущество и сестер Ярославовых. Он прежде сватался за одну из сестер Ярослава, Предславу, но получив отказ, в отмщение взял ее теперь к себе насильно.

Тем временем Ярослав, прибежавши впопыхах в Новгород, хотел бежать дальше, за море. Но бывший тогда новгородским посадником Коснятин, сын Добрыни, не пустил его и велел разрубить лодки; новгородцы кричали: «Будем еще биться за тебя с Болеславом и Святополком». Наложили поголовную подать, с каждого человека по четыре куны; но старосты платили по 10 гривен, а бояре по восемнадцати¹, наняли варягов, собрали многочисленную рать и двинулись на Киев.

Святополк, освободившись от Болеслава вероломным образом, не мог уже более на него надеяться. Не в силах будучи удержать Киев, Болеслав все-таки захватил червенские города, отнятые от Польши Владимиром. Святополк обратился к печенегам: на помощь киевлян, как видно, он также не рассчитывал. Ярослав стал на берегу Альты, на том месте, где был убит брат его Борис. Там, в одну из пятниц 1019 года, на восходе солнца, произошла кровавая сеча. Святополк был разбит и бежал. По известиям нашей летописи, на него нашел какой-то безумный страх; он так расслаб, что не мог сидеть на коне и его тащили на носилках. Так достиг он Берестья (Брест). «Бежим, бежим, за нами гонятся!» — кричал он в беспомоществе. Бывшие с ним отроки посылали проведать, не гонится ли кто за ними; но никого не было, а Святополк все кричал: «Вот, вот, гонятся, бежим!» — и не давал остановиться ни на минуту; и забежал он куда-то «в пустыню между чехов и ляхов» и там кончил жизнь. «Могила его в этом месте и до сего дня, — говорит летописец, — и из нее исходит смрад»². Память Святополка покрылась позором между потомками, и прозвище «Окаянного» осталось за ним в истории.

Ярослав сел на столе³ в Киеве и должен был выдержать борьбу и с другими родичами. Полоцкий князь Брячислав, сын брата его Изяслава, в 1021 году напал на Новгород, ограбил, взял в плен многих новгородцев и ушел к Полоцку; но Ярослав догнал его на реке Судомири, отбил новгородских пленников, отнял награбленное в Новгороде, но потом помирился с ним, уступив ему во владение Витебск и Усвяты.

В 1023 году Ярославу пришлось бороться с братом Мстиславом. Этот князь, по древним известиям, плотный телом, краснолицый, с большими глазами, отважный в битве, щедрый к дружине, получил от отца удел в отдаленной Тмутаракани, прославился своей богатырской удалью, и в особенности единоборством с касожским князем Редедю, которое долго помнилось на Руси и составляло один из любимых предметов старинных песнопений. Русские, владея тмутараканской страной, часто воевали с соседями своими

¹ Куна, первоначально куница; куний мех, так как меха были мерлом ценности вещей, отсюда слово «куна» стало означать монетную единицу. Гривна — собственно весовая единица, но в перенесении понятия сделалась крупной монетной единицей вроде английского фунта стерлингов. Первоначально гривна серебра — фунт, потом, уменьшаясь — около полфунта, гривна кун приблизительно в семь с половиной раз менее гривны серебра.

² По скандинавским известиям, Святополк погиб в пределах Руси, убитый варягами.

³ С этих пор о вступающем на княжение князе почти всегда в летописях говорится, что «он сел на стол». Выражение это согласовывалось с обрядом: нового князя действительно сажали на стол в главной соборной церкви, что и знаменовало признание его князем со стороны земли.

касогами. Князь касожский, по имени Редедя, предложил Мстиславу единоеборство с тем, чтоб тот из них, кто в борьбе останется победителем, получил имущество, и жену, и детей, и землю побежденного. Мстислав принял предложение. Редедя был исполинского роста и необыкновенный силач; Мстислав изнемогал в борьбе с ним, но взмолился к Пресв. Богородице и дал обет построить во имя ее церковь, если одолеет своего врага. После того он собрал все силы свои, повалил Редедю на землю и зарезал ножом. По сделанному условию, Мстислав после того овладел его имуществом, женою, детьми и наложил на касогов дань, а в благодарность Пресв. Богородице, оказавшей ему в минуту опасности помощь свыше, построил храм во имя ее в Тмутаракани. Этот-то князь-богатырь поднялся на своего брата Ярослава с подчиненными ему касогами и призвал на помощь хазар. Сначала он, пользуясь отъездом Ярослава в Новгород, хотел было овладеть Киевом, но киевляне его не приняли; насильно покорять их он, как видно, не хотел или не мог. Ярослав пригласил из-за моря варягов. Достоинно замечания, что почти всегда в междоусобиях князей этого времени они принуждены были приглашать каких-нибудь чужеземцев. Так было и теперь. Приглашенными варягами предводительствовал Якун (Гакон), который оставил по себе на Руси память тем, что на нем был плащ, затканый золотом. Ярослав и Мстислав вступили в бой в Северной земле близ Листвена. Была ночь и страшная гроза. Бой был жестокий. Мстислав выставил против варягов северян; варяги одолевали северян, но бросился на варягов отважный князь Мстислав со своею удалою дружиною — и побежали варяги; Якун потерял даже свой золототканый плащ. Утром, обозревая поле битвы, Мстислав говорил: «Ну как этому не порадоваться! Здесь лежит варяг, там северянин, а своя дружина цела!» Русские князья еще долго проявляли свое древнее значение предводителей воинственных шаек, и только принятое христианство мало-помалу преобразовало их в земских правителей.

Победитель не стал более вести войны с братом. Он послал Ярославу, забравшему в Новгород, такое слово: «Ты старейший брат, сиди в Киеве, а мне пусть будет левая сторона Днепра!» Ярослав должен был согласиться. Мстислав избрал себе столицей Чернигов и заложил там церковь Спаса. С тех пор братья жили между собою душа в душу и в 1031 году, пользуясь слабостью премника Болеслава Храброго, Мечислава, возвратили отнятые Болеславом червенские города (Галичину); тогда Ярослав привел из Польши много пленников и поселил их у себя по берегам Роси; Мстиславу также достались пленники для поселения в своем уделе. Таким образом в народонаселение киевской земли вливалась, между прочим, польская народная стихия.

В 1036 году Мстислав умер, выехавши на охоту. Он не оставил по себе детей. Удел его достался Ярославу, и с тех пор киевский князь остался до смерти единственным властителем русских земель, кроме Полоцкой. Был, кроме него, в живых еще один сын Владимира Святого, Судислав, живший в Пскове, но Ярослав по какому-то оговору, тотчас по смерти Мстислава, засадил его в тюрьму в том же Пскове, и несчастный сидел там безвыходно до кончины Ярослава. В Новгород сначала Ярослав сам часто наезжал и жил там подолгу, а в отсутствии своем управлял через посадников. Коснятин, сын Добрыни, не пустивший Ярослава бежать за море, впоследствии подвергся его гневу, был сослан в Ростов, а потом убит в Муроме. В 1038 году Ярослав посадил в Новгород сына своего Владимира, а после его смерти в 1052 году посажен был сын Ярослава Изяслав, и с тех пор в Новгороде постоянно уже были особы князья; преимущественно же в первое время выбирались старшие сыновья киевского князя.

Ярослав расширял область русского мира подчинением новых земель. Кроме приобретения червенских городов от Польши, он счастливо воевал с

Чудью и в 1030 году основал в Чудской земле город Юрьев, названный таким образом по христианскому имени Ярослава, нареченного Юрием в крещении. В 1038 и 1040 годах он предпринимал походы на ятвягов и Литву и заставил их платить дань. Червенские города все еще составляли спорную область между Польшей и Русью, но Ярослав укрепил их за Русью тем, что помирился и породнился с польским князем Казимиром. Ярослав отдал за него сестру свою. Казимир возвратил вместо вена¹ восемьсот русских пленников, некогда захваченных Болеславом: в те времена очень дорожили людьми, по скудости рук, необходимых для обработки полей и для защиты края. По всем вероятностям, в это время Казимир уступил русскому великому князю окончательно и червенские города, а за то Ярослав пособил ему подчинить себе Мазовию. Не так счастливо кончилась у Ярослава морская война с Грецией, последняя в русской истории. Раздор произошел по поводу ссоры между русскими купцами и греками, во время которой убили одного русского. Ярослав в 1043 году отправил против Византии сына своего Владимира и воеводу Вышату, но буря разбила русские суда и выбросила на берег Вышату с шестью тысячами воинов. Греки окружили их, взяли в плен и привели в Царьград. Там Вышате и многим русским выкололи глаза. Но Владимир на море счастливо отбил нападение греческих судов и воротился в отечество. Через три года заключен был мир; слепцов отпустили со всеми пленными, а в утверждение мира греческий император Константин Мономах отдал дочь свою за сына Ярослава Всеволода. Это было не одно родство Ярослава с иноземными государями своего времени. Одна дочь его, Елисавета, была за норвежским королем Гаральдом, который даже оставил потомству стихотворение, в котором, воспевая свои бранные подвиги, жаловался, что русская красавица холодна к нему. Другая дочь, Анна, вышла за французского короля Генриха I и в новом отечестве присоединилась к римско-католической церкви, тогда еще только что отпавшей от единения с восточною. Сыновья Ярослава (вероятно, Вячеслав и Святослав) были женаты на немецких князьях.

Ярослав более всего оставил о себе память в русской истории своими делами внутреннего устройства. Недаром во время борьбы со Святополком киевляне называли его «хоромцем», охотником строить. Он действительно имел страсть к сооружениям. В 1037 году напали на Киев печенеги. Ярослав был в Новгороде и поспешил на юг с варягами и новгородцами. Печенеги огромною силою подступили к Киеву и были разбиты наголову. (С тех пор уже набеги их не повторялись. Часть печенегов поселилась в Русской земле, и мы в последующие времена видим их наравне с русскими в войсках русских князей.) В память этого события создана была Ярославом церковь Св. Софии в Киеве на том месте, где происходила самая жестокая сеча с печенегами.

Храм Св. Софии построен был греческими зодчими и украшен греческими художниками. Несмотря на все последующие перестройки и пристройки, храм этот до сих пор может служить образцом византийского зодчества того времени не только на Руси, но и во всей Европе. У нас это единственное здание XI века, сохранившееся сравнительно в большей целости. В первоначальном своем виде это было продолговатое каменное здание, сложенное из огромных кирпичных плит и отчасти дикого камня; оно длиною в пятьдесят два аршина и шириною около семидесяти шести аршин. Вышина его была от шестидесяти до семидесяти аршин. На северной, западной и южной сторонах сделаны были каменные хоры, поддерживаемые толстыми столбами с тремя арками внизу и сверху на южной и северной сторонах; алтарь троеча-

¹ Плата, даваемая женихом родителям или братьям невесты по древнему обычаю.

стный, полукруглый, с окнами, а рядом с ним было два придела. Здание освещалось пятью куполами, из которых самый большой приходился над серединой церкви, а четыре над хорами. Алтарные стены, алтарные столбы и главный купол были украшены мозаикой, а прочие стены стеной живописью¹. Снаружи церковь была обведена папертью, из которой на двух сторонах: южной и северной, шли две витые лестницы на хоры. Эти лестницы были расписаны изображениями разных случаев из светской жизни, как-то: княжеской охоты, княжеского суда, народных увеселений и т.п. (фрески эти существуют и до сих пор, хотя несколько подправленные).

Кроме Св. Софии, Ярослав построил в Киеве церковь Св. Ирины (теперь уже не существующую), монастырь Св. Георгия, распространил Киев с западной стороны и построил так называемые Золотые Ворота с церковью Благовещения над ними. По его повелению, в Новгороде, сын его Владимир в 1045 году воздвиг церковь Св. Софии в Новгороде, по образцу киевской, хотя в меньших размерах. Церковь эта сделалась главной святыней Новгорода.

Время Ярослава ознаменовалось распространением христианской религии по всем русским землям. Тогда уже выросло поколение тех детей, которых Владимир отдавал в книжное учение. Ярослав в этом отношении продолжал дело своего отца; по крайней мере мы имеем известие, что он в Новгороде собрал 300 детей у старост и попов и отдавал их «учиться книгам». В Суздальской земле в 1024 году сам Ярослав боролся против язычества. Сделался в этой стране голод. Волхвы научали людей, будто старые бабы скрывают в себе жито и всякое обилие. Народ волновался, и несколько женщин было убито. Ярослав прибыл в Суздаль, казнил волхвов, их соумышленников засадил в тюрьмы и поучал народ, что голод происходит от кары Божией, а не от чародейства старых баб. Христианство сильнее стало распространяться в этой земле между народом Мерею. Всего глубже пустила свои корни новая вера в Киеве, и потому там строились один за другим монастыри. Умножение епископских кафедр потребовало установления главной кафедры над всеми, или митрополией. Ярослав положил начало русской митрополии вместе с основанием Св. Софии. Первым митрополитом при нем является Феопемпт, освящавший в 1039 году Десятинную церковь, вновь перестроенную Ярославом. В 1051 году, вместо Феопемпта, поставлен был собором русских епископов Иларион, родом русский, человек замечательно ученый по своему времени, как показывает оставшееся от него сочинение «О благодати и законе». Сам Ярослав любил чтение и беседы с книжными людьми: он собрал знатоков и поручил переводить с греческого на русский язык разные сочинения духовного содержания и переписывать уже переведенные; таким образом составила библиотека, которую Ярослав приказал хранить в Св. Софии. Киевский князь, как видно, имел намерение освятить в глазах народа свой княжеский род и с этой целью, вскоре по утверждению своем в Киеве, перенес тело Глеба и положил рядом с телом Бориса в Вышгороде: с этих пор они начали привлекать к себе народ на поклонение; говорили, что тела их были нетленны и у гроба их совершались исцеления. В 1044 году Ярослав совершил странный обряд: он приказал выко-

¹ В настоящее время от прежней мозаики осталось на главном алтарном своде изображение Богородицы с поднятыми руками, а внизу на той же стене часть Тайной Вечери, а еще ниже под нею часть изображений разных святых. На алтарных столбах изображение Благовещения: на левой стороне Ангел с ветвью, а на противоположном столбе прядущая Богородица. Кроме того, уцелела часть мозаики в куполе. Древняя стеновая живопись в XVII веке была заштукатурена, и на штукатурке нарисованы были другие изображения, в XIX столетии новая штукатурка была отбита, открыта старая и подправлена, но не совсем удачно и в некоторых местах слишком произвольно.

пать из земли и крестить в Десятинной церкви кости своих дядей Олега и Ярополка, а потом похоронить их в церкви.

Ярославу принадлежит начало сборника древних законов, под названием «Русской Правды». Сборник этот, существующий в нескольких различных, то более, то менее полных редакциях, включает законоположения, установленные в разные времена и в разных местах, чего в точности определить невозможно. Самая старейшая дошедшая до нас редакция не восходит ранее конца XIII века. Несомненно, что некоторые из статей были составлены при сыновьях и внуках Ярослава, о чем прямо говорится в самих статьях. Ученые признают принадлежащими времени Ярослава первые семнадцать статей этого сборника, хотя нельзя отрицать, что, быть может, многие из последующих статей первоначально относятся к его же времени. Главный предмет Ярославовых законоположений — случаи обид и вреда, наносимых одними лицами другим. Вообще, как за убийства, так и за увечье и побои предоставлялась месть; за убийство могли законно мстить брат за брата, сын за отца, отец за сына и племянник за дядю. Если же мести не было, тогда платилась князю «вира», имевшая разные размеры, смотря по свойству обиды и по званию обиженного: таким образом, за убийство всякого свободного человека платилось 40 гривен, а за княжеского мужа 80. Вероятно, ко временам Ярослава можно отнести постановление о «дикой» вире, которая платилась князю всей общиной или вервью (от веревки, которою обмерялась принадлежавшая общине земля) в том случае, когда на земле общины совершено было убийство, но на убийцу не было предоставлено иска. Нашедший у кого-нибудь украденную у него вещь мог взять ее тотчас, если объявил предварительно о покраже на торгу, а если не объявил, то должен был вести вора на свод, т. е. доискиваться, каким путем пришла к нему вещь. Такой же порядок соблюдался по отношению к беглому или украденному холопу. В случае заpiresательства ответчика, дело решалось судом 12 выбранных человек.

Еще до своей смерти Ярослав разместил по русским землям своих сыновей. В Новгороде был старший сын его Владимир, умерший еще при жизни отца в 1052 году. В Турове был второй сын Ярослава, Изяслав, которому отец по смерти Владимира отдал новгородское княжение и назначил после своей смерти киевское; в Чернигове — Святослав, в Переяславе — Всеволод, во Владимире Волынском — Игорь, а в Смоленске — Вячеслав.

Ярослав скончался 20 февраля 1054 года на руках у любимого сына Всеволода и погребен в церкви Св. Софии в мраморной гробнице, уцелевшей до сих пор.

III ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОСИЙ ПЕЧЕРСКИЙ

В эпоху, когда Русь приняла христианство, православная церковь была пропитана монашеским духом, и религиозное благочестие находилось под исключительным влиянием монастырского взгляда. Сложилось представление, что человек может угодить Богу более всего добровольными лишениями, страданиями, удручением плоти, отречением от всяких земных благ, даже самоотчуждением от себе подобных, — что Богу приятна печаль, скорбь, слезы человека; и напротив, веселое, спокойное житье есть угождение дьяволу и ведет к гибели. Образцом богоугодного человека сделался отшельник, отрешившийся от всякой связи с людьми; в пример высокой христианской добродетели ставили затворников, добровольно сидевших в тесной келье, пещере, на столбе, в дупле и т.п., питавшихся самою скудной, грубою пищею, налагавших на себя обет молчания, истязавших тело тяжелыми железными веригами и предававших его всем неудобствам неопрятности. Если не все должны были вести такого рода жизнь, то все, по крайней мере, обязаны были, в видах благочестия, приближаться к такому идеалу. Слово *спасение* в христианском смысле тесно связывалось с приемами, выражавшими более или менее такое стремление. Весь строй богослужения сложился так, как будто был создан для монастырской жизни: продолжительные чтения, стояния, множество молитв и правил, чрезвычайно сложная символика и обрядность — все принаравливалось к такому людскому обществу, где бы человек мог исключительно быть занят молением. Самое содержание молитв, вошедших в церковный обиход и сочиненных отшельниками, более подходило к признакам монастырской, чем мирской жизни. Совершенный отшельник был самым высшим идеалом христианина; за ним, в благочестивом воззрении, следовала монастырская община — общество безбрачных постников и тружеников, считавшееся настоящим христианским обществом, а за пределами его был уже «мир», спасавшийся только молитвами отшельников и монахов и посильным приближением к приемам монастырского житья. Оттого-то пост как один из этих приемов пользовался и до сих пор продолжает пользоваться в народе важнейшим значением в деле спасения. Оттого-то хождение в монастыри считалось особенно богоугодным делом, тем более, когда к этому присоединялись лишения и трудности; оттого-то благочестивый мирянин думал перед смертью избавиться от вечной муки, записавши в монастырь свое имущество, или сам спешил постричься. Хотя брак в Церкви и признавался священным делом, но, вместе с тем, монашеское безбрачие ставилось гораздо выше брачной жизни; и благочестивый человек, в назидательных житиях и проповедях, мог беспрестанно встречать примеры, выставляемые за образец, когда святой муж избегал брака или даже убегал от жены для отшельнической или монастырской жизни. Народный благочестивый взгляд шел в этом случае далее самого учения Церкви и всякое сближение полов, даже супружеское, называл грехом:

известно, что до сих пор многие из народа толкуют первородный грех Адама и Евы половым сближением, хотя такое толкование давно отвергнуто Церковью. Тем не менее, однако, безбрачная жизнь признавалась самой Церковью выше брачной и семейной.

Монастырю, с его уставами, с его благочестивыми воспоминаниями и преданиями, суждено было сделаться средоточием духовной жизни, высшим центром просвещения, которого лучи должны были падать на грешный мир. По религиозному воззрению, если Божие долготерпение щадило этот грешный мир, достойный кары, за все свои пороки и беззакония, то этим он был обязан именно заступничеству тех подвижников, которые отреклись от него и презрели его широкий путь со всеми временными наслаждениями. Они молились за грешный мир, и в этом состояла их любовь и служба обществу человеческому.

В те времена, когда духовная деятельность вращалась почти исключительно в религиозной сфере или, по крайней мере, находилась под сильным влиянием религии, понятно, что монастырь сделался школой для народа; монахи были его наставниками; в монастырях сосредоточивалось книжное учение, и значительная часть дошедшей до нас письменности носит на себе характер монашеский.

Так было в византийском мире; то же перешло и к нам; хотя рядом с этим заимствованным направлением проявлялись проблески самобытной духовной деятельности свежего и даровитого народа, но для потомства они не выдержали соперничества с монастырским духом: Печерский патерик, содержащий жития святых иноков Печерского монастыря, в течение веков оставался творением, известным всему русскому народу, даже неграмотному, тогда как поэтическое произведение XII века «Слово о Полку Игоря», уцелевшее случайно в одном списке, служит печальным свидетельством о гибели другого рода литературы, не имевшей в книжном мире той крепости, какою обладали монастырские произведения.

Понятия об отречении от мира, об удручении плоти, отшельничестве и монастырском житии пришли к нам, конечно, разом с крещением. Хотя во времена Владимира в старинных списках летописи не говорится о монастырях, но это, конечно, оттого, что христианство только что водворялось; однако, вероятно, и тогда уже появились начатки монашеского жития. О временах Ярослава существует положительное известие, что в его княжение начались монастыри и умножились черноризцы: этот князь любил духовных, и в особенности монахов; при нем в Киеве явилось несколько монастырей; но первые начатки, по недостатку людей сильных волей, оказались слабыми. Истинными утвердителями монастырского жития были: Антоний, а более всего Феодосий, основатели Печерского монастыря. Обычай выкапывать пещеры и поселяться в них, в видах спасения, возник в Египте и существовал на всем Востоке. Вместе с религиозными преданиями зашли к нам и повествования об угодивших Богу пещерниках: явились подражатели. Первый, начавший копать пещеру близ Киева, был Иларион, священник в селе Берестове, получивший потом сан митрополита. В покинутой им пещере поселился молодой Антоний, родом из Любеча, который ходил на Афонскую гору и получил там монашеское пострижение. По возвращении в отечество он не был доволен жизнью в монастырях, построенных в Киеве, поселился в пещере, изнурял себя воздержанием, вкушал только хлеб и воду, и то через день. Скоро, однако, слава его разнеслась по Киеву, и благочестивые люди приносили ему потребное для жизни. Пример его подействовал на какого-то священника по имени Никон: он пристал к Антонию и стал жить с ним в пещере. За ним явился к нему третий сподвижник; это был Феодосий.

Нам осталось житие этого святого. Оно, несомненно, старое, так как известно по рукописям XII века, и, как значится в нем, написано Нестором, печерским летописцем. По этому житию Феодосий был уроженец города Василева (ныне Васильков), в детстве с родителями переселившийся в Курск. Он лишился отца в тринадцатилетнем возрасте и остался под властью матери, женщины сурового нрава и упрямой. С детства заметна была в нем молчаливость и задумчивость; он удалялся от детских игр; религия стала привлекать к себе эту сосредоточенную натуру: благочестивое чувство рано пробудилось в нем и овладело всем его бытием. Первое, чем выразилось оно, было стремление к простоте; ему противны казались внешние отличия, которые давало ему перед низшими его общественное положение; он не терпел блестящих одежд, надевал на себя такое же платье, какое было на рабах, и вместе с ними ходил на работу. Мать сердилась на это и даже была своего сына. Какие-то странствующие богомольцы пленили его рассказами об Иерусалиме, о местах, где жил, учил и страдал Спаситель, и Феодосий тайно ушел с ними. Но мать догнала его, прибила, заковала и держала в оковах до тех пор, пока он не дал ей обещания не убежать из дому. Оставшись на свободе, Феодосий начал печь просфоры. И за это мать сердилась на него, так как считала такое занятие неприличным его роду. Материнский деспотизм вывел другой раз из терпения отрока: он убежал от нее в какой-то город, пристал к священнику; но мать опять нашла его и опять подвергла побоям. Такое недовольство матери благочестием сына объясняется тем еще языческим состоянием, в каком были тогда русские люди, так как христианство проникло к ним недавно; в Курске, городе глухом, не первом классе, не было ни одного монастыря; жители, хотя крещеные, не ознакомились еще с монастырским бытом; приемы монашества для них казались странными и дикими. Лицо, которое «Житие» называет властителем города — вероятно княжий муж, посадник Ярославов, он полюбил Феодосия, взял его к себе в дом, одевал в хорошее платье, но Феодосий отдавал нищим это дареное платье, сам ходил в простом и наложил себе на тело железные цепи: он, конечно, слышал, что святые отшельники носили вериги, и стал подражать им. Мать нечаянно увидела эти цепи, которые до крови разьедали тело ее сына, сняла их и опять прибила его.

Тогда юноша решился бежать во что бы то ни стало. Он слышал, что в Киеве есть монастыри, и туда направил путь, чтобы там постричься. Путь был не короткий; дороги Феодосий не знал; к счастью, он встретил купеческий обоз, шедший с товарами в Киев, и, не теряя его из виду, шел за ним следом, останавливаясь тогда, когда обоз останавливался, и снова продолжал путешествие, когда обоз снимался с места. Так добрался он до Киева. Но киевские монастыри еще менее оказались удовлетворительными для Феодосия, чем для Антония. Юноша был беден; нигде в монастырях не хотели принять его. Он услышал об Антонии, отправился к нему и просил принять к себе.

«Чадо, — сказал Антоний, — пещера — это место скорбное и тесное, ты же молод: я думаю, не вытерпишь скорби в сем месте».

«Честный отче, — ответил Феодосий, — ты все проразумеваешь, ты знаешь, что Бог привел меня к твоей святости. Все, что велишь, буду творить».

«Чадо, — сказал Антоний, — благословен Бог, укрепивший тебя к такому намерению. Пребывай здесь».

Он приказал Никону постричь Феодосия. То было при князе Ярославе. Мать только через четыре года напала на след пропавшего без вести сына, приехала в Киев и с большим трудом добилась, при посредстве Антония, свидания с сыном.

Феодосий остался непреклонен ко всем молениям и просьбам матери и уговорил ее принять пострижение.

Она решилась на это, лишь бы иметь возможность видеть иногда сына, и постриглась в монастыре Св. Николая (на так называемой Оскольдовой могиле).

Мало-помалу число отшельников увеличивалось. Один молодой человек, сын боярина, приходил слушать поучения отшельников и, наконец, решился присоединиться к ним. Никон постриг его. За ним постригся другой, принадлежавший к княжескому двору, скопец Ефрем. Эти случаи вооружили против пещерников киевского князя Изяслава Ярославича до того, что он грозил раскопать их пещеру. Князь посердился, но оставил в покое отшельников; зато сын боярина, постриженный под именем Варлаама, вытерпел большую борьбу со своим семейством. Он был женат. Отец взял его силой из пещеры, употреблял все средства, чтобы отвлечь его от монашества, и поручил его жене подействовать на него своею любовью. Повествователь изображает ласки жены точно так, как будто дело шло об уловках блудницы. Варлаам сидел в углу, не вкушая предлагаемой пищи и не обращая внимания на ласки жены: так пробыл он три дня, молчал и только мысленно просил Бога, чтобы укрепил и избавил его от женской прелести. Наконец родители, видя, что ничего с ним не поделают, и пустили его со слезами; оплакивала его овдовевшая жена, плакали служители, любившие его; Варлаам не тронулся ничем. Место это в жизнеописании может служить образчиком много раз встречаемого в сочинениях монахов чрезмерного предпочтения монашеского одиночного жития брачному союзу и семейным связям, всегда одобряемых и освящаемым духом Христовой религии и уставами православной церкви.

Варлаам построил над пещерой церковь и был игуменом после того, как Никон ушел из Киева в Тмутаракань. С этих пор здесь положено было начало монастырского жития. Скоро Варлаам, по желанию князя, был переведен игуменом в монастырь Св. Димитрия в Киеве, а вместо него, по благословению Антония, братия избрала игуменом Феодосия.

До сих пор все пещерники жили в тесноте, чрезвычайно скудно, питались хлебом и водой, разрешая себе сочиво по субботам и воскресным дням, но часто, вместо сочива, по недостатку, довольствовались вареным зельем. Феодосий превосходил всех своими подвигами, так как он был очень крепкого телосложения. Он всем служил, носил воду, таскал дрова: все жили ручною работою и на вырученные деньги покупали себе муку; каждый должен был измолоть свою часть; когда другие, уставши, отдыхали, Феодосий молот за них. В летние ночи он выходил из пещеры, обнажал до пояса свое тело, плел шерсть на копытца (чулки) и клобуки (шапочки), которые потом продавал для своего пропитания, а сам во время работы пел псалмы, между тем как мошки и комары кусали его до крови. Первым приходил он в церковь к богослужению, последним уходил из церкви и во все время богослужения простаивал на одном месте, не двигаясь ни шагу. Такое подвижничество и смирение внушали к нему уважение и прославили его.

Феодосий, сделавшись игуменом, выказал в высокой степени талант устроителя и правителя. Внешние знаки власти не только не пленяли его, но были ему противны; зато он умел властвовать на самом деле, как никто, и своим нравственным влиянием держал монастырь в безусловном повиновении. Он отыскал удобное для построения церкви место, неподалеку от пещеры, и в короткое время построил там другую церковь во имя Пресв. Богородицы, выстроил около нее кельи, переселился туда с братией из пещер и послал одного из братии к Ефрему-скопцу в Константинополь, с просьбою прислать для новоустроенного монастыря устав. Ефрем-скопец, бывший постриженник печерский, прислал Феодосию устав Студийского монасты-

ря в Константинополе, славившегося как святостью своих сподвижников, так и ревностью их к православию во времена иконоборства. Этот устав и послужил на многие века уставом Печерского монастыря.

Феодосий был очень строг, требовал от братии точного исполнения устава, постоянно наблюдал, чтобы братия не облегчала себе монашеских подвигов. Он по ночам обходил кельи, нередко подслушивал у дверей, и если слышал, что монахи разговаривают между собою, то ударял палкой в дверь. Никому не позволял он иметь никакой собственности, и если находил что-либо подобное в келье монаха, то бросал в огонь. Никто из братии не смел ничего съесть кроме того, что предлагалось на трапезе. Главное, чего требовал он — это беспредельное послушание воле игумена, послушание без всякого размышления. Оно ставилось выше поста, выше всяких подвигов изнурения плоти, выше молитв. Всякое переиначение приказания игумена объявлялось грехом. Однажды келарь предложил братии на трапезе хлебы, которые игумен велел предложить в предшествовавший день; келарь допустил это изменение потому, что в предшествовавший день в монастыре были уже другие хлебы. Феодосий приказал предложенные не в указанный день хлебы бросить в воду, а келаря подвергнул епитимии. Братия была приучена к строжайшему, буквальному исполнению воли игумена: однажды вратарь не пустил в монастырь князя Изяслава, потому что этот князь приехал в такое время, когда Феодосий запретил вратарю пускать посторонних в монастырскую ограду. Требуя от братии строгой нищенской и постной жизни, он сам показывал другим пример: ел обыкновенно один ржаной хлеб, вареную зелень без масла и пил одну воду; в великую четырехдесятницу, от заговенья до пятницы Вербной недели, запирался в тесной пещере; всегда носил на теле власяницу, а сверх власяницы худую свитку и, кроме рук, никогда не мыл своего тела.

Предписывая своим монахам строгое удаление от мира, который представлялся гнездилищем всех зол, Феодосий соприкасался с мирскими людьми делами христианской любви: он устроил близ монастыря двор для увечных, слепых, хромых и давал на них десятую часть монастырских доходов, а по субботам посылал хлебы в тюрьмы. Хотя в монастырь поступали беспрестанно приношения, но Феодосий не скоплял богатств, тратил их на добро другим, и нередко бывали дни, когда монастырь внезапно находился в большой скудости. Феодосий в этом отношении предавался воле Божией, и часто в оправдание такой надежды неожиданные приношения вырочали братию. К Феодосию обращались мирские люди с просьбами о заступлении перед князьями и судьями, и он помогал им своим ходатайством, так как князья и судьи уважали голос Феодосия, считая его праведником.

Нередко князья приходили к нему, а также приглашали к себе. Однажды, пришедши к князю Святославу Ярославичу, он застал там большое веселье: одни играли на гусях и органах, другие пели песни. Феодосий сидел и слушал их с печальным видом и, наконец, проговорил: «Будет ли так на том свете!» Князь приказал немедленно остановить веселье, из уважения к присутствию отшельника, и на будущее время Феодосий уже не встречал у него таких забав; но это не мешало князю предаваться забавам в отсутствие Феодосия.

Добрые отношения к князьям не мешали Феодосию обличать их за несправедливые деяния. Когда Святослав изгнал брата своего Изяслава, Феодосий порицал его и в своем послании к нему уподоблял его Каину, убившему брата своего Авеля. Святослав так рассердился за это, что грозил послать печерского игумена в заточение. «Я этому рад, — сказал Феодосий, — для меня это самое лучшее в жизни. Чего мне страшиться: потери ли иму-

шества и богатств? Разлучаться ли мне с детьми и селами? Нагими пришли мы в мир, нагими и выйдем из него!» Князь не стал более преследовать Феодосия, всеми уважаемого, но и Феодосий перестал обличать Святослава, а только при всяком случае просил его возратить княжение брату, и в своем монастыре повелел поминать на ектеньях сперва Изяслава как великого князя, а за ним, уже в виде снисхождения, Святослава.

К нам дошло несколько поучений игумена Феодосия: одни из них обращены собственно к монахам и касаются более вопросов богослужения и монашеской жизни; другие — вообще к христианам. В одном из поучений последнего рода «О казнях Божиих», — в котором Феодосий признает общественные бедствия, как-то: голод, болезни, нашествие врагов, последствиями наших грехов, влекущих за собой кару небесную, — он порицает, между прочим, разные языческие суеверия, господствовавшие в обществе, еще недавно принявшем христианство. Таким образом, встреча с чернецом, черницею, лысым конем и свиньею считались дурным предвестием и побуждали идущего возвращаться назад. Феодосий нападает также на верование в чихание, на чародейство, гадания, приметы, взимание процентов, на светские забавы, на музыку, состоявшую тогда из гуслей и сопелей, на скоморохов, на языческий обычай целоваться с женщинами во время пиров; более всего расстраивается о пьянстве, как о пороке, господствовавшем в тогдашнем обществе, но позволяет, впрочем, пить умеренно. Достойно замечания, что в ответе своему князю Изяславу о некоторых предметах благочестия, Феодосий относится снисходительнее к правилам о посте, чем обыкновенно церковные учителя последующих времен. В среды и пятки он предписывает мирянам воздержание только от мяса и одним чернецам от молочного. Самое воздержание от мяса в среды и пятки не было безусловно обязательным и могло как налагаться, так и разрешаться духовным лицом («аще связан еси отцем духовным в среду и пяток мясо не ясти, от того же и разрешение приими»). Вообще никто не должен сам налагать на себя постов, но следует поститься тогда, когда велит духовный отец. В господские и богородичные праздники, также в день 12 апостолов, если они приходятся в среду и пяток, Феодосий разрешает есть мясо. Феодосий сурово относится к иноверцам: «Живите мирно не только с друзьями, — поучает он, — но и с врагами, однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими; свой враг тебе тот будет, кто убил бы перед твоими очами твоего сына или брата; прости ему все; но Божие враги — жида, еретики, держащие кривую веру... Нет лучше веры нашей, чистой, честной, святой; живучи в этой вере, можно избавиться от грехов, сделаться причастником вечной жизни, а тем, которые пребывают в вере латинской, армянской, срацинской, тем нет жизни вечной, ни части со святыми». Он вооружался против веротерпимости: «Кто хвалит чужую веру, тот свою хулит, а кто хвалит и свою веру, и чужую разом, — тот двоеверец; и кто тебе скажет: и ту, и другую веру Бог дал — ты скажи ему: разве Бог двоеверен? Писание говорит: един Бог, едина вера, едино крещение». По отношению к латинянам Феодосий запрещает православным давать за них дочерей и брать у них жен, брататься с ними, кумиться, целовать их, есть с ними и пить из одного сосуда: если будет латинянин просить есть или пить, то дать ему из особого сосуда, а потом выполоскать и сотворить молитву. Тем не менее, он приказывает князю всякого неверного, как и правоверного, накормить, одеть и избавить от беды. Более всех ненавидел Феодосий жидов, и жизнеописатель его говорит, что он ходил к жидам укорять их, досаждал им, называл беззаконниками и отступниками и хотел быть от них убитым за Христа.

Уже незадолго до кончины Феодосия положено было начало основанию каменной церкви на том месте, где находится и теперь главный храм Печер-

своей обители. Средства для этого, на первый раз, доставлены были одним варягом, по имени Шимон. Об нем сохранился такой поэтический рассказ:

Шимон был изгнан из отечества своими дядями и отправился на корабле служить в Русь. Был у него оставшийся от отца крест в десять локтей с поясом — по одним известиям в 50, по другим в 8 гривен — и с золотым венцом на главе Распятого. Шимон захватил с собою пояс и венец, когда уходил из родины. Тогда был ему такой глас: «Не возлагай этого на главу свою, а носи на уготованное место, где строится церковь Моей, и отдай в руки преподобного Феодосия, а он повесит над жертвенником». После этого видения, во время плавания его по Балтийскому морю в Русскую землю, сделалась буря. Шимон испугался и полагал, что Бог наказывает его за то, что он взял украшение с Христова образа, и стал в этом каяться; тогда увидел он на воздухе изображение церкви и услышал голос: «Вот церковь, которая будет создана во имя Божией Матери, а ты будешь положен в ней. Размер поясом двадцать локтей в высоту, тридцать в длину и тридцать в ширину». Несмотря на это, по прибытии в Киев, Шимон долго не строил церкви, но ему было снова чудное видение. Уже по смерти Ярослава, при котором он приехал в Русь, Шимон с его сыновьями: Изяславом, Святославом и Всеволодом, отправляясь против половцев, обращался к Антонию за благословением. Преподобный Антоний сказал: «О, чадо! Многие падут от острия меча, многие будут попираемы и уязвляемы, многие потонут в воде, а ты останешься спасен; тебе суждено лежать в печерской церкви, которая здесь построится». Русские были поражены на Альте. Шимон был ранен, лежал на поле посреди трупов и умирающих и вдруг увидел в воздухе изображение той же церкви, которая являлась ему над балтийскими водами. Он исцелился от ран, рассказал Антонию о видениях, и отдал ему венец и пояс. Антоний переименовал Шимона в Симона и передал его дар Феодосию. Симон очень полюбил Феодосия и доставил ему много средств для постройки новой церкви. Это было в 1073 году.

Симон явился после того к Феодосию и сказал ему: «Дай мне, отче, слово, что душа твоя благословит меня не только в этой жизни, но и по смерти моей и твоей».

«Это прошение выше силы моей, — отвечал Феодосий. — Но если по моем отшествии от мира устроится эта церковь, если будут уважать в ней предания и мои уставы, то это будет тебе знаком, что я имею дерзновение у Бога».

«Господь свидетельствовал о тебе, — сказал Симон, — я сам слышал от пречистых уст Его образа. Помолись так же, как ты молишься о своих чернецах, обо мне, и о сыне моем Георгии, и о потомках моих».

«Я не об одних чернецах молюсь, — возразил ему Феодосий, — но и о всех любящих это место».

Симон поклонился до земли и сказал:

«Отче! Не изыду от тебя, дай мне на письме свое благословение».

Феодосий дал ему молитву, какую теперь вкладывают в руки покойникам. С этих-то пор пошел на Руси обычай вкладывать в руки покойникам рукописание.

Но Симон, готовясь строить храм, попросил еще у Феодосия отпустить грехи его родителям.

Феодосий, воздвигнув руки, сказал: «Да благословит тебя Господь от Сиона и да увидите вы красоты Иерусалима во все дни жизни вашей в третьем, в четвертом роде до последнего».

Симон оставил латинскую веру и перешел к восточному православию.

Церковь заложена была в 1073 году Феодосием и епископом Михаилом во время бытности в Царьграде митрополита Георгия. Основание ее также подало повод к составлению рассказов о том, как четыре мастера в Царьгра-

де получили от самой Богородицы приказание идти на Русь и построить церковь, что икона, которая впоследствии сделалась местною, принесена из Греции, вручена была самою Богородицею и есть произведение небесного искусства. Это было началом того благоговейного почитания икон явленных, так распространенного впоследствии на Руси. Отыскание места для церкви также сопровождалось чудесами, подобными чудесам Ветхого Завета в истории Гедеона и Илии. Феодосий, желая узнать, какое место угодно будет Богу для постройки церкви, молился, чтобы везде была роса, а на том месте, где следует быть церкви, росы не было, а на другую ночь просил обратного: чтобы там была роса, когда повсюду не было росы, — и все исполнилось по его желанию. На том месте, где высшее знамение указало быть церкви, росли кустарники; они были истреблены огнем, низведенным с неба силой молитв Феодосия. Когда нужно было копать ров для закладки храма, эту работу первым предпринял князь Святослав. Богатые люди жертвовали вклады, волости и села на создание храма с тем, чтобы быть погребенными на этом месте. Варяг Симон первый удостоился этой чести.

В следующем, 1074 году, 2 мая скончался преподобный Феодосий, назначив по выбору братии, даже против своего собственного желания, преемником себе Стефана, приказав после своей смерти не омыwać свое тело и похоронить в пещере, в той бедной одежде, которую он носил и в которой отошел в вечность.

Предание говорит, что Феодосий перед смертью просил Святослава, чтобы церковь Печерская была освобождена от власти и князей, и владык, потому что создала ее Богородица, а не люди; и обитель надолго пребывала независимою общиною. Мудрый Феодосий установил твердую нравственную связь между всеми, принадлежавшими к обители. Если кто будет призван на какое-нибудь высшее духовное место на Руси, то он может принимать его и выходить из обители только с позволения старших, но всегда должен искать успокоения в Печерской обители, и только за таких святой основатель монастыря обещал молиться пред Богом. В силу такого завета основателя, многие печерские иноки, занимавшие впоследствии высокие места в русской Церкви, где бы они ни были, не теряли связи с монастырем. Напутствуемый мысленными благословениями св. Феодосия, духовный питомец Печерской обители, был ли он в Ростове, Владимире, Новгороде, Полоцке, всегда обращался сердцем к Киеву, к заветной обители, как обетованной земле спасения, хранил правила, которые получал в этом монастыре, и распространял их везде, куда простиралось его влияние. Это ярко проявляется в одном памятнике духовной литературы XII века, а именно: в послании владимирского епископа Симона к печерскому монаху Поликарпу: «Кто не знает меня, грешного епископа Симона, и соборной церкви красоты владимирской, и другой, суздальской, которую я создал сам. Сколько у них городов и сел, и собирают десятину со всей этой земли, и всем этим владеет наша худость! Скажу тебе, что всю эту славу и честь я признаю калом (грязью) и хотел бы лучше щепкой топчаться за воротами или сором валяться в Печерском монастыре и быть попираемым людьми, или быть одним из тех убогих, что просят милостыню пред вратами честной Лавры: лучше сей временной чести для меня один день в доме Божьей Матери, нежели тысяча лет в селехниках грешников».

Тот же дух, который проявил Феодосий в своей жизни и устройстве монастыря, надолго оставался в его обители. За ним появился целый ряд подвижников, деяния которых записывались, передавались устно, служили примером для других монастырей и распространяли в русском народе известное направление религиозных воззрений. Оттуда истекало, там окрепло и утвердилось то господствующее понятие, что Бог любит в христианине: доб-

ровольное терпение, самоизнурение постом, удаление от половой связи, утомительное богомоление, слезы, скорбь, вздыхание, сетование, нищета, — что монастырь есть путь к спасению и в мире, если не совсем невозможно, то очень трудно спастись: только надежды на молитвы подвижников могут давать утешение; а потому следует давать в монастыри вклады и надеять их богатствами, чтобы в них молились за грешников.

В этом направлении были светлые стороны. Они состояли уже в том, что монастыри были главными проводниками христианства; а в благодетельном влиянии христианства едва ли могут сомневаться самые неверующие люди. Но, с другой стороны, предпочтение монашеского звания и уважения к иноческой жизни вносили односторонность в религиозное воззрение. Мысль, что Богу всего угоднее одиночная, подвижническая жизнь инока и человек тем ближе к спасению, чем дальше от мира, вытесняла христианскую добродетель из этого мира: благочестивые люди стремились не к тому, чтобы в людском обществе, в мире, совершать подвиги любви Христовой; их идеал богоугодной жизни был не в среде человеческих отношений, а, напротив, вне их. Спасение удобнее казалось одинокому, оторванному от людей затворнику; и напротив, обращение с людьми приводило к неизбежному греху, — так думали русские, тогда как по духу Евангелия следовало наоборот. Словам Христа, — что тот недостоин Его, кто ради Его и Евангелия не оставит отца, матери, жены и всего, что есть для него дорогого в мире, — давали смысл вступление в монастырь, тогда как они означали требование от последователя Христова предпочитать всяким родственным и кровным отношениям правду, возведенную учением Спасителя и подкрепленную примером Его жизни и смерти. Высокий подвиг страдания за правду, за ближних, обратился в подвиг страдания ради самого страдания; средство стало целью; борьба с дьяволом в образе зла и растения человеческого общества заменялась борьбой с призраками, тревожившими расстроенные нервы истязавшего себя пустытника. Безбрачие, — некогда предлагаемое апостолом как состояние более удобное, и то временно, для некоторых, ему подобных, в тяжелую эпоху гонений, — возведено было само по себе в доблесть и тем унижен был семейный союз; то, что могло быть уделом только очень немногих, одаренных способностью «вместить», становясь если не обязательной, то все-таки высшей добродетелью, достойною стремления, превращалось в чудовищное насиливание природы; наконец, уважение к слезам, скорби, болезни, нищете, вообще к несчастью, завещанное учителем в видах облегчения от горести, для счастья человеческого, превращалось в умышленное искание слез, скорби, болезни, нищеты. Таким образом логически выходила бесцельность дел любви Христовой; если страдание являлось само по себе целью, то незачем было стремиться к уменьшению его на земле; напротив, нужно, казалось, заботиться, чтобы люди страдали: к этому приводила односторонность, вытекавшая из господства монашеского направления в христианстве. Так как идеал христианской доблести поставлен был вне гражданского общества и под условием насиливания человеческой природы, то он не мог достигаться не только всеми, но и большею частью тех, которые исключительно ему отдавались; отсюда вытекло, что последствием стремления к такому идеалу являлось именно то, что более всего было противно духу Христова учения: лицемерство, самообольщение, ханжество и отупение. За исключением немногих личностей, которым дано было свыше достигать высшего монашеского идеала, за исключением бедняков, слабых духом и телом, неспособных к труду в обществе, — монастыри наполнялись людьми, возмечтавшими о себе то, чего в них не было, жалкими самоистязателями, воображавшими, что Богу угодно насилие данной Богом же духовной и телесной природы человека, а более всего эгоистами, тунейдцами и лицемера-

ми, надевавшими на себя личину святости. За пределами же монастырей, весь мир пребывал в грубейшей чувственности и в темнейшем невежестве, продолжали в нем господствовать и развиваться пороки, совершались насилия и злодеяния, лилась реками кровь человеческая, люди терзали друг друга; а благочестивое чувство утешало себя тем, что так неизбежно должно быть на свете по воле Божией, и искало примирения с совестью и Божеством в соблюдении кое-каких видимых приемов, приближающих жизнь к монашескому идеалу, поставленному вне мира и гражданского общества.

IV КНЯЗЬ ВЛАДИМИР МОНОМАХ

Между древними князьями дотатарского периода после Ярослава никто не оставил по себе такой громкой и доброй памяти, как Владимир Мономах, князь деятельный, сильный волей, выделявшийся здравым умом посреди своей братии князей русских. Около его имени вращаются почти все важные события русской истории во второй половине XI и в первой четверти XII века. Этот человек может по справедливости назваться представителем своего времени. Славяно-русские народы, с незапамятных времен жившие отдельно, мало-помалу подчинились власти киевских князей и, таким образом, задачей их совокупной истории стало постепенное и медленное образование государственной цельности. В каких формах и в какой степени могла проявиться эта цельность и достигнуть полного своего осуществления — это зависело уже от последующих условий и обстоятельств. Общественное устройство у этих народов имело те общие для всех признаки, что они составляли земли, которые тянулись к городам, пунктам своего средоточия, и в свою очередь дробились на части, хотя сохраняли до известной степени связь как между частями дробления, так и между более крупными единицами, и отсюда происходило, что города были двух родов: старейшие и меньшие; последние зависели от первых, но с признаками внутренней самобытности. Члены земли собирались в городах совещаться о своих делах, а творить расправу, защищать землю и управлять ею должен был князь. Сперва политическая власть киевских князей выражалась только тем, что они собирали дань с подчиненных, а потом шагом к более прочному единству и связи между землями было размещение сыновей киевского князя в разных землях, а следствием этого было разветвление княжеского рода на линии, более или менее соответствовавшие расположению и разветвлению земель.

Это размещение княжеских сыновей началось еще в язычестве, но грубые варварские нравы не допускали развиваться какому-нибудь новому порядку; сильнейшие братья истребляли слабейших. Так, из сыновей Святослава остался только один Владимир; у Владимира было много сыновей, и всех их он разместил по землям; но Святополк, по образцу языческих предков, начал истреблять братьев, и дело кончилось тем, что за исключением особо выделенной полощкой земли, которая досталась старшему сыну Владимира Изяславу как удел его матери, вся остальная Русь была под властью одного киевского князя Ярослава. Это не было единодержавие в нашем смысле слова и вовсе не вело к прочному сцеплению земель между собой, а напротив, чем более земель могло скопиться под властью единого князя, тем менее было возможности этой единой власти наблюдать над ними и иметь влияние на течение событий в этих подвластных землях. Напротив, когда после принятия христианства вместе с одною верою входил в Русь и единый письменный язык и одинаковые нравственные, политические и юридические понятия, если в различных землях и пребывали свои князья, то эти князья — происходя из

единого княжеского рода, сохраняя более или менее одинаковые понятия, привычки, предания, воззрения, руководимые при этом единой Церковью — своим управлением способствовали распространению таких свойств и признаков, которые были одинаковы во всех землях и, следовательно, вели их к единению между собою.

После Ярослава начинается уже непрерывно тот период, который обыкновенно называют удельным. Особые князья явились в земле северян или Черниговской, в земле смоленских кривичей, в земле Волынской, в земле Хорватской или Галицкой. В земле Новгородской сначала соблюдалось как бы правило, что там князем должен быть старший сын киевского князя, но это правило очень скоро уступило силе народного выбора. Земля Полоцкая уже прежде имела особых князей. В земле Русской или Киевской выделилось княжение переяславское, и к этому княжению по разделу Ярослава присоединена отдаленная Ростовская область. Собственно, не было ни правил для размещения князей, ни порядка их преемственности, ни даже прав каждого лица из княжеского рода на княжение где бы то ни было, а потому, естественно, должен был возникнуть ряд недоразумений, которые приводили неизбежно к междоусобиям. Само собой разумеется, что это задерживало ход развития тех начал образованности, которые Русь получила вместе с христианской верой. Но еще более препятствовало этому развитию соседство с кочевыми народами и непрестанные столкновения с ними. Русь как будто приговором судьбы осуждена была видеть у себя приходивших с востока гостей, сменявших друг друга: в X веке и в первой половине XI в. она терпела от печенегов, а с половины XI их сменили половцы. При внутренней безладии и княжеских усобицах, Русь никак не могла ограждать себя и избавиться от такого соседства, тем более, когда князья сами приглашали иноплеменников в своих междоусобиях друг против друга.

При таком положении дел важнейшею задачею тогдашней политической деятельности было, с одной стороны, установление порядка и согласия между князьями, а с другой — дружное обращение всех сил Русской земли на свою защиту против половцев. В истории дотатарского периода мы не видим ни одной такой личности, которой бы удалось совершить прочно и плодотворно такой великий подвиг; но из всех князей никто не стремился к этой цели с такой ясностью взгляда и с таким, хотя временным, успехом, как Мономах, и потому имя его долго пользовалось уважением. Кроме того, о его жизни сложилось понятие, как об образцовом князе.

Владимир родился в 1053 году, за год до смерти деда своего Ярослава. Он был сыном Всеволода, любимейшего из сыновей Ярослава; тогда как прочих сыновей Ярослав разместил по землям, назначив им уделы, Всеволода отец постоянно держал возле себя, хотя дал ему в удел близкий от Киева Переяславль и отдаленный Ростов. Старик Ярослав умер на руках у Всеволода. Мать Владимира, последняя супруга Всеволода, была дочь греческого императора Константина Мономаха; Владимир по деду со стороны матери получил имя Мономаха. Таким образом, у него было три имени: одно княжеское — Владимир, другое крестное — Василий, третье дедовское по матери — Мономах.

Будучи тринадцати лет от роду, он принялся за занятия, которые, по тогдашним понятиям, были приличны княжескому званию — войною и охотою. Владимир в этом случае не был исключением, так как в те времена князья вообще очень рано делали то, что, по нашим понятиям, прилично только возмужалым; их даже женили в отроческих летах. Отец послал Владимира в Ростов, и путь его лежал через землю вятичей, которые еще тогда не хотели спокойно подчиняться княжеской власти Рюрикава дома. Владимир недолго был в Ростове и скоро появился в Смоленске. На Руси тем временем начинались одна за другой две беды, терзавшие страну целые века. Сначала поднялись княжеские междоусобия. Начало им было положено тем, что сын умершего Ярослава

сына, Владимира, Ростислав, бежал в Тмутаракань, город, находившийся на Таманском полуострове и принадлежавший тогда черниговскому князю, поместившему там своего сына Глеба. Ростислав выгнал этого Глеба, но и сам не удержался после него. Это событие, само по себе одно из множества подобных в последующие времена, кажется замечательным именно потому, что оно было тогда первым в этом роде. Затем прорвалась вражда между полоцкими князьями и Ярославичами. В 1067 году полоцкий князь Всеслав напал на Новгород и ограбил его; за это Ярославичи пошли на него войной, разбили и взяли в плен.

В следующем 1068 году настала беда другого рода. Нахлынули с востока половцы, кочевой народ тюркского племени; они стали нападать на Русские земли. Первое столкновение с ними было неудачно для русских. Киевский князь Изяслав был разбит и вслед за тем прогнан самими киевлянами, с которыми он и прежде не ладил. Изяслав возвратился в Киев с помощью чужеземцев-поляков, а его сын варварски казнил и мучил киевлян, изгнавших его отца; потому-то киевляне при первой же возможности опять избавились от своего князя. Изяслав снова бежал, а вместо него сел на киевский стол его брат Святослав, княживший прежде в Чернигове; тогда Черниговской землей стал управлять Всеволод, а сына его Владимира Мономаха посадили на княжение в Смоленске.

Во все продолжение княжения Святослава, Владимир служил ему, как старейшему князю, так как отец Владимира, Всеволод, находился в согласии со Святославом. Таким образом, Владимир по поручению Святослава ходил на помощь полякам против чехов, а также в интересах всего Ярославова племени воевал против полоцких князей. В 1073 году Святослав умер, и на киевский престол опять сел Изяслав, на этот раз, как кажется, поладивший с киевлянами и со своим братом Всеволодом. Этот князь вывел прочь из Владимира-Волынского сына Святослава — Олега — с тем, чтобы там посадить своего собственного сына. Олег, оставшись без удела, прибыл в Чернигов к Всеволоду: Владимир находился тогда в дружеских отношениях с этим князем и, приехав из Смоленска в Чернигов, угощал его вместе с отцом своим. Но Олегу досадно было, что земля, где княжил его отец и где протекло его детство, находится не у него во власти. В 1073 году он убежал из Чернигова в Тмутаракань, где после Ростислава жил уже подобный ему князь, беглец Борис, сын умершего Вячеслава Ярославича. Не должно думать, чтобы такого рода князья действительно имели какие-нибудь права на то, чего добивались. Тогда еще не было установлено и не вошло в обычай, чтобы все лица княжеского рода непременно имели удел, как равным образом не утвердилось правило, чтобы во всякой земле были князьями лица, принадлежавшие к одной княжеской ветви в силу своего происхождения. В самом распоряжении Ярослава не видно, чтобы, размещая своих сыновей по землям, он имел заранее в виду распространить право посаженных сыновей на их потомство. Сыновья Ярослава также не установили такого права, как это видно в Смоленске и на Волыни¹. Только ветвь полоцкая держалась упорно и последовательно в своей кривской земле, хотя Ярославичи хотели ее оттуда вытеснить. При совершенной неопределенности отношений, при отсутствии общепринятых и освященных временем прав князей на княжение, понятно, что всякий князь, как только обстоятельства давали ему силу, старался устроить

¹ Еще раньше Вячеслав, княживший в Смоленске, умер; князья перевели туда из Волыни Игоря, а по смерти Игоря назначили туда князем Владимира Мономаха помимо детей Игоря. Равным образом на Волыни не было наследственной преемственности между князьями, а киевские князья помещали там своих сыновей; так что, когда княжил в Киеве Изяслав, на Волыни был его сын, а когда Святослав овладел Киевом, то поместил там своего сына; когда же Святослав умер и Изяслав опять сделался князем в Киеве, на Волыни стал княжить сын Изяслава.

своих ближних, — главное сыновей, если у него они были, — и в таком случае не стеснялся столкнуть с места иного князя, который был ему менее близок: от таких поступков не могла останавливать князей мысль о нарушении чужого права, потому что такого права еще не существовало. С своей стороны, очень естественно было князю искать княжения так же, как княжили его родители и родные, и преимущественно там, где был князем его отец, где, быть может, он сам родился и где с детства привыкал к мысли заступить место отца. Такой князь легче всего мог найти себе помощь у воинственных иноплеменников. И вот бежавшие в Тмутаракань Олег и Борис обратились к половцам. Не они первые вмещали этих врагов Руси в ее внутренние междоусобия. Сколько нам известно, первый, показавший им дорогу к такому вмещательству, был Владимир Мономах, так как по собственному его известию, помещенному в его поучении, он еще прежде, при жизни своего дяди Святослава Ярославича, водил половцев на Полоцкую землю.

Олег и Борис с половцами бросились на Северскую землю. Всеволод вышел против них из Чернигова и был разбит. Олег легко овладел Черниговым; черниговцы приняли его сами, так как знали его издавна: вероятно, он и родился в Чернигове. Когда после того Всеволод вместе с киевским князем Изяславом хотел отнять Чернигов у Олега, черниговцы показали себя преданными Олегу, и после того, как Всеволод и Изяслав успели овладеть стенами окольного города и сожгли строения, находившиеся в черте, образуемой этим окольным городом, жители не сдавались, ушли во внутренний город, так называемый «большой», и защищались в нем до последних сил. Олега с ними в городе не было: упорство, с которым тогда стояли за него черниговцы, не поддерживалось его присутствием или стараниями, и, вероятно, происходило от искренней привязанности к нему черниговцев. Владимир был тогда с отцом. Услышавши, что Олег с Борисом идет против них на выручку Чернигова и ведет с собой половцев, князья оставили осаду и пошли навстречу врагам. Битва произошла на Нежатиной Ниве близ села этого имени. Борис был убит, Олег бежал. Но их победители дорого заплатили за свою победу. Киевский князь Изяслав был убит в этой сече.

Смерть Изяслава доставила Киев Всеволоду. Чернигов, потеряв надежду на Олега, сдался, и в этом городе посадили Владимира Мономаха. Олег и брат его Роман Святославич в 1079 году попытались выгнать Владимира из Чернигова, но безуспешно. Владимир предупредил их, вышел с войском к Переяславу и без битвы избавился от соперников; он заключил мир с половцами, помогавшими Святославичам. Половцы и находившиеся с ними хазары предательски поступили со своими союзниками: Олега отправили в Царьград, а Романа убили. Уменьше рассорить своих противников показывает большую сметливость Владимира.

Оставшись на княжении в Чернигове, Владимир со всех сторон должен был расправляться с противниками. Тмутаракань опять ускользнула из-под его власти: там утвердились два другие безудельные князья, сыновья Ростислава Владимировича. Половцы беспрестанно беспокоили Черниговскую землю. Союз с ними, устроенный Владимиром под Переяславом, не мог быть прочен: во-первых, половцы — народ хищнический, не слишком свято держали всякие договоры; во-вторых, половцы разбивались на орды, находившиеся под предводительством разных князьков или ханов и называемых в наших летописях «чадью»; тогда как одни мирились с русским князем, другие нападали на его область. Владимир расправлялся с ними сколько это было возможно. Таким образом, когда двое половецких князьков опустошили окрестности северского пригорода Стародуба, Владимир, пригласив на помощь другую орду, разбил их, а потом под Новым Городом (Новгородом-Северским), рассеял орду другого половецкого князя и освободил

пленников, которых половцы уводили в свои становища, называемые в летописях «вежами». На севере у Владимира были постоянные враги — полоцкие князья. Князь Всеслав напал на Смоленск, который оставался во власти Владимира и после того, как отец посадил его в Чернигове. В отмщение за это Владимир нанял половцев и водил их опустошать землю Полоцкую: тогда досталось Минску; там, по собственному свидетельству Владимира, не оставлено было ни челядина (слуги), ни скотины. С другой стороны Владимир воевал с вятичами: этот славянский народ все еще упорно не поддался власти Рюрикава дома, и Владимир два раза ходил войной на Ходоту и сына его — предводителей этого народа. По приказанию отца, Владимир занимался делами и на Волыни: сыновья Ростислава овладели было этой страной; Владимир выгнал их и посадил Ярополка, Изяслава сына, а когда этот князь не поладил с киевским, то Владимир, по велению отца, прогнал его и посадил на Волыни князя Давида Игоревича, и в следующем за тем году (1086) опять посадил Ярополка. Тогда власть киевского князя в этом крае была еще сильна, и князья становились и сменялись по его верховной воле.

В 1093 году умер Всеволод. Владимир не захотел воспользоваться своим положением и овладеть киевским столом, так как предвидел, что от этого произойдет междоусобие; он сам послал звать на киевское княжение сына Изяслава Святополка (княжившего в Турове), который был старше Владимира летами и за которого, по-видимому, была значительная партия в Киевской земле. Во все продолжение княжения Святополка, Владимир оставался его верным союзником, действовал с ним заодно и не показал ни малейшего покушения лишить его власти, хотя киевляне уже не любили Святополка, а любили Владимира.

Владимир сделался, так сказать, душой всей Русской земли; около него вращались все ее политические события.

Едва только уселся Святополк в Киеве, как половцы прислали к нему послов с предложением заключить мир. Святополк привел с собой из Турова дружину, людей ему близких. С ними он во всем совещался, и они посоветовали ему засадить половецких послов в погреб; когда после того половцы начали воевать и осадили один из пригородов Киевской земли — Торцкий, Святополк выпустил задержанных послов и сам предлагал мир, но половцы уже не хотели мира. Тогда Святополк начал совещаться с киевлянами; советники его разделились во мнениях: одни, более отважные, порывались на бой, хотя у Святополка было наготове с оружием только восемьсот человек; другие советовали быть осторожнее, наконец порешили на том, чтобы просить Владимира помогать в обороне Киевской земли от половцев.

Владимир отправился со своею дружиною, пригласил также своего брата Ростислава, бывшего на княжении в Переяславле. Ополчение трех князей сошлося на берегу реки Стугны, и там собрался совет.

Владимир был того мнения, что лучше, как бы ни было, устроить мир, потому что половцы были тогда соединены силами; то же доказывал боярин по имени Ян и еще кое-кто из дружины, но киевляне горячились и хотели непременно биться. Им уступили.

Ополчение перешло реку Стугну, пошло тремя отрядами, сообразно трем предводительствовавшим князьям, прошло Триполье и стало между валами. Это было 20 мая 1093 года.

Здесь половцы наступили на русских, гордо выставив в их глазах свои знамена. Сначала пошли они на Святополка, смяли его, потом ударили на Владимира и Ростислава. У русских князей силы было мало в сравнении с неприятелем; они не выдержали и бежали. Ростислав утонул при переправе через Стугну; Владимир сам чуть не пошел ко дну, бросившись спасать утонувшего брата. Тело утонувшего привезли в Киев и погребли у Св. Софии. Смерть Рос-

тислава была приписана к Божию наказанию за жестокий поступок с печерским иноком старцем Григорием. Встретив этого старца, о котором тогда говорили, что он имеет дар предвидения, Ростислав спросил его: отчего приключится ему смерть. Старец Григорий отвечал: от воды. Ростиславу это не полюбилось, и он приказал бросить Григория в Днепр; и за это злодеяние, как говорили, Ростислава постигла смерть от воды.

Дело этим не окончилось. Половцы дошли до Киева и между Киевом и Вышгородом на урочище Желани в другой раз жестоко разбили русских того же года 23 июля.

После этой победы половцы рассеялись по русским селам и пленили много людей. Современник в резких чертах описал состояние бедных русских, которых толпами гнали враги в свои вежи: «Печальные, измученные, истомленные голодом и жаждою, нагие и босые, черные от пыли, с окровавленными ногами, с унылыми лицами шли они в неволю и говорили друг другу: я из такого-то города, я из такой-то деревни, рассказывали о родных своих и со слезами возводили очи на небо ко Всевышнему, ведущему все тайное».

В следующем 1094 году Святополк думал приостановить бедствия русского народа, заключил с половцами мир и женился на дочери половецкого хана Тугоркана. Но и этот год был не менее тяжел для Русской земли: саранча истребила хлеб и траву на полях, а родство киевского князя с половецким не спасло Руси и от половцев. Когда одни половцы мирились и роднились с русскими, другие вели на Владимира его неумолимого соперника Олега. Олег, засланный византийцами в Родос, недолго там оставался. В 1093 году он уже был в Тмутаракани, выгнал оттуда двух князей, таких же безместных, как и он (Давида Игоревича и Володаря Ростиславича), и сидел некоторое время спокойно в этом городе, но в 1094 году, пригласивши половцев, пустился добывать ту землю, где княжил его отец. Владимир не дрался с ним, уступил ему добровольно Чернигов, вероятно и потому, что в Чернигове, как и прежде, были сторонники Олега. Сам Владимир уехал в Переяславль.

Тогда уже, как видно, выработался вполне характер Владимира и в нем созрела мысль действовать не для личных своих выгод, а для пользы всей Русской земли, насколько он мог понимать ее пользу; главное же — энергически соединенными силами избавить Русскую землю от половцев. До сих пор мы видели, что Владимир, насколько было возможно, старался устроить мир между русскими и половцами, но с этих пор он становится постоянным и непримиримым врагом половцев, воюет против них, подвигает на них всех русских князей и с ними все силы Русских земель. Вражду эту он открыл поступком с двумя половецкими князьями: Китаном и Итларем. Князья эти прибыли к Переяславу договариваться о мире, как это делалось прежде. Китан стал между валами за городом, а Итларь с знатнейшими лицами приехал в город; с русской стороны отправился к половцам заложником сын Владимира Святослав.

Тогда же прибыл от Святополка киевлянин Славята и стал советовать убить Итларя, приехавшего к русским. Владимир сначала не решался на такое вероломство, но к Славяте пристали дружинники Владимира и говорили: «Нет греха в том, что мы нарушим клятву, потому что сами они дают клятву, а потом губят Русскую землю и проливают христианскую кровь».

Славята с русскими молодцами взялся проникнуть в половецкий стан за городом и вывести оттуда Мономахова сына Святослава, посланного к половцам заложником. С ним вместе взялись за это дело торки (народ того же племени, к которому принадлежали и половцы, но, будучи поселены на киевской земле, они верно служили Руси). В ночь 24 февраля они не только счастливо освободили Святослава, но умертвили Китана и перебили его людей.

Итларь находился тогда во дворе у боярина Ратибора; поутру 24 февраля Итларя с его дружиною пригласили завтракать к Владимиру; но только что

половцы вошли в избу, куда их позвали, как за ними затворили двери, и сын Ратиборов Ольбег перестрелял их сверху через отверстие, сделанное в потолке избы. После такого вероломного поступка, который русские оправдывали тем, что их враги были так же вероломны, Владимир начал созывать князей против половцев, и в том числе Олега, от которого потребовал выдачи сына убитого Итлара. Олег не выдал его и не шел к князьям.

Киевский князь Святополк и Владимир звали Олега в Киев на совет об обороне Русской земли. «Иди в Киев, — говорили ему князья, — здесь мы положим порядок о Русской земле пред епископами, игуменами, перед мужами отцев наших и перед городскими людьми, как нам оборонять Русскую землю». Но Олег высокомерно ответил: «Не пристало судить меня епископам, игуменам и смердам» (т.е. мужичью, переводя на наш способ выражения).

Тогда князья, пригласившие Олега, послали ему от себя такое слово: «Если ты не идешь на неверных и не приходишь на совет к нам, то, значит, ты мыслишь на нас худое и хочешь помогать поганым. Пусть Бог нас рассудит».

Это было объявление войны. Итак, вместо того чтобы идти соединенными силами на половцев, Владимир со Святополком выгнали Олега из Чернигова, осадили его в Стародубе и держали в осаде до тех пор, пока Олег не попросил мира. Ему даровали мир, но с условием, чтоб он непременно прибыл в Киев на совет. «Киев, — говорили князья, — старейший город на Русской земле; там надлежит нам сойтись и положить порядок». Обе стороны целовали крест. Это было в мае 1096 года.

Между тем раздраженные половцы делали на Русь набеги. Хан половецкий Боняк со своею ордою жег окрестности Киева, а тесть Святополка Тугоркан, несмотря на родство с киевским князем, осадил Переяславль. Владимир со Святополком разбили его 19 мая; сам Тугоркан пал в битве, и его зять Святополк привез тело тестя в Киев: его похоронили между двумя дорогами: одною, ведущею в Берестово, и другою — в Печерский монастырь. В июле Боняк повторил свое нападение и 20 числа утром ворвался в Печерский монастырь. Монахи, отстояв заутреню, почивали в кельях; половцы выломали ворота, ходили по кельям, брали что попадалось под руки, сожгли церковные южные и северные двери, вошли в церковь, таскали из нее иконы и произносили оскорбительные слова над христианским Богом и законом. Тогда половцы сожгли загородный княжеский двор, называемый красным, построенный Всеволодом на выдубичском холме, где впоследствии выстроен был Выдубицкий монастырь.

Олег не думал исполнять договора и являться в Киев на княжеский съезд. Вместо того он явился в Смоленск (где тогда неизвестно каким путем сел брат его Давид), набрал там войска и, вышедши оттуда, пошел вниз по Оке, ударил на Муром, который достался в управление сыну Мономаха Изяславу, посаженному на княжение в соседней Ростовской земле. (Отец Олега Святослав, сидя в Чернигове, был в то же время на княжении и в Муроме, и потому Олег считал Муром своею отчиною). 6 сентября 1096 года Изяслав был убит в сече. Олег взял Муром и оковал всех найденных там ростовцев, белозерцев и суздальцев: видно, что князь Изяслав управлял муромцами при помощи людей своей земли. В Муроме и его волости в то время еще господствовало язычество; край был населен народом финского племени, муроною, и держался за князьями только посредством дружины, составлявшей здесь, вероятно, еще единственное славянское население в те времена. В Ростове, Суздале и Белозерске, напротив, славяно-русская стихия уже прежде пустила свои корни, и эти края имели свое местное русское население.

Олег, отвоевавши Муром, взял Суздаль и поступил сурово с его жителями: одних взял в плен, других разослал по своим городам и отнял их имущество. Ростов сдался Олегу сам. Возгордившись успехами, Олег затевал подчинить своей

власти и Новгород, где на княжении был другой сын Мономаха Мстислав, молодой князь, очень любимый новгородцами. Новгородцы предупредили покушение Олега и, прежде чем он мог встать с войском на Новгородской земле, сами отправились на него на Ростовско-Суздальскую землю. Олег убежал из Суздаля, приказав в досаде сжечь за собою город, и остановился в Муроме. Мстислав удовлетворился тем, что выгнал Олега из Ростовско-Суздальской земли, которая никогда не была уделом ни Олега, ни его отца; предложил Олегу мир и предоставлял ему снестись с своим отцом. Мстислава располагало к уступчивости то, что Олег был его крестным отцом. Олег притворно согласился, а сам думал внезапно напасть на своего крестника; но новгородцы узнали об его намерении заблаговременно и вместе с ростовцами и белозерцами приготовились к бою. Враги встретились друг с другом на реке Колакише, в 1096 году. Олег увидел у противников распущенное знамя Владимира Мономаха, подумал, что сам Владимир Мономах пришел с большою силою на помощь сыну, и убежал. Мстислав с новгородцами и ростовцами пошел по его следам, взял Муром и Рязань, мирно обошелся с муромцами и рязанцами, освободил людей ростовско-суздальской области, которых Олег держал в городах Муроме и Рязани пленниками; после того Мстислав послал к своему сопернику такое слово: «Не бегай более, пошли с мольбой к своей братьи; они тебя не лишат Русской земли». Олег обещал сделать так, как предлагал ему победитель.

Мономах дружелюбно обошелся со своим соперником, и памятник тогдашних отношений его к Олегу осталось современное письмо его к Олегу, очень любопытное не только потому, что оно во многом объясняет личность князя Владимира Мономаха, но и потому, что вообще оно составляет один из немногих образчиков тогдашнего способа выражения: «Меня, — пишет он, — принудил написать к тебе сын мой, которого ты крестил и который теперь недалеко от тебя: он прислал ко мне мужа своего и грамоту и говорит так: сладимся и примиримся, а братцу моему суд пришел; не будем ему мстителями; возложим все на Бога; пусть они станут пред Богом, мы же Русской земли не погубим. Я послушался и написал; примешь ли ты мое писание с добром или с поруганием, — покажет ответ твой. Отчего, когда убили мое и твое дитя перед тобою, увидавши кровь его и тело его, увянувшее подобно едва распутившемуся цветку, отчего, стоя над ним, не вник ты в помыслы души своей и не сказал: зачем это я сделал? Зачем ради кривды этого мечтательного света причинил себе грех, а отцу и матери слезы? Тебе было бы тогда покаяться Богу, а ко мне написать утешительное письмо и прислать сноху мою ко мне... она тебе не сделала ни добра, ни зла; я бы с нею оплакал мужа ее и свадьбу их вместо свадебных песен. Я не видел прежде их радости, ни их венчания; отпусти ее как можно скорее, я поплачу с нею заодно и посажу на месте, как грустную горлицу на сухом дереве, а сам утешусь о Боге. Так было и при отцах наших. Суд пришел ему от Бога, а не от тебя! Если бы ты, взявши Муром, не трогал Ростова, а прислал бы ко мне, мы бы уладились; рассуди сам, тебе ли следовало послать ко мне или мне к тебе? Если пришлешь ко мне посла или попа и грамоту свою напишешь с правдою, то и волость свою возьмешь, и сердце наше обратится к тебе, и будем жить лучше, чем прежде; я тебе не враг, не мститель».

Тогда, наконец, состоялось то, что долго замышлялось и никак не могло прийти к исполнению. В городе Любече съехались князья Святославичи — Олег, Давид и Ярослав, киевский Святополк, Владимир Мономах, волынский князь Давид Игоревич и червонорусские князья Ростиславичи: Володарь и Василько. С ними были их дружинники и люди их земель. Цель их совещания была — устроить и принять меры к охране Русских земель от половцев.

Всем делом заправлял Мономах.

«Зачем губим мы Русскую землю, — говорили тогда князья, — зачем враждуем между собою? Половцы разоряют землю; они радуются тому, что

мы друг с другом воюем. Пусть же с этих пор будет у всех нас единое сердце; соблюдаем свою отчину».

На этом съезде князья решили, чтобы все они владели своими волостями: Святополк Киевом, Владимир уделом отца своего Всеволода: Переяславлем, Суздалем и Ростовом; Олег, Давид и Ярослав — уделом Святослава, отца их: северскою землею и рязанскою; Давид Игоревич — Вольнью, а Василько и Володарь городами: Теребовлем и Перемышлем с их землями, составлявшими тот край, который впоследствии назовется Галичиною. Все целовали крест на том, что если кто-нибудь из князей нападет на другого, то все должны будут ополчиться на зачинщика междоусобия. «Да будет на того крест честный и вся земля Русская». Такой приговор произнесли они в то время.

До сих пор Владимир находился в самых приятельских отношениях к Святополку киевскому. Последний был человек ограниченного ума и слабого характера и подчинялся Владимиру, как вообще люди его свойств подчиняются лицам, более их сильным волей и более их умным. Но известно, что такие люди склонны подозревать тех, которым они невольно повинуются. Они им покорны, но в душе ненавидят их. Давид Игоревич был заклятый враг теребовльского князя Василька и хотел присвоить себе его землю. Возвращаясь на Вольнь из Любеча через Киев, он уверил Святополка, что у Василька с Владимиром состоялся злой умысел лишить Святополка Киевской земли. Сам Василько был человек предприимчивого характера; он уже водил половцев на Польшу; затем, как он сам потом признавался, думал идти на половцев, но, если верить ему, не думал делать ничего дурного русским князьям.

Натравленный Давидом Святополк звал к себе Василька на именины в то время, когда последний, возвращаясь из Любеча домой, проезжал мимо Киева и, не заезжая в город, остановился в Выдубицком монастыре, отославши свой обоз вперед. Один из слуг Василька, или подозревая коварство, или, быть может, даже предостерегаемый кем-то, не советовал своему князю ехать в Киев: «Тебя хотят схватить», — говорил он. Но Василько понадеялся на крестное целование, немного подумал, перекрестился и поехал.

Было утро 5 ноября. Василько вошел в дом к Святополку и застал у него Давида. После первых приветствий они сели. Давид молчал. «Оставайся у меня на праздник», — сказал Святополк. «Не могу, брат, — отвечал Василько, — я уже отослал свой обоз вперед». — «Ну так позавтракай с нами», — сказал Святополк. Василько согласился. Тогда Святополк сказал: «Посидите здесь, а я пойду велю кое-что приготовить». Василько остался с Давидом и стал было вести разговор с ним, но Давид молчал и как будто ничего не слышал. Наконец Давид спросил слуг: «Где брат?» — «Стоит на сених», — отвечали ему. «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди», — сказал он Васильку и вышел. Тотчас слуги наложили на Василька оковы и приставили к нему стражу. Так прошла ночь.

На другой день Святополк созвал вече из бояр и людей Киевской земли и сказал: «Давид говорит, что Василько убил моего брата Ярополка и теперь совещается с Владимиром; хотят убить меня и отнять мой город». Бояре и люди киевские сказали: «Ты, князь, должен охранять свою голову. Если Давид говорит правду, пусть Василько будет казнен, а если неправду, то пусть Давид примет месть от Бога и отвечает перед Богом».

Ответ был двусмысленный и увертливый. Игумены были смелее и стали просить за Василька. Святополк ссылался на Давида. Сам Святополк готов был отпустить Василька на свободу, но Давид советовал ослепить его и говорил: «Если ты его отпустишь, то не будет княжения ни у меня, ни у тебя». Святополк колебался, но потом совершенно поддался Давиду и согласился на гнусное злодеяние.

В следующую ночь Василька повезли в окопах в Белгород, ввели в небольшую избу. Василько увидел, что ехавший с ним торчин стал точить нож, догадался в чем дело, начал кричать и взывать к Богу с плачем. Вошли двое конюхов: один Святополков, по имени Сновид Изечевич, другой Давидов — Дмитрий; они постлали ковер и взялись за Василька, чтобы положить его на ковер. Василько стал с ними бороться; он был силен; двое не могли с ним справиться; подоспели на помощь другие, связали его, повалили и, сняв с печи доску, положили на грудь; конюхи сели на эту доску, но Василько сбросил их с себя. Тогда подошли еще двое людей, сняли с печи другую доску, навалили ее на князя, сами сели на доску и придавили так, что у Василька затрещали кости на груди. Вслед за тем торчин Беренда, овчар Святополка, приступил к операции: намереваясь ударить ножом в глаз, он сначала промахнулся и порезал Васильку лицо, но потом уже удачно вынул у него оба глаза один за другим. Василько лишился чувств. Его взяли вместе с ковром, на котором он лежал, положили на воз и повезли дальше по дороге во Владимир.

Проезжая через город Звиждень, привезли его к какой-то попадье и отдали ей мыть окровавленную сорочку князя. Попадья вымыла надела на Василька и горько плакала, тронутая этим зрелищем. В это время Василько очнулся и закричал: «Где я?» Ему отвечали: «В Звиждене городе». — «Дайте воды!» — сказал Василько. Ему подали воды, он выпил и мало-помалу совсем пришел в себя, вспомнил, что с ним происходило и, ощупав на себе сорочку, спросил: «Зачем сняли? Я бы в этой окровавленной сорочке принял смерть и стал перед Богом».

Пообедавши, злодеи повезли его во Владимир, куда прибыли на шестой день. Давид поместил Василька на дворе какого-то владимирского жителя Вакея и приставил к нему тридцать сторожей под начальством двух своих княжеских отроков, Улана и Колчка.

Услышал об этом прежде других князей Владимир Мономах и ужаснулся. «Этого не бывало ни при дедах, ни при прадедах наших», — говорил он. Немедленно позвал к себе черниговских князей Олега и Давида на совещание в Городец. «Надобно поправить зло, — говорил он, — а иначе еще большее зло будет, начнет брат брата умерщвлять, и погибнет Земля Русская, и половцы возьмут Землю Русскую». Давид и Олег Святославичи также пришли в ужас и говорили: «Подобного не бывало еще в роде нашем». Действительно не бывало: в княжеском роде прежде случались варварские братоубийства, но ослеплений еще не бывало. Этот род злодеяния принесла в варварскую Русь греческая образованность.

Все три князя отправили к Святополку своих мужей с таким словом: «Зачем наделал ты зла в Русской Земле, зачем вверх нож в братью? Зачем ослепил брата? Если бы он был виноват перед тобою, ты бы должен был обличить его перед нами и доказать вину его; он был бы наказан, а теперь скажи: в чем его вина?» Святополк отвечал: «Мне сказал Давид Игоревич, что Василько убил брата моего Ярополка и меня хочет убить, чтобы захватить власть мою: Туров, Пинск, Берестье и Погорынье, говорил, что у него положена клятва с Владимиром: чтобы Владимиру сесть в Киеве, а Васильку в городе Владимире. Я поневоле оберегал свою голову. Не я его ослепил, а Давид; он его и увез к себе».

«Этим не отговаривайся, — отвечали князья, — Давид его ослепил, но не в Давидовом городе, а в твоём».

Владимир с князьями и дружинами хотел переходить через Днепр против Святополка; Святополк в страхе собирался бежать, но киевляне не пустили его и послали к Владимиру его мачеху и митрополита Николая с таким словом:

«Молим тебя, князь Владимир, и вместе с тобою братию твою князей, не губите Русской Земли; если вы начнете воевать между собою, поганые воз-

радуются и возьмут землю нашу, которую приобрели отцы ваши и деды ваши трудом и храбростью; они боролись за Русскую Землю и чужие земли приобретали, а вы хотите погубить Русскую землю».

Владимир очень уважал свою мачеху и склонился на ее мольбы. «Правда, — сказал он, — отцы и деды наши соблюдали Русскую Землю, а мы хотим ее погубить».

Княгиня, возвратившись в Киев, принесла радостную весть киевлянам, что Владимир склоняется на мир.

Князья стояли на левой стороне Днепра, в бору, и пересылались с Святополком. Наконец, последнее их слово было таково: «Если это преступление Давидово, то пусть Святополк идет на Давида, пусть либо возьмет его, либо сгонит с княжения».

Святополк целовал крест поступать по требованию Владимира и его товарищей.

Князья собрались идти на Давида, а Давид, узнав об этом, стал пытаться поладить с Васильком и заставить его самого отклонить от Давида опасность, которой подвергался Давид за Василька.

Призвал ночью Давид какого-то Василия, которого рассказ включен в летопись целиком. Давид сказал ему:

«Василько в эту ночь говорил Улану и Колчке, что ему хочется послать от себя мужа своего к князю Владимиру. Посылаю тебя, Василий, идти к одному человеку своему и скажи ему от меня: если ты пошлешь своего мужа к Владимиру и Владимир воротится, я дам тебе какой хочешь город: либо Всеволожь, либо Шепель, либо Перемиль».

Василий отправился к Васильку и передал ему речь Давида.

«Я ничего такого не говорил, — сказал Василько, — но готов послать мужа, чтобы не проливали из-за меня крови; дивно только, что Давид дает мне города свои, а мой Теребовль у него. Ступай к Давиду и скажи, пусть пришлет ко мне Кульмея. Я пошлю его к князю Владимиру». Василий сходил к Давиду и воротившись сказал, что Кульмея нет.

Василько сказал: «Посиди со мной немного». Он велел слуге выйти вон и говорил Василию:

«Слышу, что Давид хочет меня отдать ляхам, не насытился он еще моей кровью; еще больше хочет упиться ею. Я много зла наделал ляхам и хотел еще наделать и мстить им за Русскую землю. Пусть выдает меня ляхам, смерти я не боюсь. Скажу только тебе по правде. Наказал меня Бог за мое высокомерие; ко мне пришла весть, что идут ко мне берендичи, печенеги, торки, и я сказал себе в уме: как будут у меня берендичи, печенеги, торки, скажу я брату своему Володарю и Давиду: дайте мне свою меньшую дружину, а сами пейте себе и веселитесь; я же зимою пойду на ляхскую землю, а на лето зайую ляхскую землю и отомщу за Русскую Землю. Потом я хотел овладеть дунайскими болгарями и поселить их у себя, а потом хотел проситься у Святополка и Владимира идти на половцев: либо славу себе найду, либо голову сложу за Русскую Землю; много помышления у меня в сердце не было ни на Святополка, ни на Давида. Клянусь Богом и его пришествием, не мыслил я никакого зла братью; но за мое возношение низложил меня Бог и смирил!» Неизвестно, чем кончились эти сношения Давида с Васильком, но, вероятно, Василько остановил Владимира, потому что в этом году не было от него нападения на Давида. Наступала Пасха. Давид не выпустил Василька и, напротив, хотел захватить власть ослепленного; он пошел туда с войском, но у Божьск встретил его Володарь. Давид был такой же трус, как и злодей. Он не осмелился вступить в бой и заперся в Божьске. Володарь осадил его и послал к нему такое слово: «Зачем наделал зла и еще не каешься. Опомнись!» — «Разве я это сделал, — отвечал Давид, — разве в моем городе это сделалось? Виною всему Святополк: я боял-

ся, чтобы и меня не взяли и не сделали со мною того же; поневоле пришлось мне пристать к нему в совет, был у него в руках».

Володарь не перечил ему, стараясь только о том, как бы выручить брата из неволи. «Бог свидетель всему этому, — послал он сказать Давиду, — а ты выпусти моего брата, и я с тобой примирюсь».

Давид обрадовался, приказал привести слепого и отдал его Володарю. Они заключили мир и разошлись.

Но на другую весну (1098) Володарь и Василько с войском шли на Давида. Они подошли к городу Всеволожу, взяли его приступом и зажгли; жители бежали, Василько приказал всех их истребить и мстил за себя невинным людям, — замечает летописец. Василько показал, что хотя он и был несчастен, но вовсе не любил Русской земли в той мере, как говорил. Братья подошли к Владимиру. Трусливый Давид заперся в нем. Братья князя послали к владимирцам такое слово:

«Мы пришли не на ваш город и не на вас, а пришли мы на врагов своих: на Туряка, Лазаря и Василия, — они подговорили Давида; он их послушал и сделал зло. Если хотите биться за них, — и мы готовы; а не хотите, — так выдайте врагов наших».

Владимирские граждане собрались на вече и так сказали Давиду:

«Выдай этих мужей, мы за них не бьемся; за тебя же биться можем; если не выдашь, — мы отворим город, а ты сам о себе промышляй как знаешь».

Давид отвечал: «Их нет здесь, я послал их в Луцк; Туряк бежал в Киев, Василий и Лазарь в Турийске».

«Выдай тех, кого они хотят, — крикнули горожане, — а не то — мы сдадимся!»

Давиду нечего было делать. Он послал за своими любимцами: Василием и Лазарем, и выдал их.

Братья Ростиславичи по заре повесили Василия и Лазаря перед городом, а сыновья Василька расстреляли их стрелами. Совершивши казнь, они отступили от города.

После этой расправы, на Давида пошел Святополк, который до сих пор медлил исполнением княжеского приговора наказать Давида за его злодеяние. Давид искал помощи у польского князя Владислава Германа, но последний взял с него деньги за помощь и не помог. После семинедельной осады во Владимире, Давид сдался и уехал в Польшу.

В великую субботу 1098 года Святополк вошел во Владимир. Овладев Вольтыней, киевский князь думал, что не худо таким же способом овладеть и волостями Ростиславичей, за которые он начал войну с Давидом.

Володарь, предупреждая нападение, вышел против киевского князя и взял с собою слепого брата. Враги встретились на урочище, называемом Рожново поле. Когда рати готовы были ударить друг против друга, вдруг явился слепой Василько с крестом в руке и кричал, обращая речь свою к Святополку:

«Вот крест, который ты целовал перед тем, как отнял у меня зрение! Теперь ты хочешь отнять у меня душу. Этот честный крест рассудит нас!»

Произошла жестокая битва. Ростиславичи победили. Святополк бежал во Владимир. Победители не погнались за ним. «С нас довольно стать на своей меже», — говорили они.

Тогда у Ростиславичей и у их врага Давида явилось общее дело: защищать себя от Святополка, тем более, что киевский князь не думал оставлять их в покое и, посадив одного из своих сыновей, Мстислава, во Владимире-Вольтынском, другого, Ярослава, послал к уграм (венграм) подвигать их на Володаря, а сам ушел в Киев, вероятно, замышляя посадить этого самого Ярослава в уделе Ростиславичей, выгнавши последних, подобно тому, как он уже выгнал Давида. Святополк хотел воспользоваться вспыхнувшею враждою между Давидом

и Ростиславичами для того, чтобы доставить на их счет владения своим сыновьям. Давид прибыл из Польши и сошелся с Володарем. Заключили враги помирились, и Давид оставил свою жену у Володаря, а сам отправился нанимать половецкую орду, которую управлял воинственный и свирепый хан Боняк. Вероятно, Давид успел уверить Володаря, что в самом деле виной злодеяния, совершенного над Васильком, был не он, а Святополк.

Володарь сидел в Перемышле. Пришли венгры с своим королем Коломаном, приглашенные Ярославом Святополковичем, и осадили Перемышль. На счастье Володаря Давиду не пришлось далеко ездить за половцами: он встретил Боняка где-то недалеко и привел его в Перемышль.

Накануне ожидаемой битвы с венграми, Боняк в полночь отъехал от войска в поле и стал выть по-волчьи. Ему вторили голоса множества волков. Таково было половецкое гаданье. «Завтра, — сказал Боняк, — мы победим угров». Дикое предсказание половецкого хана сбылось. «Боняк, — говорит современный летописец, — сбил угров в мяч так, как сокол сбивает галок». Венгры бежали. Много их потонуло и в Вагре и в Сане. Давид двинулся к Владимиру и овладел Владимирскою волостью. В самом городе сидел Мстислав Святополкович с засадой (гарнизон), состоявшей из жителей владимирских пригородов: берестьян, пинян и выгошевцев. Давид начал делать приступы: дождем сыпались с обеих сторон стрелы; осаждающие закрывались подвижными вежами (башнями); осажденные стояли на стенах за досками; таков был тогдашний способ войны. В одну из таких перестрелок, 12 июня 1099 года, стрела сквозь скважину доски поразила насмерть князя Мстислава. Осажденные после его смерти терпели тягостную осаду до августа, наконец Святополк прислал к ним на выручку войско. 5 августа Давид не устоял в битве с присланным войском и бежал к половцам. Победители ненадолго овладели Владимиром и Луцком. Давид, пришедши с Боняком, отнял у них и тот и другой город.

Намерение Мономаха соединить князей на единое дело против половцев не только не привело к желанной цели, а, напротив, повело к многолетней войне между князьями; для Русской земли от этого умножилось горе. Однако на следующий 1100 год Мономаху таки удалось опять устроить между князьями совещание и убедить Давида Игоревича отдаться на княжеский суд. Давид сам прислал к князьям послов по этому делу. К сожалению, мы не знаем подробностей подготовки к этому делу. 10 августа князья: Владимир Мономах, Святополк, Олег с братом Давидом сошлись в Витичеве, а через двадцать дней, 30 августа, они снова сошлись на том же месте, и уже тогда был с ними Давид Игоревич.

«Кому есть на меня жалоба?» — спросил Давид Игоревич.

«Ты присылал к нам, — сказал Владимир, — объявил, что хочешь жаловаться перед нами за свою обиду. Вот теперь ты сидишь с братьею на одном ковре. На кого у тебя жалоба?»

Давид ничего не отвечал.

Тогда князья сели на лошадей и стали врознь каждый со своею дружиною. Давид Игоревич сидел особо. Князья рассуждали о Давиде: сначала каждый князь со своею дружиною, а потом совещались между собою и послали Давиду от каждого князя мужей. Эти мужи сказали Давиду такую речь:

«Вот что говорят тебе братья: не хотим тебе дать стола Владимирского за то, что ты вверх нож между нас, сделал то, чего еще не бывало в Русской Земле; но мы тебя не берем в неволю, не делаем тебе ничего худого, сиди себе в Бужске и в Остроге; Святополк придает тебе Дубен и Чарториск, а Владимир дает тебе 200 гривен да еще Олег и Давид дают тебе 200 гривен».

Потом князья послали к Володарю такое слово:

«Возьми к себе брата своего Василька; будет вам обоим Перемышль. Хотите, живите вместе, а не хотите — отпусти Василька к нам; мы будем его кормить!»

Володарь с гневом принял такое предложение; Святополк и Святославици хотели выгнать Ростиславичей из их волости и послали приглашать к участию в этом предприятии Владимира, который после съезда в Витичеве поехал в северные свои области и был на Волге, когда пришел к нему вызов от Святополка идти на Ростиславичей: «Если ты не пойдешь с нами, то мы будем сами по себе, а ты сам по себе». Видно, что и на витичевском съезде Владимир не ладил с князьями и не совсем одобрял их постановления: «Я не могу идти на Ростиславичей, — отвечал он им, — и преступать крестное целование. Если вам не нравится последнее, принимайте прежнее» (т.е. постановленное в Любече). Владимир был тогда огорчен, как показывают и слова в его духовной, касающиеся описываемого события. По этому поводу он счел уместным привести выражение из Псалтыря: «Не ревнуй лукавствующим, не завиди творящим беззаконие!»

В самом деле, то, чем покончили князья свои междоусобия, мало представляло справедливости. Владимир не противоречил им во многом, потому что желал как бы то ни было прекратить междоусобия, чтобы собрать силы Русских земель против общих врагов — половцев.

Святополку, как киевскому князю, хотелось, подобно своим предшественникам, власти над Новгородом, и для этого желал он посадить в Новгороде своего сына, между тем там уже был князем сын Мономаха Мстислав. Владимир уступил Святополку, а вместо новгородского княжения Святополк обещал Мстиславу Владимирское.

Мономах призвал Мстислава из Новгорода в Киев, но вслед за Мстиславом приехали новгородские послы и повели такую речь Святополку:

«Приславшие нас велели сказать: не хотим Святополка и сына его; если у него две головы, то посылай его. Нам дал Мстислава Всеволод, мы его вскормили, а ты, Святополк, уходил от нас».

Святополк не мог их пересорить и не в состоянии был принудить новгородцев исполнить его волю. Мстислав опять вернулся в Новгород. Новгород, по своему местоположению за неприступными болотами и дремучими лесами, чувствовал свою безопасность. Туда нельзя было навести ни половцев, ни ляхов; нельзя было с иноземною помощью овладеть Новгородом.

С тех пор Владимир непрерывно обращал свою деятельность на ограждение Русской Земли от половцев. В 1101 году Владимир поднял князей против них, но половцы, услышав о сборах русских князей, одновременно от разных орд прислали просьбу о мире. Русские согласились на мир, готовые наказать половцев за первое вероломство. В 1103 году этот мир был нарушен половцами, и Мономах побудил русских князей предпринять первый наступательный поход на половецкую землю соединенными силами. В летописи этот поход описан с большим сочувствием, и видно, что он сделал впечатление на современников. Киевский князь со своею дружиною и Владимир со своею сошлись на Долобске (на левой стороне Днепра близ Киева). Князья совещались в шатре. Святополкова дружина была против похода. Тогда раздавались такие голоса: «Теперь весна, как можно отрывать смерда от пашни; ему надобно пахать».

Но Владимир на это возразил: «Удивительно, что вы не жалеете смерда, а жалеете лошадь, на которой он пашет. Начнет смерд пахать, прибежит половчин и отымет у него лошадь, и его самого ударит стрелою, и ворвется в село, и жену и детей его возьмет в полон».

Дружина Святополкова ничего на это не могла возразить, и Святополк сказал: «Я готов».

«Ты много добра сделаешь», — сказал ему на это Мономах.

После долобского совещания князья стали приглашать черниговских князей принять участие в походе, а за ними и других князей. Давид послушался, а Олег отговорился нездоровьем. Он неохотно ссорился с половцами, которые помогли ему взять Чернигов, и, быть может, рассчитывал, что дружба с ними пригодится ему и его детям. Прибыл с своей дружиной полоцкий князь Давид Всеславич, прибыли и некоторые другие князья. Русские шли конные и пешие: последние на ладьях по Днепру до Хортицы. После четырехдневного пути степью от Хортицы на урочище, называемом Сутень, русские 4 апреля встретили половцев и разбили их наголову. Половцы потеряли до двадцати князей. Один из их князей Белдюзь попался в плен и предлагал за себя большой выкуп золотом, серебром, лошадьми и скотом, но Владимир сказал ему: «Много раз поставляли вы с нами договор, а потом ходили воевать Русскую землю; зачем ты не учил сынов своих и род свой не преступать договора и не проливать христианской крови?» Он приказал затем убить Белдюзя и рассечь по членам его тело. Русские набрали тогда много овец, скота, верблюдов и невольников.

В 1107 году воинственный Боняк и старый половецкий князь Шарукан задумали отомстить русским за прежнее поражение, но были разбиты наголову под Лубнами. В 1109 Владимир посылал воеводу Димитрия Иворовича к Дону: русские нанесли большое разорение половецким вёжам. За это на другой год половцы опустошили окрестности Переяславля, а на следующую Владимир опять с князьями предпринял поход, который более всех других облекся славою в глазах современников. Предание связало с ним чудодейственные предзнаменования. Рассказывают, что февраля 11 ночью над Печерским монастырем появился огненный столб: сначала он стал над каменною трапезою, перешел оттуда на церковь, потом стал над гробом Феодосия, наконец поднялся по направлению к востоку и исчез. Явление это сопровождалось молнией и громом. Грамотеи растолковали, что это был ангел, возвещавший русским победу над неверными. Весной Владимир с сыновьями, киевский князь Святополк с своим сыном, Ярослав и Давид с сыном на второй неделе Великого поста отправились к Суле, перешли через Псёл, Ворсклу и 23 марта пришли к Дону, а 27-го в Страстной понедельник разбили наголову половцев на реке Сальнице и воротились обратно со множеством добычи и пленников. Тогда, говорит летопись, слава о подвигах русских прошла ко всем народам: грекам, ляхам, чехам и дошла даже до Рима. С тех пор надолго половцы перестали тревожить Русскую Землю.

В 1113 году умер Святополк, и киевляне, собравшись на вече, избрали Владимира Мономаха своим князем; но Владимир медлил; между тем киевляне, недовольные поборами своего покойного князя, напали на дом его любимца Путяты и разграбили жидов, которым потакал Святополк во время своего княжения и поверял собрание доходов. В другой раз послали киевляне к Владимиру послов с такой речью: «Иди, князь, в Киев, а не пойдешь, так разграбят и княгиню Святополкову, и бояр, и монастыри; и будешь ты отвечать, если монастыри ограбят». Владимир прибыл в Киев и сел на столе по избранию Киевской земли.

Время его княжения до смерти, последовавшей в 1125 году, было периодом самым цветущим в древней истории Киевской Руси. Уже ни половцы и никакие другие иноплеменные не беспокоили русского народа. Напротив, сам Владимир посылал своего сына Ярополка на Дон, где он завоевал у половцев три города и привел себе жену, дочь яского князя, необыкновенную красавицу. Другой сын Владимира Мстислав с новгородцами нанес поражение чуди на балтийском побережье, третий сын Юрий победил на Волге болгар. Удельные князья не смели заводить междоусобиц, повиновались Моно-

маху и в случае строптивости чувствовали его сильную руку. Владимир прощал первые попытки нарушить порядок и строго наказывал вторичные. Так, например, когда Глеб Мстиславич, один из кривских князей, напал на Слуцк и сжег его, Владимир пошел на Глеба войною, но Глеб поклонился Владимиру, просил мира, и Владимир оставил его княжить в Минске; но несколько лет спустя, вероятно, за такой же проступок, Владимир вывел Глеба из Минска, где он и умер. Точно так же в 1118 году Владимир, собрав князей, пошел на волынского князя Ярослава Святополковича, и когда Ярослав покорился ему и ударил челом, он оставил его во Владимире, сказав ему: «Всегда иди, когда я тебя позову». Но потом Ярослав напал на Ростиславичей и навел на них ляхов; кроме того, он дурно обращался со своею женою; Владимир сердился на него и за это. Владимир выгнал Ярослава, отдавши Владимир-Вольнский своему сыну Андрею. Ярослав покушался возвратить себе Владимир с помощью ляхов, венгров и чехов, но не успел, и был изменнически убит ляхами.

Не так удачны были дела Мономаха с Грециею. Он отдал свою дочь за Лео-на, сына византийского императора Диогена, но вслед за тем в Византии произошел переворот. Диоген был низвергнут Алексеем Комнином. Леон с помощью тестя хотел приобрести себе независимую область в греческих владениях на Дунае, но был умерщвлен убийцами, подосланными Комнином. Леон оставил сына, для которого Мономах хотел приобрести то же самое владение в Греции, которого добивался Леон, и сначала воевода Владимиров Войтишич, посадил было Владимировых посадников в греческих дунайских городах, но греки прогнали их, а в 1122 году Владимир помирился с преемником Алексея, Иоанном Комнином и отдал за него свою внучку, дочь Мстислава.

Владимир Мономах является в русской истории законодателем. Еще ранее его, при детях Ярослава, в «Русскую Правду» вошли важные изменения и дополнения. Важнейшее из изменений было то, что месть за убийство была устранена, а вместо того введено наказание платежом вир. Это повлекло к усложнению законодательства и к установлению многих статей, касающихся разных случаев обид и преступлений, которые влекли за собой платеж вир в различном размере. Таким образом, различные размеры вирных платежей назначались за разного рода оскорбления и побои, наносимые одними лицами другим, как равно и за покражу разных предметов. Независимо от платежа виры за некоторые преступления, как например, за разбойничество и зажигательство, виновый подвергался потоку и разграблению — древнему народному способу наказания преступника. Убийство вора не считалось убийством, если было совершено при самом воровстве, когда вор еще не был схвачен. — При Мономахе, на совете, призванном им и составленном из тысячских: киевского, белгородского, переяславского и людей своей дружины, постановлено было несколько важных статей, клонившихся к ограждению благосостояния жителей. Ограничено произвольное взимание рез (процентов), которое при Святополке доходило до больших злоупотреблений и вызвало по смерти этого князя преследование жидов, бывших ростовщиками. При Владимире установлено, что ростовщик может брать только три раза проценты и если возьмет три раза, то уже теряет самый капитал. Кроме того, постановлен был дозволенный процент: 10 кун за гривну, что составляло около трети или несколько более, если принимать упоминаемую гривну гривною кун¹.

¹ Гривна была — гривна серебра и гривна кун. Гривна серебра была двоякая: большая, состоявшая в серебряных кусках, которые попадают весом от 43 до 49 золот., и гривна малая — в кусках, от 35 до 32 золот. Семь гривен кун составляло гривну серебра, следовательно, гривна кун составляла приблизительно от 6 до 7 или от 5 до 6 золотников серебра.

Частые войны и нашествия половцев разоряли капиталы, являлись неплатные должники, а под видом их были и плуты. Торговые предприятия подвергали купца опасностям; от этого и те, которые давали ему деньги, также находились в опасности потерять свой капитал. Отсюда и высокие проценты. Некоторые торговцы брали у других купцов товары, не платя за них деньги вперед, а выплачивали по выручке с процентами; по этому поводу возникали обманы. При Владимире положено было различие между тем неплатным купцом, который потерпит нечаянно от огня, от воды или от неприятеля, и тем, который испортит чужой товар, или пропьет его, или «пробьется», т.е. заведет драку, а потом должен будет заплатить виру или «продажу» (низший вид виры). При несостоятельности купца следовало принимать во внимание: от какой причины он стал несостоятелен. В первых случаях, т.е. при нечаянном разорении, купец не подвергался насилию, хотя не освобождался от платежа долга. Некоторые брали капитал от разных лиц, а также и у князей. В случае несостоятельности такого торговца, его вели на торг и продавали его имущество. При этом гость, т.е. человек из иного города или чужеземец, имел первенство перед другими заимодавцами, а за ним князь, потом уже прочие заимодавцы получали остальное. Набеги половцев, процентщина, корыстолюбие князей и их чиновников — все способствовало тому, что в массе народа умножались бедняки, которые, не будучи в состоянии прокормить себя, шли в наемники к богатым. Эти люди назывались тогда «закупами». С одной стороны, эти закупы, взяв от хозяина деньги, убежали от него, а с другой — хозяева взводили на них разные траты по хозяйству и на этом основании притесняли и даже обращали в рабство. Закон Мономаха позволял закупу жаловаться на хозяина князю или судьям, налагал определенную пеню за сделанные ему обиды и притеснения, охранял его от притязания господина в случае пропажи или порчи какой-нибудь вещи, когда на самом деле закуп был не виноват; но зато с другой стороны — угрожал закупу полным рабством в случае, если он убежит, не выполнив условия. Кроме закупов, служащих во дворах хозяев, были закупы «ролейные» (поселенные на землях и обязанные работою владельцу). Они получали плуги и бороны от владельца, что показывает обеднение народа; хозяева нередко придирались к таким закупам под предлогом, что они испортили данные им земледельческие орудия, и обращали в рабство свободных людей. Отсюда возникла необходимость определить: кто именно должен считаться холопом. Законодательство Владимира Мономаха определило только три случая обращения в холопство: первый случай, когда человек сам добровольно продавал себя в холопы или когда господин продавал его на основании прежних прав над ним. Но такая покупка должна была непременно совершаться при свидетелях. Второй случай обращения в рабство — принятие в супружество женщины рабского происхождения (вероятно, случалось, что женщины искали освобождения от рабства посредством замужества). Третий случай, когда свободный человек без всякого договора делается должностным лицом у частного человека (тиунство без яру, или привяжет ключ к себе без яру). Вероятно, это было постановлено потому, что некоторые люди, приняв должность, позволяли себе разные беспорядки и обманы, и за неимением условий, хозяева не могли искать на них управы. Только исчисленные здесь люди могли быть обращаемы в холопы. За долги нельзя было обращать в холопство, и всякий, кто не имел возможности заплатить, мог отработать свой долг и отойти. Военнопленные, по-видимому, также не делались холопами, потому что об этом нет речи в «Русской Правде» при перечислении случаев рабства. Холоп был тесно связан с господином: господин платил его долги, а также выплачивал цену украденного его холопом. Прежде, при Ярославе, за побои, нанесенные холопом свободному человеку, следовало убить холопа,

но теперь постановили, что в таком случае господин платил за раба пеню. Холоп вообще не мог быть свидетелем, но когда не было свободного человека, тогда принималось и свидетельство холопа, если он был должностным лицом у своего господина. За холопа и рабу вира не полагалась, но убийство холопа или рабы без вины наказывалось платежом князю «продажи». По некоторым данным, ко временам Мономаха следует отнести постановления о наследстве.

Вообще, по тогдашнему русскому обычному праву, все сыновья наследовали поровну, а дочерям обязывались выдавать приданое при замужестве; меньшему сыну доставался отцовский двор. Каждому, однако, предоставлялось распорядиться своим имуществом по завещанию. В правах наследства бояр и дружинников и в правах смердов существовала та разница, что наследство бояр и дружинников ни в каком случае не переходило к князю, а наследство смерда (простого земледельца) доставалось князю, если смерд умирал бездетным. Женино имение оставалось неприкосновенным для мужа. Если вдова не выходила замуж, то оставалась полной хозяйкой в доме покойного мужа и дети не могли удалить ее. Замужняя женщина пользовалась одинаковыми юридическими правами с мужчиной. За убийство или оскорбления, нанесенные ей, платилась одинаковая вира, как за убийство или оскорбления, нанесенные мужчине.

Местом суда в древности были: княжеский двор и торг, и это означает, что был суд и княжеский, но был суд и народный — вечевой, и, вероятно, постановления Русской Правды, имеющие главным образом в виду соблюдение княжеских интересов, не обнимали всего вечевого суда, который придерживался давних обычаев и соображений, внушенных данными случаями. Доказательствами на суде служили: показания свидетелей, присяга и, наконец, испытание водою и железом; но когда было введено последнее — мы не знаем.

Эпоха Владимира Мономаха была временем расцвета состояния художественной и литературной деятельности на Руси. В Киеве и в других городах воздвигались новые каменные церкви, украшенные живописью: так, при Святополке построен был в Киеве Михайловский Золотоверхий монастырь, стены которого существуют до сих пор, а близ Киева — Выдубицкий монастырь на месте, где был загородный двор Всеволода; кроме того, Владимир перед смертью построил прекрасную церковь на Альте, на том месте, где был убит Борис. К этому времени относится составление нашей первоначальной летописи. Игумен Сильвестр (около 1115 года) соединил в один свод прежде существовавшие уже отрывки и, вероятно, сам прибавил к ним сказания о событиях, которых был свидетелем. В числе вошедших в его свод сочинений были и писания летописца Печерского монастыря Нестора, отчего весь Сильвестров летописный свод носил потом в ученом мире название Несторовой летописи, хотя и неправильно, потому что далеко не все в ней писано Нестором, и притом не все могло быть писано одним только человеком. Мысль описывать события и расставлять их последовательно по годам явилась вследствие возникшего знакомства с византийцами-летописцами, из которых некоторые, как например, Амартол и Малала были тогда известны в славянском переводе. Сильвестр положил начало русскому летописанию и указал путь другим после себя. Его свод был продолжаем другими летописцами по годам и разветвился на многие отрасли, сообразно различным землям русского мира, имевшим свою отдельную историю. Непосредственным и ближайшим по местности продолжением Сильвестрова летописного свода была летопись, занимающаяся преимущественно киевскими событиями и написанная в Киеве разными лицами, сменившими одно другое. Летопись эта называется «Киевскою»; она захватывает время Мономаха, идет через все XII столетие и прерывается на событиях начальных годов XIII столетия.

Во времена Мономаха, вероятно, было переведено многое из византийской литературы, как показывают случайно уцелевшие рукописи, которые относятся именно к концу XI и началу XII века. Из нашей первоначальной летописи видно, что русские грамотные люди могли читать на своем языке Ветхий Завет и жития разных святых. Тогда же по образцу византийских жизнеописателей стали составлять жития русских людей, которых уважали за святость жизни и смерти. Так, в это время уже написано было житие первых основателей Печерской обители: Антония и Феодосия и положено было преподобным Нестером, печерским летописцем, начало Патерика, или сборника житий печерских святых, сочинения, которое, расширяясь в объеме от новых добавлений, составляло впоследствии один из любимых предметов чтения благочестивых людей. В этот же период написаны были жития св. Ольги и св. Владимира монахом Иаковом, а также два отличных одно от другого повествования о смерти князей Бориса и Глеба, из которых одно приписывается тому же монаху Иакову. От современника Мономахова, киевского митрополита Никифора, родом грека, осталось одно Слово и три Послания: из них два обращено к Владимиру Мономаху, из которых одно обличительное против латин. Тогда уже окончательно образовалось разделение церквей; вражда господствовала между писателями той и другой церкви, и греки старались привить к русским свою ненависть и злобу к Западной церкви. Другой современник Мономаха, игумен Даниил, совершил путешествие в Иерусалим и оставил по себе описание этого путешествия. Несомненно, кроме оригинальных и переводных произведений собственно религиозной литературы, тогда на Руси была еще поэтическая самобытная литература, носившая на себе более или менее отпечаток старинного язычества. В случайно уцелевшем поэтическом памятнике конца XII века: «Слово о полку Игоря» упоминается о певце Бояне, который прославлял события старины и между прочим события XI века; по некоторым признакам можно предположить, что Боян воспевал также подвиги Мономаха против половцев. Этот Боян был так уважаем, что потомство прозвало его Соловьем старого времени. Сам Мономах написал «Поучение своим детям», или так называемую Духовную. В ней Мономах излагает подробно события своей жизни, свои походы, свою охоту на диких коней (зубров?), вепрей, туров, лосей, медведей, свой образ жизни, занятия, в которых видна его неутомимая деятельность. Мономах дает детям своим советы как вести себя. Эти советы, кроме общих христианских нравоучений, подкрепляемые множеством выписок из Священного Писания, свидетельствующих о начитанности автора, содержат в себе несколько черт любопытных, как для личности характера Мономаха, так и для его века. Он вовсе не велит князьям казнить смертью кого бы то ни было. «Если бы даже преступник и был достоин смерти, — говорит Мономах, — то и тогда не следует губить души». Видно, что князья в то время не были окружены царственным величием и были доступны для всех, кому была до них нужда: «Да не посмеются приходящие к вам ни дому вашему, ни обеду вашему». Мономах поучает детей все делать самим, во все вникать, не полагаться на тиунов и отроков. Он завещает им самим судить и защищать вдов, сирот и убогих, не давать сильным губить слабых, приказывает кормить и поить всех приходящих к ним. Гостеприимство считается у него первою добродетелью: «Более всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел: посол ли, знатный ли человек или простой, всех угощайте брашном и пием, а если можно дарами. Этим прославится человек по всем землям». Он завещает им посещать больных, отдавать последний долг мертвым, помня, что все смертны, всякого встречного обласкать добрым словом, любить своих жен, но не давать им над собою власти, почитать старших себя как отцов, а младших как братьев, обращаться к духовным за благословением, отнюдь не гордиться своим зва-

нием, помня, что все поручено им Богом на малое время, и не хоронить в земле богатств, считая это великим грехом. Относительно войны Мономах советует детям не полагаться на воевод, самим наряжать стражу, не предаваться пирам и сну в походе, и во время сна в походе не снимать с себя оружие, а проходя с войском по Русским землям ни в каком случае не позволять делать вред жителям в селах или портить хлеб на полях. Наконец, он велит им учиться и читать и приводит пример отца своего Всеволода, который, сидя дома, выучился пяти языкам.

Мономах скончался близ Переяславля у любимой церкви, построенной на Альте, 19 мая 1125 года, семидесяти двух лет от роду. Тело его было привезено в Киев. Сыновья и бояре понесли его к Св. Софии, где он и был погребен. Мономах оставил по себе память лучшего из князей. «Все злые умыслы врагов, — говорит летописец, — Бог дал под руки его; украшенный добрым нравом, славный победами, он не возносился, не величался, по заповеди Божией добро творил врагам своим и паче меры был милостив к нищим и убогим, не щадя имени своего, но все раздавая нуждающимся». Монахи прославляли его за благочестие и за щедрость монастырям. Это-то благодущие, соединенное в нем с энергической деятельностью и умом, вознесло его так высоко и в глазах современников, и в памяти потомства.

Вероятно, народные эпические песни о временах киевского князя Владимира Красное Солнышко, так называемые былины Владимиров цикла, относятся не к одному Владимиру Святому, но и ко Владимиру Мономаху, так что в поэтической памяти народа эти два лица слились в одно. Наше предположение может подтверждаться следующим: в Новгородской летописи под 1118 годом Владимир с сыном своим Мстиславом, княжившим в Новгороде, за беспорядки и грабежи призвал из Новгорода и посадил в тюрьму сотского Ставра с несколькими соумышленниками его, новгородскими боярами. Между былинами Владимиров цикла есть одна былина о Ставре-боярине, которого киевский князь Владимир засадил в погреб (тюрьмами в то время служили погреба), но Ставра освободила жена его, передевшись в мужское платье. Имя Владимира Мономаха было до того уважаемо потомками, что впоследствии составила сказка о том, будто византийский император прислал ему знаки царского достоинства, венец и бармы, и через несколько столетий после него спустя московские государи венчались венцом, который назвали «шапкою» Мономаха.

Рассуждая беспристрастно, нельзя не заметить, что Мономах в своих представлениях и в отрывках о нем летописцев является более безупречным и благодущным, чем в своих поступках, в которых проглядывают пороки времени, воспитания и среды, в которой он жил. Таков, например, поступок с двумя половецкими князьями, убитыми с нарушением данного слова и прав гостеприимства; завещая сыновьям умеренность в войне и человеколюбие, сам Мономах, однако, мимоходом сознается, что при взятии Минска, в котором он участвовал, не оставлено было в живых ни челядина, ни скотины. Наконец, он хотя и радел о Русской Земле, но и себя не забывал и, наказывая князей действительно виноватых, отбирал их уделы и отдавал своим сыновьям. Но за ним в истории останется то великое значение, что, живя в обществе, едва выходящем из самого варварского состояния, вращаясь в такой среде, где всякий гонялся за узкими своекорыстными целями, еще почти не понимая святости права и договора, один Мономах держал знамя общей для всех правды и собирал под него силы Русской Земли.

V КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

Во второй половине XII века в Ростовско-Суздальской земле появляются зародыши того хода событий, который развился и установился уже под влиянием татарского завоевания. Наш древний летописец, перечисляя ветви славяно-русского племени, указывает на полян, древлян, северян и т.д., но уже говоря по преданиям о событиях IX и X века, причисляет к системе русского мира Мерю, страну, населенную финским племенем того же имени, занимавшую пространство в нынешних губерниях: Владимирской, Ярославской, Костромской и части Московской и Тверской, относя наравне с этим народом соплеменные и соседние ему племена: Мурому на юг от Мери и Весь на севере от той же Мери по течению Шексны и около Белоозера. Уже в незапамятные времена славянские поселенцы проникали в страны этих народов и селились там, как это показывают славянские названия города Ростова в земле Мери и Белоозера в земле Веси. Нам, к сожалению, неизвестен ход славянской колонизации в этих землях; несомненно, что с принятием христианства она усиливалась, возникали города с русскими жителями, а самые туземцы, принимая христианство, утрачивали вместе с язычеством свою народность и постепенно сливались с русскими, некоторые же покидали свое прежнее отечество и убегали далее к востоку. Недавние раскопки могил, произведенные гр. Уваровым в земле Мери, показывают, что язычество и древняя народность уже угасали в XII веке, по крайней мере позднейшие могилы с признаками мерянской народности могут быть отнесены к этому периоду. По письменным памятникам в XII столетии мы встречаем в этих местах значительное число городов, без сомнения, русских: Ростов, Суздаль, Переяславль-Залесский, Дмитров, Углич, Зубцов, Молога, Юрьев, Владимир, Москву, Ярославль, Тверь, Галич-Мерьский, Городец и др. Беспокойства в Южной Руси побуждали ее тамошних жителей переселяться в эту страну. Народ Меря стоял на низкой степени образованности, не составлял самобытного политического тела и притом не был воинственным, как показывает скудость оружия в его могилах; оттого-то он легко подчинился власти и влиянию русских. В этом-то крае, колонизованном пришельцами из разных славяно-русских земель, образовалась новая ветвь славяно-русской народности, положившая начало великорусскому народу; ветвь эта в течение последующей истории охватила все другие народные ветви в русской земле, поглотила многие из них совершенно и слила с собою, а другие ветви подчинила своему влиянию. Недостаток сведений о ходе русской колонизации в этом крае составляет важнейший, ничем незаменимый пробел в нашей истории. Тем не менее, однако, можно уже в отдаленные времена подметить те свойства, которые вообще составляли отличительные признаки великорусской народности; сплочение сил в собственной земле, стремление к расширению своих жителей и к подчинению себе других земель. Это проглядывает уже в исто-

рии борьбы Юрия суздальского за Киев с Изяславом Мстиславичем. То был первый зачаток стремления подчинить русские земли первенству восточно-русской земли. Юрий хотел утвердиться в Киеве, потому что, по-видимому, тяготился пребыванием в восточной стране; но если мы вникнем в смысл событий того времени, то увидим, что уже тогда вместе с этим соединялось стремление русских жителей Суздальской земли властвовать в Киеве. Это видно из того, что Юрий, овладев Киевом, держался в нем с помощью пришедших с ним суздальцев. Киевляне смотрели на княжение Юрия, как на чуждое господство, а потому, после смерти Юрия, в 1157 году, перебили всех суздальцев, которым Юрий поверил управление края. Впоследствии сын Юрия Андрей не думал уже переселяться в Киев, а хотел, оставаясь в Суздальской земле, властвовать над Киевом и прочими русскими землями таким образом, чтобы Суздальская земля приобрела то значение первенствующей земли, какое было прежде за Киевом. С Андрея начинает обозначаться яркими чертами самобытность Суздальско-Ростовской земли и вместе с тем стремление к первенству в русском мире. В эту-то эпоху выступил в первый раз на историческое поприще народ великорусский. Андрей был первый великорусский князь; он своею деятельностью положил начало и показал образец своим потомкам; последним, при благоприятных обстоятельствах, предстояло совершить то, что намечено было их праотцедом.

Андрей родился в Суздальской, или, точнее, Ростовско-Суздальской земле, там провел он детство и первую юность, там усвоил он первые впечатления, по которым сложились у него взгляды на жизнь и понятия. Судьба бросила его в омут безвыходных междоусобий, господствовавших в Южной Руси. После Мономаха, который был киевским князем по выбору земли, в Киеве княжили один за другим два сына его, Мстислав и Ярополк; спора у них за землю не было, и их можем мы причислить к истинным земским избранным князьям, как и отца их, потому что киевляне дорожили памятью Мономаха и любили сыновей его. Но в 1139 году черниговский князь Всеволод Ольгович выгнал третьего сына Мономаха, слабого и ограниченного Вячеслава, и овладел им посредством оружия. Этим открыт был путь нескончаемой неурядице в Южной Руси. Всеволод держался в Киеве при помощи своих черниговцев. Ему хотелось упрочить за своим родом Киев: Всеволод предложил киевлянам выбрать брата его Игоря. Киевляне поневоле согласились. Но как только Всеволод умер, в 1146 году, киевляне избрали себе князем сына старшего Мономаха, Изяслава Мстиславича, низложили Игоря; потом, когда за последнего подняли войну его братья, киевляне убили Игоря всенародно, несмотря на то, что он уже отрекся от мира и вступил в Печерский монастырь.

Изяслав счастливо разделался с Ольговичами, но против него поднялся новый неугомонный соперник, дядя его, князь суздальский Юрий Долгорукий, младший сын Владимира Мономаха. Началась долголетняя борьба, и в этой борьбе участвовал Андрей. Дела запутывались так, что междоусобию, казалось, не будет конца. Киев несколько раз переходил то в руки Изяслава, то в руки Юрия; киевляне совершенно сбились с пути: уверяют Изяслава в своей готовности умирать за него, а потом перевозят Юрия через Днепр к себе и заставляют бежать Изяслава; принимают к себе Юрия и вслед за тем сносятся с Изяславом, призывают Изяслава к себе и прогоняют Юрия; вообще, однако, легко уступают всякой силе. Киевляне, несмотря на такое непостоянство, вынуждаемое обстоятельствами, неизменно любили Изяслава и ненавидели Юрия с его суздальцами. В течение этой усобицы Андрей не раз показывал храбрость в битвах, но также не раз пытался установить мир между раздраженными спорившими сторонами; все было напрасно. В 1151 году, когда Изяслав временно взял решительный перевес, Андрей убеждал отца

удалиться в Суздальскую землю и сам прежде него поторопился уйти в этот край — во Владимир-на-Клязьме, пригород, данный ему отцом в уделе. Но Юрий ни за что не хотел оставлять юга, опять начал добиваться Киева, наконец, по смерти Изяслава, в 1154 г. овладел им и посадил Андрея в Вышгороде. Юрию хотелось иметь этого сына близ себя, вероятно, с тем, чтобы передать ему киевское княжение, и с этой целью он назначил отдаленные от Киева города Ростов и Суздаль меньшим своим сыновьям. Но Андрея не пленяли никакие надежды в Южной Руси. Андрей был столько же храбр, сколько и умен, столько же расчетлив в своих намерениях, сколько и решителен в исполнении. Он был слишком властолюбив, чтобы поладить с тогдашним складом условий в Южной Руси, где судьба князя постоянно зависела и от покушений других князей, и от своенравия дружин и городов; при этом соседство половцев не давало и вперед никакого ручательства на установление порядка в южнорусском крае, потому что половцы представляли собою удобное средство князьям, замышлявшим добывать себе силою города. Андрей решился самовольно бежать навсегда в суздальскую землю. Шаг был важный; современник летописец счел нужным особенно заметить, что Андрей решился на это без отцовского благословения.

У Андрея, как видно, созрел тогда план не только удалиться в Суздальскую землю, но утвердить в ней средоточие, из которого можно будет воротить делами Руси. Летопись говорит, что с ним в соумышлении были его свойственники бояре Кучковы. Мы думаем, что у него было тогда много сторонников как и в Суздальской земле, так и в Киевской. Первое оказывается из того, что в Ростовско-Суздальской земле любили его и скоро потом выказали эту любовь тем, что посадили князем по избранию; о втором свидетельствуют признаки значительного, переселения жителей из Киевской земли в Суздальскую; но Андрею, действовавшему в этом случае против отцовской воли, нужно было освятить свои поступки в глазах народа каким-нибудь правом. До сих пор в сознании русских для князей существовало два права — происхождения и избрания, но оба эти права перепутались и разрушились, особенно в Южной Руси. Князья, мимо всякого старейшинства по рождению, добивались княжеских столов, а избрание перестало быть единодушным выбором всей земли и зависело от военной толпы — от дружин, так что, в сущности, удерживалось еще только одно право — право быть князьями на Руси лицам из Рюрикова дома; но какому князю где княжить, — для того уже не существовало никакого другого права, кроме силы и удачи. Надобно было создаться новому праву. Андрей нашел его; это право было высшее непосредственное благословение религии.

Была в Вышгороде в женском монастыре икона св. Богородицы, привезенная из Цареграда, писанная, как гласит предание, св. евангелистом Лукою. Рассказывали о ней чудеса, говорили, между прочим, что, будучи поставлена у стены, она ночью сама отходила от стены и становилась посреди церкви, показывая как будто вид, что желает уйти в другое место. Взять ее явно было невозможно, потому что жители не позволили бы этого. Андрей задумал похитить ее, перенести в Суздальскую землю, даровать таким образом этой земле святыню, уважаемую на Руси, и тем показать, что над этою землею почует особое благословение Божие. Подговоривши священника женского монастыря Николая и диакона Нестора, Андрей ночью унес чудотворную икону из монастыря и вместе с княгиней и соумышленниками тотчас после того убежал в Суздальскую землю. Путешествие этой иконы в Суздальскую землю сопровождалось чудесами: на пути своем она творила исцеления. Уже в голове Андрея была мысль поднять город Владимир выше старейших городов Суздаля и Ростова, но он хранил эту мысль до поры до времени втайне, а потому проехал Владимир с иконою мимо и не

оставил ее там, где, по его плану, ей впоследствии быть надлежало. Но не хотел Андрей везти ее ни в Суздаль, ни в Ростов, потому что, по его расчету, этим городам не следовало давать первенства. За десять верст от Владимира по пути в Суздаль произошло чудо: кони под иконою вдруг стали; запрягают других посильнее, и те не могут сдвинуть воза с места.

Князь остановился; раскинули шатер. Князь заснул, а поутру объявил, что ему являлась с сне Божия Матерь с хартиєю в руке, приказала не везти Ее икону в Ростов, а поставить во Владимире; на том же месте, где произошло видение, соорудить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать при ней монастырь. В память такого видения написана была икона, изображавшая Божию Матерь в том виде, как Она явилась Андрею с хартиєю в руке. Тогда на месте видения заложено было село, называемое Боголюбовым. Андрей соорудил там богатую каменную церковь; ее утварь и иконы украшены были драгоценными камнями и финифтью, столпы и двери блистали позолотою. Там поставил он временно икону; в окладе, для нее сделанном Андреем, было пятнадцать фунтов золота, много жемчуга, драгоценных камней и серебра.

Заложенное им село Боголюбово сделалось его любимым местопребыванием и усвоило ему в истории прозвище Боголюбского.

Мы не знаем, что делал Андрей до смерти отца, но, без сомнения, он в это время вел себя так, что угодил всей земле. Когда отец умер в Киеве после пира у какого-то Петрила, 15 мая 1157 года, ростовцы и суздальцы со всею землею, нарушив распоряжение Юрия, отдававшего Ростов и Суздаль меньшим сыновьям, единодушно избрали Андрея князем всей своей земли. Но Андрей не поехал ни в Суздаль, ни в Ростов, а основал свою столицу во Владимире, построил там великолепную церковь Успения Богородицы с позолоченным верхом¹ из белого камня, привезенного водою из Болгарии. В этом храме поставил он похищенную из Вышгорода икону, которая с тех пор начала носить имя Владимирской.

С тех пор Андрей явно показал свое намерение сделать Владимир, бывший до того времени только пригородом, главным городом всей земли и поставить его выше старых городов, Ростова и Суздаля. Андрей имел в виду то, что в старых городах были старые предания и привычки, которые ограничивали власть князя. Ростовцы и суздальцы избрали Андрея на вече. Они считали власть князя ниже своей вечаевой власти; живя в Ростове или Суздале, Андрей мог иметь постоянные пререкания и должен был подлаживаться к горожанам, которые гордились своим старейшинством. Напротив, во Владимире, который ему обязан был своим возвышением, своим новым старейшинством над землею, воля народная должна была идти об руку с волею князя. Город Владимир, прежде малый и незначительный, сильно разросся и наделился при Андрее. Жители его состояли в значительной степени из переселенцев, ушедших к Андрею из Южной Руси на новое жительство. На это явно указывают названия урочищ во Владимире; там были река Лыбедь, Печерный город, Золотые Врата с церковью над ними, как в Киеве, и Десятинная церковь Богородицы: Андрей из подражания Киеву дал построенной им во Владимире церкви десятину от своих стад и от торгового города Гороховец и села. Андрей строил много церквей, основывал монастыри, не жалел издержек на украшение храмов. Кроме церкви Успения, возбуждавшей удивление современников великолепием и блеском иконостаса, паникадил, стеной живописью и обильною позолотою, он построил во Владимире монастыри Спасский, Вознесенский, соборный храм Спаса в Переяславле, церковь Св. Феодора Стратилата, которому он приписывал свое спасение во время одной битвы, когда он вмес-

¹ По одним известиям, был один купол, по другим — пять; вероятнее первое, потому что в те времена обыкновенно строились церкви с одним верхом.

те с отцом участвовал в княжеских междоусобиях на юге; церковь Покрова при устье Нерли и много других каменных церквей. Андрей приглашал для этого мастеров с Запада, а между тем начало развиваться и русское искусство, так что при Андрееве преемнике русские мастера уже без пособия иностранцев строили и расписывали свои церкви.

Построение богатых церквей указывает столько же на благосостояние края, сколько и на политический такт Андрея. Всякая новая церковь была важным событием, возбуждавшим внимание народа и уважение к ее постройителю. Понимая, что духовенство составляло тогда единственную умственную силу, Андрей умел приобрести любовь его, а тем самым укреплял свою власть в народе. В приемах его жизни современники видели набожного и благочестивого человека. Его всегда можно было видеть в храме на молитве, со слезами умиления на глазах, с громкими воздыханиями. Хотя его княжеские тиуны и даже покровительствуемые им духовные позволяли себе грабительства и бесчинства, но Андрей всенародно раздавал милостыню убогим, кормил чернецов и черниц и за то слышал похвалы своему христианскому милосердию. Нередко по ночам он входил в храм, сам зажигал свечи и долго молился перед образами.

В то время к числу благочестивых подвигов князя, составлявших его славу, относились и войны его с неверными. По соседству с волостью Андрея, на Волге, было царство Болгарское. Болгары, народ финского, или, вероятнее, смешанного племени, еще в десятом веке приняли магометанство. Они давно уже жили не в ладах с русскими, делали набеги на русские области, и русские князья не раз ходили биться против них: такие битвы считались богоугодным делом. Андрей два раза воевал с этим народом и первый раз отправился с войском против него в 1164 году. Он взял с собою св. икону Богородицы, привезенную из Вышгорода; духовенство шло пешее и несло ее под знаменами. Сам князь и все войско перед походом причащались Св. Тайн. Поход кончился удачно; князь болгарский бежал; русские взяли город Ибрагимов (в наших летописях Бряхимов). Князь Андрей и духовные приписывали эту победу чудотворному действию иконы Богородицы; событие это поставлено было в ряду многочисленных чудес, истекавших от этой иконы, и в память его было установлено празднество с водосвящением, совершаемое до сих пор 1 августа. Патриарх цареградский, по желанию Андрея, утвердил этот праздник тем охотнее, что русское торжество совпало с торжеством греческого императора Мануила, одержавшего победу над сарацинами, которую приписывали действию животворящего креста и хоругви с изображением Христа Спасителя.

Но не так благосклонно отнесся к желаниям Андрея патриарх Лука Хризотер, когда Андрей обратился к нему с просьбою посвятить в митрополиты во Владимир своего любимца Феодора. Этим нововведением Андрей хотел решительно возвысить Владимир, зависевший от ростовской епархии; тогда Владимир не только стал бы выше Ростова и Суздаля, а получил бы еще первенствующее духовное значение в ряду русских городов иных земель. Но патриархи, следуя давнему обычаю Восточной церкви, не легко и не сразу соглашались на всякие изменения в порядке церковного управления. И на этот раз не согласился патриарх на такую важную перемену, тем более что ростовский епископ Нестор был еще в живых и, преследуемый не любившим его Андреем, бежал тогда в Цареград. Через несколько лет, однако, 1168 года, любимец Андрея Феодор, съездив в Цареград, выхлопотал себе посвящение если не в сан митрополита, то в сан епископа Ростовского. По желанию Андрея, он хотя считался ростовским, но должен был жить во Владимире, так как на это патриарх дал дозволение. Таким образом, его любимый Владимир, если не мог в духовном управлении получить того первенства в Руси, которое принадлежало Киеву, по крайней мере делался выше Ростова, как местопребывание епископа. Любимец

Андрея Феодор до того возгордился, что подобно своему князю, ни во что ставившему Киев, не хотел знать киевского митрополита: не поехал к нему за благословением и считал для себя достаточным поставление в епископы от патриарха. Так как это было нарушение давнего порядка на Руси, то владимирское духовенство не хотело ему повиноваться; народ волновался. Феодор затворил церкви и запретил богослужение. Если верить летописям, то Феодор по этому поводу, принуждая повиноваться своей верховной власти, позволяя себе ужасные варварства: мучил непокорных игуменов, монахов, священников и простых людей, рвал им бороды, рубил головы, выжигал глаза, резал языки, отбирая имущества у своих жертв. Хотя летописец и говорит, что он поступал таким образом, не слушая Андрея, посылавшего его ставиться в Киев, но трудно допустить, чтобы все это могло происходить под властью такого властолюбивого князя против его воли. Если подобные варварства не плод преувеличения, то они могли совершаться только с ведома Андрея, или, по крайней мере, Андрей смотрел сквозь пальцы на проделки своего любимца и пожертвовал им только тогда, когда увидел, что народное волнение возрастает и может иметь опасные последствия. Как бы то ни было, Андрей, наконец, отправил Феодора к киевскому митрополиту, который приказал отрубить злодею правую руку, отрезать язык и выколоть глаза. Это — по византийскому обычаю.

Андрею не удалось возвысить свой Владимир в церковном отношении на степень митрополии. Тем не менее Андрей в этом отношении наметил заранее то, что совершилось впоследствии, при его преемниках.

Андрей был посажен на княжение всею землею, в ущерб правам меньших братьев, которые должны были княжить там по распоряжению родителя. Решительный в своих действиях, Андрей предупредил всякие со стороны их попытки к междоусобиям, разом выгнал своих братьев Мстислава, Василья, восьмилетнего Всеволода (1162) и удалил от себя двух племянников Ростиславичей. Братья вместе с своею матерью, греческою царевною, отправились в Грецию, где греческий император Мануил принял их дружелюбно. Это изгнание не только не было событием, противным земле, но даже в летописях оно приписывается как бы земской воле. Андрей выгонял также и бояр, которых не считал себе достаточно преданными. Такие меры сосредоточивали в его руках единую власть над всею Ростовско-Суздальскою землею и через то самое давали этой земле значение самой сильнейшей земли между русскими землями, тем более что, будучи избавлена от междоусобий, она была в то время спокойна от всякого внешнего вторжения. Но с другой стороны, эти же меры увеличивали число врагов Андрея, готовых, при случае, погубить его всеми возможными средствами.

Забравши в свои руки власть в Ростовско-Суздальской земле, Андрей ловко пользовался всеми обстоятельствами, чтобы показывать свое первенство во всей Руси; вмешиваясь в междоусобия, происходившие в других русских землях, он хотел разрешать их по своему произволу. Главною и постоянною целью его деятельности было унижить значение Киева, лишить древнего старейшинства над русскими городами, перенести это старейшинство на Владимир, а вместе с тем подчинить себе вольный и богатый Новгород. Он добивался того, чтобы, по своему желанию, отдавать эти два важнейших города с их землями в княжение тем из князей, которых он захочет посадить и которые, в благодарность за то, будут признавать его старейшинство. Когда по смерти Юрия Долгорукого возник спор за Киев между черниговским князем Изяславом Давидовичем и Ростиславом, братом Изяслава Мстиславича, Андрей мирволил Изяславу, хотя прежде этот князь был врагом отца его. В 1160 году он съехался с ним на Волоке и умыслил выгнать Ростислава сына Святослава из Новгорода. В Новгороде уже несколько лет происходила безурядица; призывали и выгоняли то тех, то других князей. Незадолго

до того, еще при Юрии, княжил там брат Андрея Мстислав. В 1158 году новгородцы прогнали его и призвали сыновей Ростислава, Святослава и Давида: из них первого посадили в Новгороде, а другого в Торжке, но и против них скоро образовалась в Новгороде враждебная партия. Рассчитывая на помощь этой партии, Андрей послал в Новгород такое требование: «Да будет вам ведомо, я хочу искать Новгорода добром или злом; чтобы вы целовали мне крест иметь меня своим князем, а мне вам добра хотеть». Такой отзыв усилил волнение в Новгороде, часто стали собираться бурные вече. Сначала новгородцы, руководимые благоприятелими Андрея, придрались к тому, что Новгород содержит разом двух князей, и требовали удаления Давида из Торжка. Святослав исполнил требование и выслал брата из Новгородской земли, но после того противники его не оставили Святослава в покое, подурачили против него народ и довели до того, что толпа схватила Святослава на Городище, отправила под стражею в Ладогу; его жену заключили в монастырь Св. Варвары; перековали лиц, составлявших княжескую дружину, имение их разграбили, а потом послали просить у Андрея сына на княжение. Андрей рассчитывал давать им по возможности не тех князей, каких они пожелают, а тех, каких он сам им дать захочет. Андрей послал им не сына, а своего племянника Мстислава Ростиславича. Но в следующем году (1161), когда Изяслав Давидович был побежден Ростиславом и убит, а Ростислав укрепился в Киеве, Андрей поладил с ним и приказал новгородцам взять опять к себе на княжение того Святослава Ростиславича, которого они недавно выгнали, и притом, как выражается летописец, «на всей воле его». Андрею, очевидно, было все равно, тот или другой князь будет княжить в Новгороде, лишь бы только этот князь был посажен от его руки, чтобы таким образом для новгородцев вошло в обычай получать себе князей от суздальского князя. В 1166 году умер киевский князь Ростислав, человек податливый, под конец поладивший с суздальским князем и угождавший ему. На киевское княжение был избран Мстислав Изяславич. Кроме того, что этот князь был сын ненавистного Андрею Изяслава Мстиславича, с которым так упорно боролся отец его, Андрей лично ненавидел этого князя, да и Мстислав был не из таких, чтобы угождать кому бы то ни было, кто бы вздумал показать над ним власть. У покойного Ростислава было пять сыновей: Святослав, княживший в Новгороде, Давид, Роман, Рюрик и Мстислав. Сначала Мстислав Изяславич был с этими своими двоюродными братьями заодно, но потом, к большому удовольствию Андрея, между ними дружба стала нарушаться. Началось из-за Новгорода. Новгородцы по-прежнему не поладили с своим князем Святославом и прогнали его, а потом послали к киевскому Мстиславу просить у него сына. Мстислав, не желая ссориться с Ростиславичами, медлил решением. Тем временем оскорбленный Святослав обратился к Андрею; за Святослава стали смоленские князья, его братья. К ним присоединились и полочане, которые прежде не ладили с Новгородом. Тогда Андрей решительно потребовал от новгородцев, чтобы они вновь приняли изгнанного ими Святослава. «Не будет вам иного князя, кроме этого», — приказал он сказать им и прислал на помощь Святославу и его союзникам войско против Новгорода. Союзники сожгли Новый Торг, опустошили новгородские села и перерезали сообщение Новгорода с Киевом, чтобы не дать новгородцам сойтись с Мстиславом киевским. Новгородцы почувствовали оскорбление своих прав, увидели чересчур решительное посягательство на свою свободу, разгорячились и не только не сдались на требования Андрея, но убили посадника Захария и некоторых других лиц, сторонников Святослава, за тайные сношения с этим князем, выбрали другого посадника по имени Якуна, нашли возможность дать знать обо всем Мстиславу Изяславичу и еще раз просили у него сына на княжение. В это время, кстати, киевские бояре Бо-

риславичи успели посорить Мстислава с двумя Ростиславичами: Давидом и Рюриком¹. Когда вслед за тем новгородцы снова прислали к Мстиславу просить сына, он уже не колебался и послал к нему сына своего Романа. Ростиславичи после этого поступка сделались отъявленными врагами Мстислава. Андрей тотчас воспользовался этим, чтобы идти на Мстислава. Рязанские и муромские князья уже прежде были с Андреем заодно, соединенные войною против болгар. Полочане вошли с ним в союз по вражде к Новгороду; на Волыни был у него союзник дорогобужский князь Владимир, дядя Мстислава, бывший его соперник за Киев. Андрей тайно снесся с князьями северскими Олегом и Игорем; в Переяславле Русском княжил брат Андрея Глеб, неизменно ему преданный; с Глебом был также другой брат, молодой Всеволод, вернувшийся из Цареграда и получивший княжение в Остерском Городце в Южной Руси. Всего, таким образом, было до 11 князей с их дружинами и ратью. Суздальским войском предводительствовал сын Андрея Мстислав и боярин Борис Жидиславич. На стороне Мстислава был брат Андрея Михаил, княживший в Торжке; не предвидя против себя ополчения, Мстислав Изяславич отправил его с берендеями на помощь к сыну в Новгород; но Роман Ростиславич перерезал ему путь и взял в плен. Подручники Андрея с войсками разных русских земель сошлись в Вышгороде и в начале марта заложили стан под Киевом, близ Кирилловского монастыря, и, раздвигаясь, окружили весь город. Вообще киевляне никогда и прежде не выдерживали осады и обыкновенно сдавались князьям, приходившим добывать Киев силою. И теперь у них достало выдержки только на три дня. Берендеи и торки, стоявшие за Мстислава Изяславича, склонны были к измене. Когда враги стали сильно напирать в тыл Мстиславу Изяславичу, киевская дружина сказала ему: «Что, князь, стоишь, нам их не пересилишь». Мстислав бежал в Василев, не успевши взять с собою жену и сына. За ним гнались; по нем стреляли. Киев был взят 12 марта, в среду, на второй неделе Великого поста 1169 года, весь разграблен и сожжен в продолжение двух дней. Не было пощады ни старым, ни малым, ни полу, ни возрасту, ни церквам, ни монастырям. Зажгли даже Печерский монастырь. Вывезли из Киева не только частное имущество, но иконы, ризы и колокола. Такое свирепство делается понятным, когда мы вспомним, как за двенадцать лет перед тем киевляне перебили у себя всех суздальцев после смерти Юрия Долгорукова; конечно, между суздальцами были люди, мстившие теперь за своих родственников; что же касается до черниговцев, то у них уже была давняя вражда к Киеву, возраставшая от долгой вражды между Мономаховичами и Ольговичами.

Андрей достиг своей цели. Древний Киев потерял свое вековое старейшинство. Некогда город богатый, заслуживавший от посещавших его иностранцев название второго Константинополя, он уже и прежде постоянно утрачивал свой блеск от междоусобий, а теперь был ограблен, сожжен, ли-

¹ Ссора началась из-за того, что слуги Ростиславичей украли Мстиславовых коней и наложили на них свои клейма. Бояре Бориславичи, Петр и Нестор, уверили Давида, что Мстислав в отпущение за то хочет, зазвавши их на обед, взять под стражу. Через несколько времени Мстислав действительно призвал на обед Давида и Рюрика. Эти князья, возбужденные наговорами бояр, прежде всего потребовали, чтобы Мстислав поцеловал крест, что им не будет ничего дурного. Мстислав обиделся; оскорбилась за него и его дружина. «Не годится тебе крест целовать, — говорили его дружинники, — без нашего ведома тебе нельзя было ни замыслить, ни сделать того, что они говорят, а мы все знаем твою истинную любовь к братьям, ведаем, что ты прав перед Богом и людьми. Пошли им и скажи: я целую вам крест в том, что не мыслил ничего дурного против вас, только вы мне выдайте того, кто на меня клеветает». Обе стороны поцеловали на этом друг друга крест, но Давид потом не исполнил желания Мстислава. «Если я выдам тех, которые мне говорили, — сказал он, — то вперед мне никто ничего не скажет». От этого возникла холодность между Мстиславом и Ростиславичами.

шен значительного числа жителей, перебитых или отведенных в неволю, поруган и посрамлен от других Русских земель, которые как будто мстили ему за прежнее господство над ними. Андрей посадил в нем своего покорного брата Глеба, с намерением и наперед сажать там такого князя, какого ему будет угодно дать Киеву.

Разделавшись с Киевом, Андрей последовательно хотел разделаться и с Новгородом. Те же князья, которые ходили с ним на Киев, с теми же ратями, которые уничтожили древнюю столицу Русской земли, пошли на север с тем, чтобы приготовить ту же судьбу и Новгороду, какая постигла Киев. «Не будем говорить, — рассуждает суздальский летописец, преданный Андрею и его политике, — что новгородцы правы, что они издавна от прародителей князей наших свободны; а если б и так было, то разве прежние князья велели им преступать крестное целование и ругаться над внуками и правнуками их?» Уже в трех церквах новгородских на трех иконах плакала Пресв. Богородица: она предвидела беду, собиравшуюся над Новгородом и его землею; она молила Сына Своего не предавать новгородцев погибели, как Содом и Гоморру, но помиловать их, как ниневитян. Зимой 1170 года явилась грозная рать под Новгородом — суздальцы, смоляне, рязанцы, муромцы и полочане. В течение трех дней они устраивали острог около Новгорода, а на четвертый начали приступ. Новгородцы бились храбро, но потом стали ослабевать. Враги Новгорода, надеясь на победу, заранее в предположениях делили между собою по жребию новгородские улицы, жен и детей новгородских, подобно тому как это сделали с киевлянами; но в ночь со вторника на среду второй недели Великого поста — как гласит предание — новгородский архиепископ Иоанн молился перед образом Спаса и услышал глас от иконы: «Иди на Ильину улицу в церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы и вознеси на забрало (платформу) стены, и она спасет Новгород». На другой день Иоанн с новгородцами вознес икону на стену у Загородного конца между Добрыниной и Прусской улицами. Туча стрел посыпалась на него; икона обратилась назад; из глаз ее потекли слезы и упали на фелонь епископа. На суздальцев нашло одурение: они пришли в беспорядок и стали стрелять друг в друга. Так гласит предание. Князь Роман Мстиславич к вечеру 25 февраля с новгородцами победил суздальцев и их союзников. Современный летописец, рассказывая об этом событии, ничего не говорит об иконе, но приписывает победу «силе честного креста, заступлению Богородицы и молитвам владыки». Враги бежали. Новгородцы наловили так много суздальцев, что продавали их за бесценок (по 2 нагаты)¹. Легенда об избавлении Новгорода имела важное значение на будущие времена, поддерживая нравственную силу Новгорода к борьбе его с суздальскими князьями. Впоследствии она приняла даже общее церковное во всей Руси значение: икона, которой приписывали чудотворное избавление Новгорода от рати Андрея, сделалась под именем Знаменской одною из первоклассных икон Божией Матери, уважаемых всей Русью. Праздник в честь ее был установлен новгородцами 27 ноября; праздник этот и до сих пор соблюдается православною русскою церковью.

Вскоре, однако, вражда простыла, и новгородцы поладили с Андреем. На следующий же год они невзлюбили Романа Мстиславича и прогнали от себя. Тогда был неурожай и сделалась дороговизна в Новгороде. Новгородцам нужно было получать хлеб из Суздальской области, и это было главною причиною скорого мира с Андреем. С его согласия они взяли себе в князья Рюрика Ростиславича, а в 1172 году, прогнав его от себя, выпросили у Андрея сына Юрия. Новгород все-таки остался в выигрыше в том отношении, что

¹ В гривне 20 нагат. По исчислению Карамзина, 6 нагат приблизительно равняются 50 к. Т. II. прим. 79.

Андрей должен был показывать уважение к правам Новгорода и хотя посылал ему князей, но уже не иначе, как на всей воле новгородской.

Несмотря на поражение, нанесенное Киеву, Андрею пришлось еще раз посылать туда войско с целью удержать его в своей власти. Посаженный им князь Глеб умер. С согласия Ростиславичей Киев захватил было дядя их Владимир Дорогобужский, бывший союзник Андрея, но Андрей приказал ему немедленно выехать и объявил, что уступает Киев Роману Ростиславичу, князю кроткого и покорного нрава. «Вы назвали меня своим отцом, — приказал Андрей сказать Ростиславичам, — хочу вам добра и даю Роману, брату вашему, Киев». Через несколько времени Андрей задумал прогнать Романа Ростиславича: был ли он недоволен Ростиславичами, находя, что они зазнаются, или же просто намеревался посадить туда брата, и потому нужно было ему их выгнать, — как бы то ни было, только он придрался к этим князьям, послал к ним своего мечника Михна с требованием выдачи Григория Хотовича и двух других лиц. «Они, — говорил он, — уморили брата моего Глеба; они все нам враги». Ростиславичи, зная, что со стороны Андрея это не более как придирака, не решились выдать людей, которых считали невиновными, и дали им средства спастись. Этого только и нужно было Андрею. Он писал им такое грозное слово: «Если не живете по моей воле, то ты, Рюрик, ступай вон из Киева, а ты, Давид, ступай из Вышегорода, а ты, Мстислав, из Белгорода; остается вам Смоленск: там себе делитесь как знаете». Роман повиновался и уехал в Смоленск. Андрей отдал Киев брату Михаилу, с которым помирился. Михаил остался пока в Торческе, где находился прежде на княжении, и послал в Киев брата своего Всеволода с племянником Ярополком Ростиславичем. Но другие Ростиславичи не были так безгласны, как Роман. Они отправили к Андрею посла с объяснениями; но Андрей не дал ответа. Тогда они ночью вошли в Киев, схватили Всеволода и Ярополка, осадили самого Михаила в Торческе, принудили его отказаться от Киева и довольствоваться Переяславлем, который ему уступили, а сами возвратились в Киев и посадили на киевском столе одного из своей среды: Рюрика Ростиславича. Сам непостоянный, Михаил, которого Андрей прочил в Киев, отступил снова от Андрея и пристал к Ростиславичам, так же как он против Андрея и Ростиславичей уже стоял за Мстислава Изяславича. Андрей, услышавши обо всем этом, сильно разгневался, а тут кстати пришло к нему предложение подать помощь против Ростиславичей: черниговский князь Святослав Всеволодович, помышлявший во время сумятицы овладеть Киевом, подстрекал Андрея на Ростиславичей; заодно с ним были и другие князья Ольговичи. Посол, присланный от имени этих князей, говорил Андрею: «Кто тебе ворог; тот и нам ворог; мы с тобой готовы».

Гордый Андрей призвал своего мечника Михна и сказал: «Поезжай к Ростиславичам, скажи им вот что: вы не поступаете по моей воле; за это ты, Рюрик, ступай в Смоленск к брату в свою отчину, а ты, Давид, ступай в Берлад, не велю тебе быть в Русской земле; а Мстиславу скажи так: ты всему зачинщик: я не велю тебе быть в Русской земле».

Михно передал Ростиславичам поручение своего князя. Всех более не стерпел этой речи Мстислав. «Он, — говорит современник, — от юности своей не привык никого бояться, кроме единого Бога». Он приказал остричь Михну волосы на голове и бороде и сказал: «Ступай к своему князю и передай от нас своему князю вот что. Мы тебя до сих пор считали отцом и любим, ты же прислал к нам такие речи, что считаешь меня не князем, а подручником и простым человеком; делай что замыслил. Бог всему судья!»

Андрей пришел в ярость, когда увидел остриженного Михна и услышал, что сказал Мстислав. Большое ополчение Суздальской земли — ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы и рязанцы, под

главным начальством сына Андрея Юрия и боярина Жидиславича, пошло в путь. Андрей, отправляя их, говорил: «Изгоните Рюрика и Давида из моей отчины, а Мстислава возьмите: ничего ему не делайте и привезите ко мне». К ним пристали новгородцы. Они шли через Смоленскую землю; бедный Роман, видя у себя таких гостей, не мог сопротивляться и должен был, по требованию Андрея, послать с ними своих смольнян. Вся эта сила вступила в Черниговскую землю, и там соединился с нею Святослав Всеволодович с братьями. С другой стороны Андрей подвинул на Киев силы Полоцкой земли: туровских, пинских и городенских князей, подчиненных Полоцку. Михаил Юрьевич отступил от Ростиславичей и вместе со Всеволодом и двумя племянниками поспешил овладеть Киевом. Ростиславичи не препятствовали ему. Рюрик заперся в Белгороде, Мстислав в Вышгороде, а Давида послали в Галич просить помощи у Ярослава (Осмомысла). Все ополчение главным образом напирало на Вышгород, чтобы взять Мстислава, как приказал Андрей. Много было крику, шуму, треску, пыли, мало убитых, но много раненых. 9 недель стояло это ополчение. Двоюродный брат Ростиславичей, Ярослав Изяславич Луцкий, пришедший со всею Волынской землею, искал для себя старейшинства и киевского стола, чего добивался также Святослав Всеволодович черниговский, старейший князь в ополчении. Самого Андрея здесь не было, чтобы решить этот спор своею могучею волею; а все эти князья, сами того не сознавая, только затем и явились под Вышгород, чтобы дать возможность Андрею назначить в Киев такого князя, какого ему будет угодно. Ярослав, не поладивши с Святославом Всеволодовичем, отступился от союзников, передался к Ростиславичам и двинулся к Белгороду, чтобы, соединившись с Рюриком Ростиславичем, ударить на осаждающих. В то же время союзникам угрожало прибытие галичан, по призыву Давида, на помощь Ростиславичам. С своей стороны большая часть союзников не имела ни поводов, ни охоты продолжать упорную войну. Смольняне завлечены были совершенно поневоле. Новгородцы, всегда беспокойные и переменчивые, легко охладели к делу, к которому приступили мимоходом; вероятно, также полочане и другие ополчения из белорусских городов не отличались особенным рвением, так как для них в то время был совершенно безразличен вопрос о том, кому будет принадлежать Киев. Все это вместе было причиною того, что как только союзники увидели, что сила их врагов возрастает, то в стане их сделался переполох, и они ночью, перед рассветом, бежали в таком беспорядке, что многие, переправляясь через Днепр, утонули. Мстислав сделал вылазку, погнался за ними, овладел их обозом и захватил пленных. Эта победа над двадцатью князьями и силами стольких земель прославила Мстислава Ростиславича между своими современниками и дала ему название Храброго. «Так-то, — говорит летописец, — князь Андрей какой был умник во всех делах, а погубил смысл свой невоздержанием: распалился гневом, возгордился и напрасно похвалился; а похвалу и гордость дьявол вселяет в сердце человеку».

Киев был уступлен Ростиславичами Ярославу Луцкому, который, как и следовало ожидать, недолго просидел в нем, и бедная старая столица опять начала переходить из рук в руки. Но судьба ее не зависела уже от воли суздальских князей, как это хотелось Андрею. В следующем году Ростиславичи готовы были помириться с Андреем, если только на киевском престоле сядет брат их Роман. Андрею, конечно, было бы приятнее видеть там покорного себе Романа, чем ненавистную ветвь Изяслава Мстиславича или Ольговичей, родовых врагов Мономахова племени; вероятно, и Ростиславичи имели это в виду, вступивши с Андреем в сношения. Но Андрей медлил решительным ответом. «Подождите немного, — сказал он, — pošлю к братьям своим на Русь». Андрей, как видно, не решил в своем уме, в чью пользу высказать приговор. Неожиданная насильственная смерть пресекла все его планы.

При всем своем уме, хитрости, изворотливости, Андрей не установил ничего прочного в Русских землях. Единственным побуждением всей его деятельности было властолюбие; ему хотелось создать около себя такое положение, в котором бы он мог перемещать князей с места на место, как пешки, посылать их с дружинами туда и сюда, по своему произволу принуждать дружить между собою и ссориться и заставить их всех волею-неволею признавать себя старейшим и первенствующим. Для этой цели он довольно ловко пользовался неопределенными и часто бессмысленными отношениями князей, существовавшей разностью между городами и землями, возбуждал и разжигал страсти партий; в этом случае ему оказывали услуги и новгородские внутренние неурядицы, и неурожаи новгородской земли, и давнее отчуждение полоцкой земли от других Русских земель, и родовая неприязнь Ольговичей и Мономаховичей, и неожиданные вспышки вроде ссоры Ростиславичей со Мстиславом Изяславичем, и более всего те дикие противогражданственные свойства еще неустановившегося общества, при которых люди не умеют согласить личные цели с общественными, и легко можно расшевелить страсти надеждою на взаимный грабёж: все это, однако, были временные средства и потому имели временный характер. Кроме желания лично властвовать над князьями, у Андрея едва ли был какой-нибудь идеал нового порядка для Русских земель. Что же касается до его отношений к собственно Суздальской-Ростовской волости, то он смотрел на нее как будто на особую землю от остальной Руси, но которая, однако, должна властвовать над Русью. Таким образом он заботился о благосостоянии своей земли, старался обогатить ее религиозною святынею и в то же время предал на разорение Киев со всем тем, что было там истари святого для всей Руси. В какой степени оценила его заботы сама Суздальско-Ростовская земля, показывает его смерть.

Властолюбивый князь, изгнавши братьев и тех бояр, которые недостаточно ему повиновались, правил в своей земле самовластно, забывши, что он был избран народом, отягощал народ поборами через своих посадников и тиунов и по произволу казнил смертью всякого, кого хотел. Ужасные варварства, сообщаемые летописями об епископе Феодоре, его любимце, достаточно бросают мрачную тень на эпоху Андреева княжения, если бы даже половина того, что рассказывалось, была правда. Андрей, как видно, час от часу становился более и более жестоким. Он постоянно жил в селе Боголюбове; там постиг его конец. Был у него любимый слуга Яким Кучкович. Князь приказал казнить его брата. Яким стал говорить своим приятелям: «Сегодня того, другого казнил, а завтра казнит и нас: разделаемся-ка с этим князем!» В пятницу, 28 июня 1175 года, собирался совет в доме Кучкова зятя Петра. Было там человек 20 и в числе их ключник Андрея Амбал, родом ясин (ясы — народ кавказского племени: полагают, что это кабардинцы), и еврей Ефрем Моизич. Замечательно (как вообще черта подобных людей), что приближенными Андрея были иноземцы: чувствуя, что свои имеют повод не любить его, он, конечно, думал обезопасить себя этим средством — и ошибся. На совете порешили убить князя в эту же ночь. Андрей, по известию одной летописи, спал один, заперши дверь, а по другим, близ него находился кощей (мальчик). Заговорщики, отправляясь на свое дело, зашли прежде в медушу (погреб), напились для смелости вина и потом направились к ложнице Андрея.

«Господине, господине!» — сказал один, толкаясь в дверь. «Кто там?» — откликнулся Андрей.

«Прокопий», — отвечали ему. Прокопий был верный слуга Андрея.

«Нет, паробче, ты не Прокопий», — ответил, догадавшись, Андрей и бросился искать меча. Был у него меч св. Бориса, которому он приписывал особую силу, но меча при нем не оказалось: Амбал ключник заранее унес его.

Заговорщики выломали дверь и бросились на Андрея. Князь был силен, начал бороться с ними. Впотьмах убийцы ранили одного из своих, но потом, различивши князя, поражали его мечами, саблями и копьями. Думая, что уже покончили с ним, они ушли, но князь, собравши последние силы, выскочил за ними, спустился с лестницы и спрятался под сени. Убийцы услышали его стоны.

«Князь сошел с сеней вниз», — закричал один.

«Посмотрим», — сказали другие и бросились назад в ложницу. Князя там не было.

«Мы погибли, — закричали они, — скорее, скорее ищите его!»

Зажгли поспешно свечи и по следам крови на лестнице нашли князя: он сидел, прижавшись за лестничным столбом, и молился.

Петр Кучкович отсек ему правую руку. Князь успел проговорить: «Господи, в руки твои передаю дух мой!» — и окончил жизнь.

Уже рассветало. Убийцы нашли Прокопия, княжеского любимца, и убили его. Оттуда опять взошли они на сени, набрали золота, драгоценных камней, жемчуга, разного имущества и отправили, взложивши на приготовленных их соумышленниками коней, а сами, надев на себя княжеское вооружение, собрали своих: «Что, — говорили они, — если на нас придет дружина владимирская?» — «Пошлем во Владимир», — порешили злоумышленники.

Они послали к владимирцам, извещали о случившемся и велели сказать: «Если кто из вас что-нибудь помыслит на нас, то мы с теми покончим. Не у нас одних была дума; и ваши есть в одной думе с нами»:

Владимирцы отвечали: «Кто с вами в думе, тот с вами пусть и будет, а наше дело сторона».

Весь дом Андрея был разграблен. Так поступали, сообразно тогдашним обычаям и понятиям. Имущество казненного общему волею все отдавалось на «поток и разграбление». Обнаженное тело князя было выброшено в огород.

Был между слугами князя один киевлянин Кузьмище. Узнавши, что князь убит, он ходил и спрашивал то того, то другого: «Где мой господин?»

Ему отвечали: «Вон там в огороде лежит, да не смей его трогать. Это тебе все говорят; хотим его бросить собакам. А кто приберет его, тот наш враг и того убьем».

Но Кузьмище не испугался угроз, нашел тело князя и начал голосить над ним.

К нему шел Амбал.

«Амбал, враг, — закричал, увидевши его, Кузьмище, — сбрось ковер или что-нибудь — постлать или чем-нибудь прикрыть нашего господина!»

«Прочь, — сказал Амбал, — мы его выбросим псам».

«Ах ты еретик, — воскликнул Кузьмище, — как псы выбросить? А помнишь ли, жид, в каком платье ты пришел сюда? Ты весь в бархате стоишь, а князь лежит голый! Сделай же милость, брось что-нибудь».

Амбал бросил ему ковер и корзно (верхний плащ). Кузьмище обернул ими тело убитого и пошел в церковь.

«Отоприте божницу!» — сказал Кузьмище людям, которых там встретил. Эти люди были уже на радости пьяны. Они отвечали: «Брось его тут в притворе. Вот нашел еще себе печаль с ним!»

Кузьмище положил тело в притворе, покрыв его корзном, и причитывал над ним так:

«Уже, господине, тебя твои паробки не знают, а прежде, бывало, гость придет из Царьграда или из иных сторон Русской земли, а то хоть и латинин, христианин ли, поганый, ты, бывало, скажешь: поведите его в церковь и на полаты, пусть видят все истинное христианство и крестятся; и болгары, и жиды, и всякая погань — все, видевшие славу Божию и церковное украшение, плачут о тебе; а эти не велят тебя в церкви положить».

Тело Андрея лежало два дня и две ночи в притворе. Духовенство не решилось отпереть церковь и совершать над ним панихиды. На третий день пришел игумен монастыря Козьмы и Дамиана, обратился к боголюбским клирошанам и говорил:

«Долго ли нам смотреть на старейших игуменов? Долго ли этому князю так лежать? Отомкните божницу, я отпою его; вложим его в гроб, пусть лежит здесь, пока злоба перестанет: тогда приедут из Владимира и понесут его туда».

По совету его, отперли церковь, положили тело в каменный гроб, пропели над ним панихиду. Этому, как видно, никто уже не мешал. Между тем оказалось, что убийцы совершили поступок, угодный очень многим. Правление Андрея было ненавидимо. Народ, услышавши, что его убили, бросился не на убийц, а напротив, стал продолжать начатое ими. Боголюбцы разграбили весь княжий дом, в котором накоплено было золота, серебра, дорогих одежд, перебили его детских и мечников (посыльных и стражу), досталось и мастерам, которых собирал Андрей, заказывая им работу.

Грабеж происходил и во Владимире, но там одно духовное лицо, по имени Микулица (быть может, тот самый поп Николай, который помог в 1155 году Андрею похитить в Вышгороде икону Богородицы), в ризах прошел по городу с чудотворною иконою; это произвело такое впечатление, что волнение улеглось. Весть об убиении Андрея скоро разошлась по земле: везде народ волновался, нападал на княжеских посадников и тиунов, которые всем омерзели способами своего управления; их дома ограбили, а иных и убили.

Не ранее как через шесть дней после смерти князя, владимирцы, как бы опомнившись, порешили привезти тело убитого. 5 июля они отправили игумена Богородицкого монастыря Феодула с деместником (уставщиком) Лукою и с носильщиками за телом в Боголюбово, а Микулице сказали: собери всех попов, облачитесь в ризы, станьте с образом Богородицы перед Серебряными воротами и ждите князя! — Серебряными воротами назывались те ворота города, которые выходили на дорогу в Боголюбово; — с противоположной стороны были Золотые ворота.

Народная толпа вышла из города. Когда похоронное шествие стало приближаться, показалось княжеское знамя, послышалось погребальное пение, тогда злоба уступила место печали; вспомнили, что за умершим были не одни дурные дела, но были и добрые, вспомнили его усердие к храмам и оплакивали князя.

Его погребли в церкви Богородицы. Несомненно, что ненависть к Андрею не была делом одной незначительной партии, но была разделяема народом. Иначе нельзя объяснить того обстоятельства, что тело князя оставалось непогребенным целую неделю, и народ, услышавши о насильственной смерти своего князя, обратился не на убийц его, а на его доверенных и слуг. Но, с другой стороны, если поступки этого князя, руководимого безмерным властолюбием, возбудили к себе злобу народа, то все-таки его деятельность в своем основании согласовалась с духом и характером той земли, которой он был правителем. Это всего яснее можно видеть из последующих событий и всей истории Ростовско-Суздальского края до самого татарского нашествия.

Ростовцы и суздальцы, в особенности первые, были недовольны Андреем за предпочтение, оказываемое городу Владимиру, и чувство досады тотчас прорвалось после смерти Андрея. Первые пригласили племянников Андрея, Ростиславичей, которые, не смея явиться во владениях дяди, проживали в Рязанской земле; а владимирцы пригласили брата Андреева Михаила, проживавшего в Чернигове. Дошло было дело до междоусобия; ростовцы взяли верх, принудили владимирцев принять одного из Ростиславичей, Ярополка, и отзывались о владимирцах так: «Они наши холопы и каменщики: мы их город сожжем или посадника в нем от себя посадим». Но посаженные князья Рос-

тиславичи, угождая одним ростовцам, вооружили против себя несправедливыми поборами и владимирцев, и всю землю. «Мы вольные князья принимаем к себе», — говорили владимирцы. По этой причине, когда владимирцы прогнали от себя Ярополка Ростиславича и снова пригласили к себе Михаила, то вся земля была на стороне города Владимира. Михаил вскоре умер, и владимирцы на вече выбрали меньшего сына Юрия Долгорукого Всеволода (крестное имя его было Димитрий). Ростовцы попытались подняться против него с Ростиславичами, но неудачно. За Ростиславичей пошел против Всеволода рязанский князь Глеб, однако был разбит наголову и взят в плен вместе с Ростиславичами и ростовскими боярами, которые их поддерживали. Глеб умер в тюрьме. Озлобление владимирцев против Ростиславичей было так велико, что они покусились было ослепить их против воли Всеволода. Причина этого озлобления объясняется тем, что Ростиславичи, вместе с рязанцами, навели на землю половцев. С тех пор волнения надолго утихают в Ростовско-Суздальской земле. По всему видно, что и в Ростове партия, ненавидевшая город Владимир, искавшая власти и первенства над всею землею, состояла главным образом из бояр, которые не могли приобрести любви всего народа и увлечь его за собою. В самом Ростове жители вязали бояр и отдавали их Всеволоду. После того как с поражением рязанцев рассеяна была партия ростовских бояр, враждебная Всеволоду, Ростов оставался спокоен. Всеволод княжил долго (до 1212 года) и во многом продолжал политику Андрея, хотя поступал с гораздо большею умеренностью и мягкостью. В Ростовско-Суздальской земле он был вообще любим народом. По отношению к Новгороду он пользовался всеми обстоятельствами, чтобы поддерживать свое первенство и влияние над ним. Но он уступал новгородцам в случае крайнего упорства с их стороны и всегда показывал вид, что уважает новгородскую волю. Замечательно при этом, что Всеволод в делах с Новгородом должен был прибегать к крутым мерам не по личному побуждению, а по желанию дружины. Таким образом, когда он, не поладивши с новгородцами, осадил Торжок и уже готов был отступить и помириться, дружина кричала: «Князь, мы не целоваться с ними пришли», — и Торжок был взят и сожжен. По многим чертам видно, что мысль о подчинении Новгорода была мыслью всей Ростовско-Суздальской земли, а не одних князей ее, и оттого-то впоследствии новгородцы с таким озлоблением воевали не с одними князьями, а вообще с суздальцами и ненавидели их даже тогда, когда ладили с их князьями. С другой стороны, Всеволод поддерживал первенство над рязанскими князьями, а в 1208 году, воспользовавшись безурядицей в рязанской земле, посадил там сына своего Ярослава. Но так как разом с этим князем наводнили Рязанскую землю суздальцы и взяли в свои руки все управление, то рязанцы, которые сами прежде выдали Всеволоду своих князей и добровольно выбрали Ярослава, вышли из терпения, подняв всю землю, заковали суздальцев и засадили в погреба, где многие задохлись. Поэтому Всеволод не в состоянии был удержать Рязанской земли за собою.

Князь Всеволод пользовался уважением и в Южной Руси, мирил между собою ссорившихся южнорусских князей, и даже в отдаленном Галиче один князь отдавался ему под покровительство. По смерти Всеволода произошло короткое междоусобие, возбужденное главным образом новгородцами. Но в 1219 году, по смерти старшего сына Всеволода, Константина, посажен был во Владимире на княжение второй сын его, Юрий, и Ростовско-Суздальская земля до самого татарского нашествия была избавлена от княжеских междоусобий. Достоинно замечания, что в этой земле княжило разом несколько князей, братьев и племянников Юрия, но все они действовали заодно. Все они управляли в согласии с народом, и самая власть их зависела от народа. Таким образом, когда Всеволод распределил уделы между своими сыновьями и

Ярославу отдал Переяславль-Залесский, то Ярослав, приехавши в этот город и созвавши народ в соборной церкви Спаса, сказал: «Братья переяславцы! Отец мой отошел к Богу, вас отдал мне, а меня отдал вам на руки. Скажите, братья, желаете ли иметь меня своим князем?» Переяславцы отвечали: «Очень хотим, пусть так будет. Ты наш господин». И все целовали ему крест.

Это был период благосостояния Восточной Руси. Земля населялась; строились церкви и монастыри; искусство поднялось до такой степени, что русские не нуждались более в иностранных мастерах: у них были свои зодчие и иконописцы. Вместе с тем распространялось там и книжное просвещение. Ростовский владыка Кирилл составил книгохранилище; под его руководством переводились с греческого и переписывались разные сочинения, принадлежавшие духовной литературе. Несколько рукописей, уцелевших от этой эпохи, показывают, что искусство переписывания доходило до значительного изящества. Княжна черниговская Евфросинья, дочь Михаила Всеволодовича, завела в Суздале училище для девиц, где учила грамоте, письму и церковному пению. Правда, книжная образованность была односторонняя и вела к монастырской жизни, а потому вращалась только в избранном кругу духовных, мало проникала в народную массу, не обнимала жизненных потребностей, но при всем этом нельзя не заметить, что Ростовско-Суздальская земля и с этими бедными начатками просвещения стояла тогда выше южных земель, где прежде появившиеся зачатки всякой умелости погибали от внутренних неурядиц и половецких разорений. Время Юрия было также периодом значительного расширения Руси на северо-востоке. На месте соединения рек: Сухони и Юга, построен был город Устюг, вскоре получивший важное торговое значение. Камские болгары было завладели им, но Юрий разбил их, заставил заключить мир, отпустить всех пленников, дать заложников и утвердить мир клятвою. С другой стороны русские двигались по Волге, вошли в землю Мордовскую и при слиянии Оки с Волгою основали Нижний Новгород. Управляемая многими князьками, мордва не в силах была устоять против натиска русского племени; тогда как одни мордовские князьки искали помощи болгар против русских, другие, захваченные врасплох, отдавались русским князьям в подручники и назывались «ротниками» (потому что произносили «роту», т.е. присягу). Так, в 1228 году князья двух мордовских племен Мокши и Эрзи, Пуреша и Пургас, отчаянно воевали между собою. Пуреша сделался ротником князя Юрия и прислал у него помощи против своего соперника, а Пургас приглашал к себе на помощь против Пуреша болгарского князя, но болгарский князь не успел ничего сделать, а русские вошли в землю Пургаса Эрзю (называемая в летописи Русь Пургасова), опустошили ее и загнали мордву в неприступные дремучие леса. В 1230 году Пургас покусился было на Нижний Новгород, но был отбит, а сын Пуреша напал на него с половцами и вконец опустошил его волость. Эти события сильно способствовали русской колонизации на востоке. Инородцы покидали свои прежние жилища, бежали на юг или удалялись за Волгу, а остатки их, удерживаясь в прежней земле, принимали крещение и скоро переделывались в русских. Восточнорусская народная стихия, расширяясь далее на восток, вместе с тем принимала в себя иноплеменную кровь и, таким образом, сохраняя основание славянской народности, являлась все более и более смешанною с другими. Так развивался и устанавливался тип великорусского народа.

ЧАСТЬ II
ГОСПОДСТВО ДОМА РОМАНОВЫХ
ДО ВСТУПЛЕНИЯ НА ПРЕСТОЛ
ЕКАТЕРИНЫ II

I ЦАРЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

Мало в истории найдется примеров, когда бы новый государь вступил на престол при таких крайне печальных обстоятельствах, при каких избран был шестнадцатилетний Михаил Федорович. С двумя государствами: Польшей и Швецией, не окончена была война. Оба эти государства владели окраинами московской державы и выставляли двух претендентов на московский престол — двух соперников новоизбранному царю. Третьего соперника ему провозглашала казацкая вольница в Астрахани в особе малолетнего сына Марины, и Заруцкий во имя его затевал двинуть турок и татар на окончательное разорение Московского Государства. Ожидали было еще соперника царю и в габсбургском доме. В 1612 году цезарский посланник Юсуф, проезжая через Московское Государство из Персии, виделся в Ярославле с Пожарским, и, услышавши от него жалобы на бедственное состояние Московского Государства, заметил, что хорошо было бы, если бы московские люди пожелали избрать на престол цезарского брата Максимилиана. На это Пожарский, как говорят, отвечал, что если бы цезарь дал на Московское Государство своего брата, то московские люди приняли бы его с великою радостью. Об этом узнали в Германии; император прислал Пожарскому похвальное слово; но Максимилиан, отговариваясь старостью, отказывался от русского престола. Императорский посланник прибыл в Москву с грамотою к боярам в то время, как уже избран был Михаил, и предлагал боярам в цари другого императорского брата. Это встревожило новое правительство, и царь отправил послов в Австрию с таким объяснением: мы никогда этого не слыхали, да и в мысли у бояр и воевод и всяких чинов людей Московского Государства не было, чтобы выбирать государя не греческой веры. Если Пожарский так говорил, то он поступал без совета всей Земли, а быть может, ваш посланник Юсуф или переводчик сами это выдумали, чтобы выманить жалованье у своего государя¹.

Внутри государства многие города были сожжены дотла, и самая Москва находилась в развалинах. Повсюду бродили шайки под названием казаков, грабили, сожигали жилища, убивали и мучили жителей. Внутренние области сильно обезлюдели. Поселяне еще в прошлом году не могли убрать хлеба и умирали от голода. Повсюду господствовала крайняя нищета; в казне не было денег, и трудно было собрать их с разоренных подданных. Одна беда вела за собою другие, но самая величайшая беда состояла в том, что московские люди, по меткому выражению матери царя, «измалодушествовались».

¹ Важных последствий из этого не было никаких, но тем не менее до 1616 года отношения к императору были холодные, в особенности по причине неумения русских послов вести себя прилично, и только в этом году император приказал уверить московского государя, что он не будет помогать польскому королю войском и деньгами и не дозволит полякам нанимать ратных людей в своих владениях.

Всякий думал только о себе; мало было чувства чести и законности. Все лица, которым поверялось управление и правосудие, были склонны для своих выгод грабить и утеснять подчиненных не лучше казаков, наживаясь на счет крови бедного народа, вытягивать из него последние соки, зажимать общественное достояние в то время, когда необходимо было для спасения отечества крайнее самопожертвование. Молодого царя тотчас окружили лживые и корыстолюбивые люди, которые старались захватить себе как можно более земель и присваивали даже государевы дворцовые села. В особенности родственники его матери, Салтыковы, стали играть тогда первую роль и сделались первыми советниками царя, между тем как лучшие, наиболее честные деятели Смутного времени, оставались в тени зауряд с другими. Князь Дмитрий Пожарский, за нежелание объявлять боярство новопоявленному боярину Борису Салтыкову, выдан был ему головою¹. Близ молодого царя не было людей, отличавшихся умом и энергией: все только одна рядовая посредственность. Прежняя печальная история русского общества приносила горькие плоды. Мучительства Ивана Грозного, коварное правление Бориса, наконец, смуты и полное расстройство всех государственных связей выработали поколение жалкое, мелкое, поколение тупых и узких людей, которые мало способны были стать выше повседневных интересов. При новом шестнадцатилетнем царе не явилось ни Сильвестра, ни Адашева прежних времен. Сам Михаил был от природы доброго, но, кажется, меланхолического нрава, не одарен блестящими способностями, но не лишен ума; зато не получил никакого воспитания и, как говорят, вступивши на престол, едва умел читать.

В высшей степени знаменательно суждение одного голландца о тогдешнем состоянии России: «Царь их подобен солнцу, которого часть покрыта облаками, так что земля московская не может получить ни теплоты, ни света... Все приближенные царя — несведущие юноши; ловкие и деловые приказные — алчные волки; все без различия грабят и разоряют народ. Никто не доводит правды до царя; к царю нет доступа без больших издержек; прошения нельзя подать в приказ без огромных денег, и тогда еще неизвестно, чем кончится дело: будет ли оно задержано или пущено в ход». Смутное время, однако, сделало большую перемену в строе государственного правления против прежних времен: оно выдвинуло значение собора всей Земли Русской. В половине XVII века русский эмигрант Котошихин писал, что царя Михаила Федоровича, как и всех царей после Грозного, выбрали с записью, в которой избранный государь обзывался никого без суда не казнить и все дела делать сообща с боярами и думными людьми. Такой записи не сохранилось, и нет основания предполагать, что она существовала; но на деле происходило действительно так, как бы и на самом деле существовала эта записка; во все свое царствование, а в первых годах в особенности, царь Михаил Федорович в важных делах собирал земскую думу из выборных всей Земли и вообще во всех делах действовал заодно с боярским приговором, как и значится в законодательных актах того времени. Это объясняется новостью династии и тем, что Михаил был посажен на царство волею Собора; при смутных обстоятельствах он должен был, для собственной безопасно-

¹ Обычай этот соблюдался таким образом: по царскому приказанию дьяк или подьячий вел «выдаваемого головою» пешком (что уже составляло бесчестие) во двор соперника, ставил его на нижнем крыльце и объявлял, что царь выдает такого-то головой. Пожалованный бил царю челом за милость и дарил дьяка или подьячего подарками, а выданного себе головою отпускал домой, но не позволяя ему садиться на лошадь у себя на дворе. Выданный головою обыкновенно при этом ругался всеми способами, и пожалованный не обращал на то никакого внимания. Иногда же царь за послушание, кроме выдачи головою, приказывал наказывать виновного батогами.

сти, опираться на волю Земли. Такое участие земской силы в правлении не могло обратиться во что-нибудь прочное, как по грубости нравов и невежеству, не давшему народу достигнуть ясного сознания разделения властей, так еще более по причине того «малодушества», которое тогда господствовало в народе, особенно в высших его слоях. До какой степени были грубы в то время нравы, показывает то, что близкие к царю люди почти на глазах его ругались и дрались между собою и не смущались тем, когда их били по щекам или батогами¹. Участие земских соборов в правлении не могло остановить лихоимства, неправосудия и всякого рода насилий, дозволяемых себе воеводами и вообще начальными людьми, потому что как бы их ни смещали, кем бы их ни заменяли, все-таки неизбежно происходили одни и те же явления, коренившиеся во всеобщей порче нравов. Поэтому-то Масса, голландец, чужой человек, наблюдавший и близко знавший русскую жизнь, говоря о начале царствования Михаила, выразился так: «Надеюсь, что Бог откроет глаза юному царю, как то было с прежним царем Иваном Васильевичем; ибо такой царь нужен России, иначе она пропадет; народ этот благоденствует только под дланью владыки и только в рабстве он богат и счастлив». Суждение голландца довольно поверхностно: иностранец не вник в то обстоятельство, что эпоха Ивана Грозного способствовала тому состоянию общественной нравственности, какое он видел в России; но какими бы путями ни дошла Русь до тогдашнего состояния нравственности, приговор этот, высказанный свободным гражданином республики о необходимости сурового самодержавия для русского народа, очень знаменателен. Иностранцам, жившим в России, оно было по сердцу, потому что при безусловной силе верховного правительства им легче было добывать себе такие привилегии, каких бы им не дал никакой собор, составленный, между прочим, из лиц торговых и промышленных, чувствовавших на себе невыгоду льгот и преимуществ, даваемых иностранцам перед русскими. По уверению того же голландца, молодой Михаил Федорович сознавал свое положение. Когда ему доложили об одном господине, которого следовало наказать за важный учиненный им проступок, то царь ответил: «Вы разве не знаете, что наши московские медведи в первый год на зверя не нападают, а начинают только охотиться с летам».

Первую заботу нового правительства был сбор казны. Это было естественно, потому что как только новый царь вступил на престол, так к нему обратились всяких чинов служилые люди, представляли, что они проливали кровь свою за Московское Государство, терпели всякую нужду и страдания, а между тем их поместья и вотчины запустели, разорены, не дают никаких доходов; недостает им ни платья, ни вооружения. Они просили денег, хлеба, соли, сукон и без обиняков прибавляли, что если им царского денежного и хлебного жалованья не будет, то они от бедности станут грабить, воровать, разбивать проезжих по дорогам, убивать людей, и не будет никакой возможности их унять. Царь и собор разослали повсюду грамоты, приказывали собирать скорее и точнее подати и всякие доходы, следуемые в казну, сверх того умоляли всех людей в городах, монастырях давать в казну взаймы все, кто что может дать: денег, хлеба, сукон и всяких запасов. Приводилось в худой пример то, что московские гости и торговые люди в прошлые годы пожалели дать ратным людям денег на жалованье и через то потерпели страшное разорение от поляков. Такие грамоты посылались преимущественно в

¹ Так, например, одного, по имени Леонтьева, за жалобу на князя Гагарина думный дяк бил по щекам, а другого, Чихачева, за жалобу на князя Шаховского, бояре приговорили высечь кнутом, но думный дяк Луговский и боярин Иван Никитич Романов сами собственноручно тут же во дворе отколотили его палками.

северо-восточный край, менее других пострадавший, и в особенности к богатым Строгоновым, оказавшим важное пособие Пожарскому и Минину.

То, что поступало в казну, оказывалось недостаточным. А между тем нужно было много чрезвычайных усилий для поддержания порядка и ограждения государства, которого части с трудом подчинялись единству власти. В Казани, некто Никанор Шульгин затевал, при помощи казаков, возмутить поволжский край; ему это не удалось; казанцы остались верны Михаилу; Шульгин был схвачен и сослан в Сибирь, где и умер. Но понадобилось несколько лет, чтобы расправиться с Заруцким и с буйными казацкими шайками, бродившими по России. В 1614 году правительством снова просило денег и должно было бороться со всякого рода сопротиствлением. Дворяне и дети боярские бегали со службы; их принуждены были ловить и в наказание отбирать треть имущества на государя. Иные приставали к казакам. Посадские люди не платили положенных на них податей по 175 руб. с сохи и других поборов, тем более, что сборщики и воеводы наблюдали при этом свои противозаконные выгоды¹. Но в то время, когда тяглых, посадских и волостных людей доводили до ожесточения сборами и правезами, монастыри один за другим выпрашивали для себя и своих имений льготы, жаловались на разорение и действовали в этом случае через посредство богомольной матери государя, которая тогда записывала им и вотчины².

Так, 1614—1615 годы проходили в усиленной борьбе с внутренним неустойством. На юго-востоке в июне 1614 года порешили с Заруцким. Но множество других казацких шаек продолжали разорять государство почти во всех его пределах. В осташковском уезде бесчинствовали черкасы и литовские люди под начальством Захария Заруцкого, в Пусторжеве — под начальством полковника Яська; в уездах: ярославском, бежецком, кашинском, пошехонском, белозерском, углицком, свирепствовала огромная шайка, состоявшая из казаков и русских воров, преимущественно боярских холопей. Между атаманами отличался особенным зверством Баловень; разбойники его шайки не только грабили где что могли и не давали правительственным сборщикам собирать денег и хлебных запасов в казну, но с необыкновенною свирепостью мучили людей. У них было обычно забавою насыпать порох людям в уши, рот и т.п. и зажигать. Шайка, состоявшая также наполювину из черкас, литовских людей и русских воров, в числе более 7000 чел., разбойничала на севере около Холмогор, Архангельска, на Ваге, около Каргополя, и, наконец, была истреблена в заонежских погостах и близ Олонца. Однако эта шайка оставила по себе печальные следы: во всем крае по р. Онеге и Ваге, как доносили царю воеводы, осквернены были Божьи церкви, выбит скот, сожжены деревни; на Онеге нашли 2325 трупов замученных людей и некому было похоронить их; другие найдены были еще дышащими, но страшно искалеченными; многие, разбежавшись по лесам, погибли от холода и голода, а после усмирения разбойников жителям нечего было есть. В Вологде буйствовал сибирский царевич Араслан, грабил у жителей запасы и вешал людей вверх ногами. Были тогда разбойничьи шайки и около Перми. В Казанском крае по усмирении Шульгина поднялись татары

¹ Так, в Белозерске посадские люди не давали собирать положенную на них дань, и когда воеводы по обычаю поставили их за то на правез, то они ударили в набат и чуть не побили воевод и сборщиков. То же делалось и в других местах. В отдаленной Чердыни жители не хотели давать ратного сбора и прибили присланного за этим делом князя Шаховского.

² Таким образом в Белозерском уезде вымучивали подати с тяглых крестьян, а вотчины Кирилло-Белозерского монастыря были изъяты от них. Такую же свободу получили тогда все вотчины Волоколамского монастыря. Иным монастырям в это время всеобщей нужды и безденежья давались права на беспощинную торговлю солью и другими предметами.

и черемисы, брали в плен и убивали русских людей, захватили дорогу между Казанью и Нижним и покушались даже нападать на города. Другие разбойники, также называвшие себя казаками, бродили и бесчинствовали в украинских городах¹. Напрасно правительство предписывало воеводам строить засеки, собирать ратных людей, вооружать жителей и всеми мерами ловить и истреблять разбойников; разбойников стало очень много; они нападали внезапно: пограбят, пожгут, перемучат людей в одном месте и исчезают, чтобы появиться в другом; ратные люди, прибывшие в то место, где, по слухам, объявились воры, заставляли там пепелища да обезображенные трупы людей, а о ворах уже шли слухи из других мест.

Для прекращения бед в сентябре 1614 года Земский собор постановил послать к ворам: духовных, бояр и всякого чина людей, уговоривать их прекратить свои бесчинства и идти на царскую службу против шведов. Всем объявлялось прощение. Обещали давать им на службе жалованье, а крепостным людям, которые отстанут от воровства, обещана была свобода. Часть воров поддалась увещаниям и отправилась к Тихвину на царскую службу против шведов; другие упорствовали и пошли вниз по Волге, но были наголову разбиты в балахонском уезде боярином Лыковым; трети, с которыми был сам Баловень, двинулись к Москве, в огромном количестве, под видом, как будто идут просить прощения у государя, но на самом деле оказалось, что у них были коварные намерения. Их отогнали от Симонова монастыря, преследовали и окончательно разбили на реке Луже. Более 3000 пленных приведено было в Москву. Простым казакам объявили прощение; Баловня с несколькими товарищами, особенно отличавшимися злодеяниями, повесили; других атаманов разослали по тюрьмам. Этот успех ослабил разбой, но не искоренил их. По разным местам продолжали появляться отдельно разбойничьи шайки, чему способствовало то, что правительство пыталось возвращать на прежние места жителей, которые в Смутное время вышли с этих мест².

Между тем, в Северной стране начал свирепствовать Лисовский с несколькими тысячами разного сброда, носившими общее название «лисовчиков». Быстрога, с которою в продолжение 1615 года прогуливался Лисовский по обширному пространству Московского Государства, изумительна. Сначала Пожарский гонялся за ним в Северной земле. Лисовский, не успевши ничего сделать Пожарскому под Орлом, отступил к Кромам; Пожарский — за ним, Лисовский — к Болхову потом к Белеву, к Лихвину и Перемышлю. Лисовский имел обыкновение оставлять утомленных лошадей, брал свежих и бросался с неимоверною быстрою туда, где не ожидали его, а на пути все истреблял, что попадалось. Пожарский, утомившись погонею, заболел в Калуге. Лисовский со своею шайкой проскочил на север между Вязьмой и Смоленском, напал на Ржев, перебил на посаде людей и, не взявши города, повернул к Кашину и Угличу, а потом, прорвавшись между Ярославлем и Костромою, начал разорять окрестности Суздаля: оттуда прошел в Рязанскую землю, наделал там разорений; из Рязанской земли прошел между Тулою и Серпуховым в алексинский уезд. Воеводы по царскому приказанию гонялись за ним с разных сторон и не могли догнать; только

¹ Замечательно, что за многими из разбойничьих шаек следовала толпа жен венчаных и невенчаных.

² Таким образом велено было отыскивать разных тяглых людей, приписанных к Москве и другим городам; то же возобновлялось и о вотчинных крестьянах: в этот год двумя грамотами велено было возвращать на прежнее место жительства троицких крестьян, выбывших с 1605 года. Крестьяне сопротивлялись, не хотели возвращаться, а иногда и землевладельцы, к которым они приставали, не отпускали их. Такие-то, сбежавшие с прежних мест, не желая подвергаться тяглу, наполняли разбойничьи шайки.

князь Куракин вступил с ним в бой под Алексиным, но не причинил ему большого вреда. Наконец, Лисовский, наделавши Московскому Государству много, бед, ушел в Литву. На следующий 1616 год Лисовский снова появился в Северной земле, но нечаянно упал с лошади и лишился жизни. Его шайка избирала других предводителей и долго еще существовала под старым именем «лисовчиков», производя бесчинства не только в Московской, но впоследствии и в своей Польской земле.

Таким образом, Русская земля, пострадавшая и обедневшая в Смутное время, потеряла новое разорение от разбойников и Лисовского, а между тем угрожающее положение со стороны Швеции и Польши требовало увеличения ратных сил и, вследствие этого, умножения денежных средств. Сделаны были распоряжения о новых поборах. Строгоновы обещали давать деньги в казну, и с их прикащиков велено было взять 13 810 рублей. Положено было брать во всех городах со двора по гривне, а с уездов всех волостей — с сохи по 120 рублей; но когда дело дошло до сбора, то в разных местах опять началось сопротивление. Воеводы должны были употреблять на послушников ратных людей, в то же время сами воеводы, сборщики и разные приказные люди, приезжавшие для царских дел, брали прежде всего с народа на себя то, чего им не следовало брать — лишнее, отягощали жителей кормами (сбором продовольствия) в свою пользу, а потом уже правили с нищих посадских и крестьян государственные подати: многих забывали и замучивали до смерти на полях и доносили в Москву, что нечего брать. Посадские из городов посылали челобитчиков жаловаться на утеснения в Москву, но это стоило также лишних денег. В Москве, в приказах, с челобитчиков брали взятки; да и сами челобитчики, приезжавшие в столицу от своих обществ, присваивали себе порученные им мирские деньги. Тогда правительство думало усилить свои доходы продажей напитков, приказывало везде строить кабаки, курить вино, запрещало служилым и посадским держать напитки для продажи; и это средство не могло принести много пользы: для того, чтоб пить, нужен был достаток; те же, которые пропивали последний деньгу, могли доставить только ничтожный доход казне и зато менее были в состоянии платить прямые налоги. Эти сборы были недостаточны, а служилым надобно было платить; и дети боярские, вытребованные на службу, роптали, что не получают жалованья, и разбегались. В это время правительство старалось умножить и усилить в войске отдел стрельцов, как более организованное войско; на них тогда полагались все надежды, и потому по городам приказано было набирать в стрельцы охочих вольных людей, умеющих стрелять. Состоя под управлением своих голов, стрельцы пользовались правом собственного суда, кроме разбойных дел.

Правительство, не в силах будучи сладить с поборами, созвало в 1616 году Земский собор. Приказано было выбрать лучших уездных посадских и волостных людей для «великого государева земского дела на совет». Этот собор постановил всемирный приговор: собрать со всех торговых людей пятую деньгу с имущества, непременно деньгами, а не товарами, а с уездов по 120 рублей с сохи. Со Строгоновых, по расчету, приходилось взять 16 000 рублей, но, кроме того, собор наложил на них еще 40 000. «Не пожалейте своих животов, — писал к Строгоновым царь, — хоть и себя приведете в скудость. Рассудите сами: если от польских и литовских людей будет конечное разорение российскому государству, нашей истинной вере, то в те поры и у вас, и у всех православных христиан, животов и домов совсем не будет».

Нужно было так или иначе покончить со шведами. Новгород оставался в их руках. Вместе с Новгородом захвачена была водская пятина, города Корела (Кексгольм), Иван-город, Ям, Копорье, Ладога, Порхов, Старая Руся. Шведы поставили везде своих воевод, но, вместе с шведскими, были и рус-

ские начальники. Избрание Михаила поставило новгородцев в затруднительное положение относительно шведов: волей-неволей они присягали на верность королевичу Филиппу с тем, что он будет царем всей Руси; но теперь в Москве избран другой царь, и шведский наместник, Эверт Горн, заступивший место Делагарди, объявил новгородцам, что так как Москва не хочет королевича Филиппа, то королевич не желает быть на одном государстве новгородском; по этой причине, Новгород, с своей землей, должен присоединиться к Шведскому королевству. Новгородцы не были согласны на присоединение к Швеции; и, спрошенные через своих пятиконецких старост, они упирались, отвиливали, говорили, что, давши раз присягу королевичу Филиппу, желают оставаться верны своей присяге. Некто князь Никифор Мещерский возбуждал тогда новгородский народ ни за что не присягать шведскому королю, не соглашаться на присоединение Новгорода к Швеции и ни в каком случае не отлучать его от Московского Государства. Шведы за это засадили под стражу Мещерского. Народ не успокаивался, не давал требуемого согласия на присоединение к Швеции, и, наконец, митрополит Исидор попросил у шведского наместника дозволения отправить в Москву посольство для убеждения бояр признать царем королевича Филиппа. Шведы согласились. Послом от Новгорода поехал хутынский архимандрит Киприан, который прежде участвовал в посольстве новгородцев к шведам в Выборг и казался расположенным к Швеции; с ним поехали двое дворян¹. Вместо того, чтоб уговаривать бояр отступить от Михаила (что было слишком опасно для посланных), новгородские послы били челом боярам, чтоб царь Михаил Федорович простил новгородцам невольное целование креста и заступился за Новгород, который ни за что не хочет отрываться от русской державы. Царь допустил новгородских послов к себе, обласкал и приказал дать им две грамоты: одну от бояр, явную, с суровым выговором всем новгородцам за то, что они отправили к ним посольство с советом изменить царю, а другую, тайную — от царя; в ней царь Михаил Федорович прощал новгородцам все их вины и обнадеживал своей милостью. Царскую грамоту стали раздавать в списках тайком между новгородцами для поддержания упорства, но в Москве нашелся изменник, благоприятель шведов — думный дьяк Третьяков: он написал об этой тайной грамоте шведскому наместнику. Тогда Эверт Горн посадил под стражу ездивших послов и принял ся за Киприана: его мучили на правее, морили голодом и морозом.

Военные попытки против шведов были неудачны для русских. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, подобравши с собой казаков, обещавшихся верно служить царю, потерпел поражение. Но сам шведский король не был намерен добиваться слишком многого. Завязываться в долговременную и упорную войну было опасно для Швеции, так как она находилась тогда в неприязненных отношениях и с Польшей и с Данией; самое обладание Новгородом представляло для Швеции более затруднений и хлопот, чем пользы. Новгородцы не хотели добровольно быть под шведским владычеством; Швеции надобно было держать их насильно, и через то находиться во всегдашних неприязненных отношениях к Москве: понятно, что тогда Новгород, ненавидя шведское правление, будет постоянно обращаться к Москве и вооружать ее против Швеции. Густав Адольф хотел только воспользоваться запутанным состоянием Московского Государства, чтоб отнять у него море и тем обессилить опасного для Швеции на будущее время соседа. Он обратился к английскому королю, Иакову I, с просьбой принять посредничество в споре с Московским Государством. К тому же Иакову еще прежде, в 1613 г., послал новоизбранный царь, Михаил Федорович, дворянина Алек-

¹ Яков Бабарыкин и Матвей Муравьев.

сея Зюзина, с просьбой заступиться за Московское Государство против шведов и снабдить его оружием, запасами и деньгами тысяч на сто рублей¹. Англия намеревалась добиться от России новых торговых выгод, и потому для нее был большой расчет оказать России услугу, чтобы иметь право требовать возмездия. Английский король обещал прислать уполномоченного с тем, чтобы примирить русского царя с шведским королем. В 1614 году с такою же целью отправлены были московские послы, Ушаков и Заборовский, в Голландию. Эти послы были так бедны, что в Голландии принуждены были дать им 1000 гульденов на содержание. Голландские штаты также обещали свое посредничество в деле примирения России с Швецией. Голландцы надеялись через это получить ущерб англичанам, с которыми они находились тогда в сильном соперничестве.

В Москву приехал от английского короля, в качестве посредника, Джон Мерик, известный русским купец, пожалованный английским королем в рыцари. Со стороны голландцев прибыл в Россию Николай Ван-Бредероде с товарищами.

При посредстве этих послов состоялось совещание между русскими и шведами в селе Дедерине. Со стороны русских были: окольный князь Даниил Мезецкий и дворянин Алексей Зюзин с товарищами. Со стороны шведов — Яков Делагарди, Генрих Горн и другие. Шведский король осаждал Псков, но неудачно и, потерявши Эверта Горна, отступил от города.

Голландские посланники в своих донесениях оставили любопытные черты тогдашнего бедственного состояния России. Край был сильно обезлюден. Иностранцы должны были ехать зимой по пустыне, где встречались разоренные деревни; в избах валялись непогребенные мертвые тела. Волки и другие хищные звери бродили стаями. В лесах скрывались казаки и «шиши». Они вели партизанскую войну со шведами и убивали всякого шведского воина, которого случалось им схватить на дороге, если он был отправлен с каким-нибудь поручением от своего начальства. Старая Руса представляла кучу развалин каменных церквей и монастырей. Город, прежде многолюдный, в это время опустел до того, что в нем оставалось не более 100 чел., едва имевших насущный хлеб. Вся окрестность была опустошена, нигде было найти продовольствия, и оно доставлялось послам с большим трудом из отдаленных мест. Шведские и русские послы поместились в отдельных селах, и съезжались на переговоры в Дедерино к английскому послу. Совещания происходили в шатре, разбитом среди поля на снегу, потому что нельзя было найти для этого довольно просторной избы. Сначала русские упрекали Делагарди за прежнее его поведение. Тот защищался и сваливал вину на русских. Наконец, приступили к делу. Шведы пытались поднять вопрос о выборе в московские цари королевича Филиппа; русские и слышать об этом не хотели. Переставши толковать о королевиче Филиппе, шведы потребовали больших уступок земель или огромной суммы денег. Русские объявили, что скорее лишатся жизни, чем уступят горсть земли². Шведы несколько раз грозились уехать ни с чем; англичанин удерживал их, наконец, русские согласились отдать одну Корелу, а вместо других городов, которых

¹ Иаков принял московского посла отлично и, зная шепетильность русских в соблюдении внешних обрядов, во время приема дозволил московскому послу надеть шапку, когда сам был без шапки, из уважения к царскому имени. Посол отказался от предоставленной ему чести, но был очень доволен: и в Москве, когда узнали об этом, то были также очень довольны.

² Английский посол держал себя хладнокровно и беспристрастно, и когда русские пытались вооружить его против шведов и указывали ему, что шведы не воздают ему должной чести, англичанин отвечал, что честь дана ему от своего государя и ее никто отнять у него не может, а до почета со стороны шведов ему нет дела.

домогались шведы, предлагали сто тысяч рублей. Не порешивши окончательно на этом, обе стороны заключили перемирие от 22 февраля до 31 мая 1616 года, и по истечении срока положили снова съехаться для заключения мира. Не ранее однако, как в конце декабря 1616 года съехались шведские послы с русскими в селе Столбове, все-таки при посредничестве Мерики. Новгородцы умоляли русских послов поскорее окончить дело, потому что шведы и их угодники из русских жестоко теснили новгородцев, требуя присяги шведскому королю, и мучили правежами, вымогая у них корм и подвод для войска. Эти жалобы новгородцев побудили, наконец, русское правительство к уступчивости. Проспоривши почти два месяца, 27 февраля 1617 года, подписали договор вечного мира, по которому шведы возвращали русским Новгород, Порхов, Старую Русу, Ладогу, Гдов и Сумерскую волость; а русские уступали Швеции приморский край: Иван-город, Ям, Копорье, Орешек и Корелу с уездами; кроме того, обязались заплатить 20 000 рублей готовыми деньгами. По выходе шведов из Новгорода, 14 марта русские послы вступили туда с чудотворной иконой, взятой из Хутынского монастыря. Митрополит Исидор встречал их со всем народом, который громко плакал. Новгород был в самом жалком состоянии. Более половины домов было сожжено. Жителей оставалось уже немного. Иные разбежались, другие померли от голода, который свирепствовал в Новгороде, его окрестностях и в Псковской земле, в такой степени, что жители питались нечистой пищей и даже ели человеческие трупы.

Как ни тяжелы были для Московского Государства условия Столбовского мира, отнимавшего у России море и потому носившего в себе зародыш неизбежных кровавых столкновений в будущем, но в то время и такой мир был благодеянием, потому что оставлял теперь Московское Государство в борьбе с одной только Польшей.

Устроив примирение, Джон Мерик прибыл в Москву и заявил со стороны Англии требование важных торговых привилегий. Он просил между прочим дозволить англичанам ходить для торговли Волгой в Персию, рекой Обью в Индию и Китай. Русское правительство отдало эти вопросы на рассмотрение думы, составленной из торговых людей. На основании приговора этих торговых людей, бояре отказали в главном, чего домогался Мерик, под благовидными предложениями отсрочки на будущее время. «Теперь русские торговые люди оскудели», — говорили бояре Мерику. — Они у англичан покупают в Архангельске товары и продают в Астрахани персиянам: от этого прибыль и им и казне, а если англичане сами начнут торговать в Персии, то этой прибыли не будет. Притом же в Персии теперь небезопасно: персидский шах воюет с турецким царем, да и на Волге плавать опасно. Надобно отложить до другого времени». Что касается до пути в Индию и Китай через Сибирь, то бояре сказали английскому послу, что «Сибирь страна студеная и трудно через нее ходить: по реке Оби все лед ходит, по Сибири кочевые орды бродят, ходить опасно, да и про Китайское государство говорят, что оно не велико и не богато, а потому государь, по дружбе к английскому королю, прикажет прежде разузнать, какими путями туда ходить и каково Китайское государство: стоит ли туда добиваться». Таким образом, благодаря силе торговых людей, Мерик, при всех своих услугах России, не добился цели стремлений англичан на Восток, хотя получил от царя в знак благодарности и внимания золотую цепь с царским портретом и разные подарки, преимущественно мехами.

Голландцы, также добивавшиеся для себя торговых льгот, получили некоторые выгоды, но не в такой степени, как англичане. Еще в 1614 году компании голландских гостей подтверждена была грамота царя Василия Ивановича на свободную торговлю во всем государстве, а во внимании к разоре-

нию, понесенному голландскими купцами, позволено им торговать беспошлинно на три года. Когда срок этот миновал, голландцы не добились такого расширения своих торговых прав, которое бы могло подорвать английскую торговлю, однако, по собственному их сознанию, в 1616—1617 годах, русские так снисходительно смотрели за голландцами, что последние платили за свои товары гораздо менее пошлин, чем с них следовало¹. Шведам по Столбовскому договору предоставлена была свободная торговля, но с платежом обычных полных пошлин.

В то время, когда шли переговоры о мире со шведами, в жизни царя произошло печальное семейное событие. Молодой царь находился в покорности инокине матери, которая жила в Вознесенском монастыре, имела свой двор и была окружена монахинями: самой приближенной из них к царской матери была мать Салтыковых, старица Евникия. Царь не смел ничего начинать без благословения матери, а главная сила ее состояла в том, что царь приближал к себе и слушал совета тех людей, которым она благоприятствовала. Вместе с матерью Михаил часто совершал благочестивые богомолья к Троице, к Николе на Угреше и в разные святые места, как в самой Москве, так и в ее окрестностях. Жизнь царя была опутана множеством обрядов, носивших на себе более или менее церковный или монашеский характер. Это приходилось по нраву Михаила, который вообще был тих, незлобив и сосредоточен. В 1616 году, когда ему наступил двадцатый год, решено было женить его. Созвали по давнему обычаю толпу девиц — дочерей дворян и детей боярских; Михаилу приглянулась более всех Марья, дочь дворянина Ивана Хлопова. Немедленно выбранная невеста была взята «на верх» (во дворец, собственно в теремные хоромы цариц) и велено было ей оказывать почести как царице; дворовые люди ей крест целовали и во всем Московском Государстве велено поминать ее имя на ектениях. Ее нарекли Анастасией. Отец и дядя нареченной невесты были призваны во дворец, государь лично объявил им свою милость. Таким образом род Хлоповых, совершенно незначительный до того времени, вдруг возвысился и стал в приближении у царя. Это возбудило во многих зависть, как и прежде всегда бывало в подобных случаях. Более всех невзлюбили Хлоповых могущественные Салтыковы, опасавшиеся, чтобы Хлоповы не вошли в доверие царя и не оттеснили их самих на задний план.

Однажды царь ходил в своей Оружейной палате и рассматривал разное оружие. Михаил Салтыков показал ему турецкую саблю и похвастался, что такую саблю и в Москве сделают. Царь передал саблю Гавриле Хлопову, дяде царской невесты, и спросил: «Как ты думаешь, сделают у нас такую саблю?» Хлопов отвечал: «Чаю, сделают, только не такова будет, как эта!» Салтыков с досадой вырвал у него из рук саблю и сказал: «Ты говоришь не знаючи!» Они тут же побранились крупно между собой.

Салтыковы не простили Хлоповым, что они смеют им перечить, решились удалить их от двора и расстроить брак государя. Они очернили Хлоповых перед царской матерью и разными наговорами внушили ей неприязнь к будущей невестке. При нареченной царевне находились постоянно: бабка ее Федора Желябужская и Марья Милюкова, одна из придворных сенных боярынь. Другие родные навещали ее сначала изредка, потом каждый день. Вдруг нареченная невеста заболела. С ней началась постоянная рвота. Сперва родные думали, что это сделалось с ней от неумеренного употребления «сластей», и уговаривали есть поменьше. Она послушалась, и ей стало как

¹ Предметами привоза у голландцев были: вина, сукна, нюрнбергские изделия, мелочные товары и более всего холст, который славился тогда во всей Европе. Из России голландцы вывозили преимущественно восточные товары: сырой шелк, краски, москательные товары, камлот, парчи, штофные изделия (дамасты) и др.

будто получше, но потом болезнь опять возобновилась, и родные должны были донести об этом царю. Тогда царь приказал своему крайнему Салтыкову позвать доктора к своей невесте; Михаил Салтыков привел к ней иноземца-доктора, по имени Валентин, который нашел у больной расстройство желудка и объявил, что болезнь излечима и «плоду де и чадородию от того порухи не бывает». Такое решение было не по сердцу Салтыкову; прописанное лекарство давали царской невесте всего два раза и доктора Валентина более к ней не призывали. После того Салтыков призвал другого, младшего врача, по имени Балсыря, который нашел у больной желтуху, но не сильную, и сказал, что болезнь излечима. Лекарств у него не спрашивали и к больной более не звали. Салтыковы вздумали потом сами лечить царскую невесту: Михайло Салтыков велел Ивану Хлопову взять из аптеки склянку с какой-то водкой, передать дочери и говорил, что «если она станет пить эту водку, то будет больше кушать». Отец отдал эту склянку Милоковой. Пила ли его дочь эту водку — неизвестно; но ей стали давать святую воду с мошей и камень «безуй», который считался тогда противоядием. Царской невесте стало легче.

Между тем Салтыков донес царю, будто врач Балсырь сказал ему, что Марья неизлечима, что в Угличе была женщина, страдавшая такою же болезнью и, проболевши год, умерла. Царь не знал, что ему делать. Мать настаивала удалить Хлопову. Просто сослать ее с «верху» казалось зазорно, так как она уже во всем государстве признана царской невестой. Созван был собор из бояр для обсуждения дела. Напрасно Гаврило Хлопов на этом соборе бил челом не отсылать царской невесты с «верху», уверял, что болезнь ее произошла от сладких ядей и теперь уже почти проходит, что Марья скоро будет здорова. Бояре знали, что царская мать не любит Хлопову и желает ее удалить; в угоду ей произнесли они приговор, что Хлопова «к царской радости непрочна», т.е. что свадьбы не должно быть.

Сообразно этому приговору, царскую невесту свели с «верху». Это было в то время, когда во дворце происходили суетливые приготовления к ее свадьбе. Хлопову поместили у ее бабки на подворье, а через десять дней сослали в Тобольск с бабкой, теткой и двумя дядями Желябужскими, разлучив с отцом и матерью. Каково было в Тобольске изгнанникам — можно догадываться из того, что в 1619 году, уже как бы в виде милости, они были переведены в Верхотурье, где должны были жить в нарочно построенном для них дворе и никуда не отлучаться с места жительства, а царская невеста, испытывая в короткое время своего благополучия роскошь двора, получала теперь на свое скудное содержание по 10 денег на день.

Этот варварский поступок не был делом царя Михаила Федоровича. Царь, по-видимому, чувствовал привязанность к своей невесте и грустил о ней, но не смел ослушаться матери. Тем не менее он не соглашался жениться ни на какой другой невесте. Это событие показывает, что в то время молодой царь был совершенно безвластен и всем управляли временщики, угождавшие его матери, которая, как видно, была женщина хотя богомольная, но злая и своенравная.

Уладивши дело со шведами, Москва должна была покончить и с Польшей. Но это было гораздо труднее. Сигизмунд сожалел об утраченном Московском Государстве. Сын его Владислав, придя в совершенный возраст, также пленялся мыслью быть московским царем и затевал попытаться вернуть себе утраченный престол.

Русское правительство искало противодействия Польше в Турции и в Крыму, и думало было воспользоваться недоразумениями, возникавшими тогда между Турцией и Польшей. Турки злобствовали на поляков, но не вполне дружелюбно смотрели и на Московское Государство за нападение

донских казаков. Русские посланники несколько лет сряду в Константинополе раздавали меха визирям и другим султанским вельможам и терпеливо выслушивали от турок колкости и упреки за казаков; зато по крайней мере утешались обещаниями турок начать войну с Польшей. Крымский хан с своей стороны брал с русских деньги и меха и за это обещал им тревожить поляков, но медлил. Московское правительство обращалось, кроме того, к немецкому императору и просило о посредничестве в деле примирения Москвы с Польшей. Император отправил от себя посредником Ганделиуса. При старании этого посредника съехались под Смоленском русские послы, князь Иван Михайлович Воротынский и его товарищи, с польскими послами: киевским епископом Казимирским, литовским гетманом Ходкевичем и канцлером Львом Сапегой. Ганделиус явно мирволил польской стороне: он не только считал правильной уступку Речи Посполитой земель, завоеванных ей от Руси, но полагал, что русские, признавши Владислава царем, обязаны были вознаградить его за утрату царского достоинства. Воротынский вел себя настойчиво; им за это был недоволен царь, потому что естественно боялся за своего родителя, находившегося в плену у поляков, более всего желал его возвращения и готов был на большие уступки, лишь бы добиться освобождения Филарета. Несмотря на уступчивость своего царя, русские послы не поддались излишним притязаниям поляков и съезды под Смоленском прекратились. Война была неизбежна.

В 1616 году королевич Владислав издал окружную грамоту ко всем жителям Московского Государства: напоминал, как его выбрали на московский престол всей Землей; обвинял митрополита Филарета, который, будто бы поступал вопреки наказу, данному всей землей; изъявлял сожаление о бедствиях Московского Государства; объявлял, что, пришедши в совершенный возраст, идет сам добывать Московское Государство, данное ему от Бога, и убеждал всех московских людей бить ему челом и покориться, как законному московскому государю, обещал, наконец, поступить с Михаилом, Филаретовым сыном, сообразно своему царскому милосердию, по прошению всей Земли.

Притязания польского королевича грозили внести новое междоусобие в несчастное государство.

Но правильные военные действия между Польшей и Москвой начались не ранее 1618 года (как мы указали в жизнеописании Филарета). Война эта требовала крайнего напряжения сил, а между тем Московское Государство еще не успело поправиться от прежних бедствий и испытывало новые в том же роде, как в предшествовавшие годы. Разбойничьи шайки продолжали бродить и разорять народ; самый образ ведения войны с Владиславом увеличивал число такого рода врагов, потому что главные силы польского королевича состояли из казаков и «лисовчиков», а те и другие вели войну разбойническим способом. Литовские люди, заодно с русскими ворами, проникали на берега Волги и Шексны и разбойничали в этих местах. Города были так дурно укреплены и содержимы, что не могли служить надежным убежищем для жителей, которым небезопасно было оставаться в своих селах и деревнях¹. Между тем правительство принуждено было усиленными мерами

¹ Состояние города Углича, напр., представляется, по современным известиям, в таком жалком виде: «мосты погнили, башни стоят без кровли, ров засыпался, а кое-где и вовсе не копан. Ратных людей почти нет, стрельцов и воротников ни одного человека, пушкарей только шесть человек и те голодные. Пороха нет, хлебных запасов нет. Посадские люди от нестерпимых правей почти все разбежались с женами и детьми. Волости кругом выжжены, опустошены, а между тем в Угличе сидели в тюрьме более сорока человек разбойников». Те же черты можно было встретить и в других городах большей части государства.

сбирать особые тяжелые налоги с разоренного народа. То были запросные деньги, наложенные временно, по случаю опасности, которые должны были платить все по своим имуществам и промыслам, и кроме того, разные хлебные поборы для содержания служилых людей; наконец, народ должен был нести и посошную службу в войске. Правительство приказывало не давать народу никаких отсрочек и править нещадно деньги и запасы. Воеводы, исполняя такие строгие повеления, собирали посадских и волостных людей, били их на правеже с утра до вечера; ночью голодных и избитых держали в тюрьмах, а утром снова выводили на правеж и очень многих забивали до смерти. Жители разбежались, умирали от голода и холода в лесах, или попадали в руки неприятелям и разбойникам. Бедствия, которые народ русский терпел в этом году от правительственных лиц, были ему не легче неприятельских разорений. Монастыри же, как и прежде, пользовались своими привилегиями и если не вовсе освобождались от содействия общему делу защиты отечества, то гораздо в меньшем размере участвовали в этом деле; некоторые из них тогда же получали новые льготные грамоты. Служилые люди неохотно шли на войну; одни не являлись вовсе, другие бегали из полков: в Новгородской земле служилые люди в то время имели повод особенно быть недовольными, потому что правительство отбирало у них поместья, розданные при шведском владычестве из дворцовых и черных земель.

В таком состоянии был народ, когда Владислав, идя к Москве, в августе 1618 г., снова возмущал русских людей своей грамотой, уверял, что никогда не будет ни разорять православных церквей, ни раздавать вотчин и поместий польским людям, что поляки не станут делать никаких насилий и стеснений русскому народу; напротив — сохраняемы будут их прежние права и обычаи. «Видите ли, — писал Владислав, — какое разорение и стеснение делается Московскому Государству, не от нас, а от советников Михайловых, от их упрямства, жадности и корыстолюбия, о чем мы сердечно жалуем: от нас, государя вашего, ничего вам не будет, кроме милости, жалования и призрения».

Избранный народной волей царь противопоставил этому покушению своего соперника голос народной воли. 9 сентября 1618 года собран был Земский собор всех чинов людей Московского Государства, и все чины единогласно объявили, что они будут стоять за православную веру и своего государя, сидеть с ним в осаде «безо всякого сомнения, не шадя своих голов будут биться против недруга его, королевича Владислава, и идущих с ним польских и литовских людей и черкас». Грамоты Владислава прельстили немногих из русских людей. Как ни тяжело было русскому народу от тогдашнего своего правительства, но он слишком знал поляков, познакомившись с ними в Смутное время. Дружба с ними была невозможна. Дело Владислава было окончательно проиграно.

В сентябре и октябре русские дружно отстояли свою столицу, и отбили приступы неприятеля, и не поддались ни на какие предложения принять Владислава. Когда неприятельские действия по временам прекращались и начинались переговоры, Лев Сапега, с свойственным ему красноречием, исчислял русским уполномоченным все выгоды, какие получит Русь от правления Владислава; русские отвечали ему: «Вы нам не дали королевича, когда мы его избрали; и мы его долго ждали; потом — от вас произошло кровопролитие и мы выбрали себе другого государя, целовали ему крест; он венчан царским венцом и мы от него не отступим. Если вы о королевиче не перестанете говорить, то нечего нам с вами и толковать». В конце концов поляки должны были отказаться от мысли посадить на московском престоле Владислава. 1 декабря 1618 года подписано было Деулинское перемирие

на 14 лет и 6 месяцев. Правда, Московское Государство много потеряло от этого перемирия, но выигрывало нравственно отстоявши свою независимость. Теперь уже недоразумения могли возникнуть только о тех или о других границах государств, но уже Московское Государство решительным заявлением своей воли отразило всякие поползновения Польши на подчинение его тем или другим путем¹.

В июне 1619 года прибыл Филарет, отец государя, и был посвящен в патриархи. Дела пошли несколько иначе, хотя система управления осталась одна и та же. Стала заметной более сильная рука, управлявшая делами государства. Господствующим стремлением было возратить государство в прежний строй, какой оно имело до Смутного времени, и, несмотря на стремления назад, новые условия жизни вызывали новые порядки. Наступило невиданное еще в истории Московского Государства явление. Главой духовенства сделался отец главы государства. Отсюда на время патриаршества Филарета двоевластие возникло. Царь сам заявлял, что его отцу, патриарху, должна быть оказываема одинаковая честь, как и царю. Все грамоты писались от имени царя и патриарха. Царь во всех начинаниях испрашивал у родителя совета и благословения и, часто разъезжая со своей благочестивой матерью по монастырям, на то время поручал отцу своему все разные государственные дела. В церковных делах Филарет был полным государем. Область, непосредственно подлежащая его церковному управлению, обнимала все, что прежде ведалось в приказе Большого Дворца и заключала в себе все московские владения, кроме архиепископии новгородской; но и архиепископ новгородский, хотя имел свое отдельное управление, находился, однако, в подчинении у Филарета. Собственно для себя Филарет, в год своего посвящения в патриархи, в 1619 году, получил в вотчину на Двине две трети волости Варзуги, с правом полного управления над тамошними крестьянами, кроме разбойных дел и татбы с поличным. По известию иностранцев, с прибытием Филарета переменены были должностные лица во всех ведомствах и с этих пор начинается ряд правительственных распоряжений, клонящихся к исправлению законодательства, к пресечению злоупотреблений, к установлению порядка по управлению, и мало-помалу к облегчению народных тягостей. Одною из важнейших мер была посылка писцов и дозорщиков для приведения в известность состояния всего государства, но эта мера не достигала полного успеха по причине нравственного зла, таившегося в московских людях. Писцам и дозорщикам, за крестным целованием, вменялось в обязанность поступать по правде, делать опись государства так, чтобы сильные и богатые с себя не сбавляли государственных тягостей, а на мелких и убогих людей не накладывали лишних; но писцы и дозорщики, работая полтора-два года, писали «воровством», не по правде, с сильных сбавляли, а на убогих накладывали, потому что с сильных и богатых брали взятки. Правительство приказало их посадить в особую избу для исправления своих писцовых книг под надзором окольных и дьяков. Но и эта мера, как показывают последствия, не достигла своей цели: жалобы на неправильность распределения податей и повинностей долго и после того не прекращались. Изъятия одних в ущерб другим видны и в это время. Так для сбора ямских денег разосланы были денежные сборщики; слушников велели бить на праже нещадно, а между тем вотчины Филарета, его монастырей и его детей боярских, вотчины митрополитов и многих важнейших монастырей освобождались от этих поборов. Обратили внимание на то, что воеводы и приказные люди делали невыносимые насилия посадским и крестьянам.

¹ Замечательно, что, по окончании перемирия, русское правительство не наказывало смертью тех русских, которые поддавались Владиславу, а только ссылало их, наказавши предварительно некоторых из них кнутом.

Царская грамота запрещала воеводам и приказным людям брать посулы и поминки, не дозволяла вымогать для себя безденежное продовольствие, гонять людей на свои работы. Угрожали за нарушение этих правил пенею вдвое против того, что виновные возмут неправильно, если челобитная, на них поданная, окажется справедливой. Но, мимо всяких угроз, воеводы и приказные люди продолжали поступать по-прежнему, тем более, что правительство, делая им угрозы за злоупотребления, поверяло им большую власть в управляемых ими областях, потому что оно только через их посредство и при их старании могло надеяться на соби́рание налогов с народа. Некоторым городам и уездам (напр., Ваге, Устюжне) подтвержден был старый порядок самоуправления; в других его уже не было, да и там, где он существовал, он имел разные степени размера¹, но везде он более или менее стеснялся властью воевод; впрочем, самые выборные старосты делали утеснения бедным людям и правительство приказывало своим воеводам охранять от них народ². Вообще в это время, продолжая стараться всеми мерами добывать себе деньги, правительство, однако, давало народу и облегчения в разных местах³. Покончено было дело с англичанами. Еще во время осады Москвы Владиславом, царь занял у них 20 000 р., а в июле 1620 года приехал в Москву известный там Джон Мерик: он поздравлял Филарета с освобождением, потом снова начал просить пропуска англичан в Персию по Волге. Правительство снова отдало этот вопрос на обсуждение торговых людей, которые дали такой совет, что англичан не следует пускать в Персию иначе, как за большую пошлину. Мерик имел у себя инструкцию добиваться беспошлинного проезда в Персию. Видя, что не добьется этого, он сам отказался от всяких прав на этот проезд с платежом пошлин и сказал: «Если от нашей торговли будет убыток государственой казне и вашим торговым людям, то и говорить больше нечего. Мой король не желает убытка вашей казне и московским людям». Долг англичанам был выплачен. Московское Государство осталось с Англией в самых лучших, дружеских отношениях. Обогащение казны составляло главную заботу московского правительства. Постановили, чтобы впредь все живущие в посадах служилые люди несли тягло наравне с посадскими, а посадские впредь не смели бы продавать своих дворов таким лицам, которые по своему званию освобождались от тягла⁴. Установлены были таможенные и кабацкие головы для сбора доходов с таможен и продажи напитков, а к ним придавались выборные из местных жителей целовальники. В пограничных торговых городах: в Архангельске, Новгороде, Пскове, все дорогие товары, так называемые узорочные (к ним причислялись золотые и серебряные вещи), не прежде могли поступать в продажу, как после того,

¹ Напр., в Новгороде выборные старосты и целовальники могли судить всякие иски, исключая уголовных дел. В Пскове суд их простирался на иски не свыше 100 р., но в 1633 и псковские сравнены были с новгородскими: в других местах земские старцы и целовальники занимались только раскладкою податей и разверсткою повинностей.

² В 1621—1622 гг. в Чердыни и Соликамске воеводам велено было оберегать народ от злоупотреблений посадских и волостных старост и целовальников, которые в своих мирских книгах делали «бездельные приписки», налагали неправильно повинности и брали себе лишние деньги в посулы; за такое воровство им угрожали смертною казнию.

³ Так, калужанам дана льгота от государственных повинностей на три года. В разных местах давались разные льготы, напр., в платеж ямских денег вместо 1000 руб. с сохи — только 468 руб.

⁴ Тягло обнимало в то время много налогов, поборов и повинностей, как-то: подводные, ямские деньги, стрелецкие деньги и прочее. К числу повинностей, отправляемых тяглами, принадлежало тогда устройство деревянных мостовых в городах и меры предупреждения пожаров: с последнею целью в Москве выбирались из жителей «яржные»: жители должны были доставлять им на свой счет огнеспасительные принадлежности.

как таможенный голова отберет и купит в казну все, что найдет лучшего. То же соблюдалось и по отношению к иноземным напиткам. В некоторых местах вместо того, чтобы держать голов, таможенные и кабацкие сборы стали давать на откуп; и такая мера была особенно отяготительна для жителей, тем более, что откупщики были большей частью люди дурные. Кабаки развелись повсюду; правительство постоянно приказывало стараться, чтоб люди побольше пили и доставляли казне выгоды. Очень многим лицам давались привилегии готовить для себя, но никак не на продажу, напитки пред большими праздниками или по поводу разных семейных торжеств. Эти дозволения служили поводом к беспорядкам, потому что подавали возможность тайно продавать вино или же обвинять в тайной продаже. Торговцы и промышленники, кроме таможенных пошлин, облагались разными поборами: в городах платили полавочное, на дорогах и перевозах — мыто. За продажу запрещенных товаров (напр., соли, отправленной за границу, или за провоз в Сибирь оружия, железных изделий и вина) брали заповедные деньги¹. Самые повседневные занятия облагались различными мелкими поборами, напр., за водопой скотины и за мытье белья на реке бралось пролубное, и для такого сбора из жителей выбирались особые целовальники, которые клали собираемые деньги в ящик за казенной печатью. Выбор целовальников к разным казенным сборам и работам, отправляемым с тягла, в значительной степени отягощал народ; казенная служба отвлекала выбранных от собственных занятий, а общество должно было платить за них подати.

При расстроеном состоянии Московского Государства, Сибирь была тогда важным источником поправления финансов. Сибирские меха выручали царскую казну в то время, когда невозможно было много собирать налогов с разоренных жителей внутренних областей. Государь отделялся соболями повсюду, где только нужно было платить и дарить. Правительство старалось преимущественно захватить в свои руки меха перед частными торговцами, и хотя последним дозволялось ездить в Сибирь для покупки мехов, но они были стесняемы разными распоряжениями, отнимавшими у них время и предававшими их произволу воевод².

Русские подвигались шаг за шагом на восток и, с каждым захватом новых земель, строили остроги и облагали туземцев ясаком. Но чтобы Сибирь была прочно привязана к Московскому Государству, необходимо было заселить ее насколько возможно русским народом. Правительство принимало к этому свои меры в описываемое нами время.

Кроме служилых, преимущественно казаков, ядро тогдашнего русского населения в Сибири составляли пашенные крестьяне, которые набирались из охотников — вольных, гулящих людей, — им давали земли, деньги на подмогу и льготы на несколько лет. Эти пашенные крестьяне обязаны были пахать десятую часть в казну, и этот хлеб, называемый десятинным, шел на продовольствие служилых.

При водворении пашенных крестьян, землю, отводимую им, мерили на десятины, на три поля, и присоединяли к ней сенные покосы и разные уголья. Это дало немедленно повод к тому, что некоторые захватывали земель более, чем следовало, и стали продавать. Так было в Западной Сибири, напр., в Верхотурском уезде, где население было сравнительно гуще; правительство, узнавши об этом, приказывало делать пересмотры земель и за владельцами оставлять только ту землю, которую они действительно обрабатывали. Таким образом положено было препятствие к захвату сибирских зе-

¹ Продажа табака и карт строго преследовалась: за употребление табака резали носы.

² Мехами дорожили до такой степени, что когда не доискались пары соболей между мехами, посланными из Сибири в царскую казну, то производили по этому поводу следствие.

мель в частную собственность. Так как движение русской власти на восток совершалось быстро, то потребность в пашенных крестьянах превышала число охотников поступать в это звание, и тогда правительство приказывало насильно сводить поселенных уже пашенных крестьян с мест более близких на места более отдаленные: так переводились крестьяне из Верхотурья и Тобольска в Томск, и это насильное передвижение подавало повод к побегам: явление, чересчур обычное в европейских странах Московского Государства, очень скоро показалось и в Сибири. Кроме пашенных крестьян, позволяли заниматься земледелием всем вообще, как то: духовным, торговым людям, посадским; с них брали так называемый выдельный сноп¹. Пашенные крестьяне и работавшие с выдельного снопа не могли доставить казне хлеба в таком количестве, в каком нужно было для продовольствия служилых в Сибири; поэтому хлеб доставлялся из пермской земли на счет тамошних жителей, что называлось сибирским отпуском — повинность эта была тяжелая, хлеб скупался по таксе, по 25 алтын за четверть ржи (алтын = 6 денег, а в рубле = 200 денег или 33 алтына 4 д.), а постройка судов и доставление подвод лежали на жителях.

В Сибири, как в стране более отдаленной, сильно проявлялись пороки тогдашних русских людей. Воеводы с особенной наглостью брали взятки и делали всем насилия, служилые люди обращались дурно с туземцами и накладывали на них лишний ясак, сверх положенного, в свою пользу: наконец, пьянство в Сибири дошло до таких пределов, что правительство припущено было поступать вопреки общепринятым мерам и велело уничтожить кабаки в Тобольске². Церквей в Сибири было мало; переселенцы удалены были и от богослужения и от надзора духовных и вели совсем неблагоприятный образ жизни. Патриарх Филарет в 1621 году посвятил в Сибирь первого архиерея архиепископа Киприана. Но на следующий же год оказалось, что русские сибиряки не хотели его слушать и отличались крайней распущенностью нравов. Филарет послал в Сибирь обличительную грамоту, с приказанием читать ее всенародно в церквях. Он укорял русских поселенцев в Сибири, особенно служилых людей, за то, что они не соблюдали положенных церковью постов, ели и пили с иноверцами, усваивали их обычаи, находились в связи с некрещеными женщинами, впадали в кровосмешения, брали себе насильно чужих жен, закладывали, продавали, перепродавали их друг другу; приезжая в Москву с казною, сманивали и увозили в Сибирь женщин, и в оправдание своих безнравственных поступков показывали грамоту, будто данную им каким-то дьяком Андреем. Сибирское духовенство до крайности снисходительно относилось к такому поведению своей паствы, да и сами духовные нередко вели себя не лучше мирских людей. Мы не знаем, в какой степени повлияло на сибиряков послание Филарета, но с этих пор стало заводиться в Сибири более церквей и монастырей.

Такое было положение в Сибири, стране, как мы сказали, имевшей наибольшее значение для обогащения казны Московского Государства.

Важен был для России и край приволжский, но значение его оставалось еще будущим временам, нижняя часть его была при Михаиле Федоровиче

¹ Способ собирания выдельного снопа, а также и десятинного хлеба с казенных крестьян приносил большие неудобства земледельцам. Последние не смели складывать в кладви сжатого хлеба, пока служилые люди не придут и не возьмут того, что следует в казну, а так как село от села отстояло верст на сто пятьдесят и более, то служилые люди не успевали приезжать вовремя и хлеб пропадал в полях от непогоды или был расхищаем птицею. От этого народ терпел нередко голод.

² Однако в Верхотурье оно не решилось этого сделать, потому что там была главная сибирская таможня и всегда находилось скопление торговых людей: они доставляли казне слишком много дохода потреблением вина.

еще очень мало заселена. Начиная от Тетюшей вниз, берега широкой реки были пусты; только три города: Самара, Саратов¹ и Царицын, представлялись путнику, плывшему по Волге; эти города были заселены исключительно стрельцами и были скорее сторожевыми острожками, чем городами. Оседлых земледельцев в этом крае не было. Встречались кое-где только временно проживавшие рыбаки, приманиваемые необыкновенным изобилием рыбы в Волге. В ущельях гор, окаймляющих правый берег реки, гнездились воровские казаки и, при удобном случае, нападали на плывущие суда. Самое опасное в этом отношении место было в Жигулевских горах, около впадения реки Усы в Волгу, где оба берега значительно высоки и были покрыты дремучим лесом. Поэтому плавать по Волге было возможно только под прикрытием вооруженных людей. В описываемое время от Нижнего до Астрахани и обратно ходили, так называемые, караваны — вереницы судов, плывших в сопровождении стрельцов, которые находились на передовом судне. Караваны сверху в Астрахань проходили весной, а снизу из Астрахани осенью, и привозимые в Нижний восточные товары развозились уже с наступлением зимнего пути на санях. Плавание вверх по Волге было очень медленно и, в случае противного ветра, гребцы и рабочие выходили на берег и тянули суда лямкой; кроме судов, отправлявшихся с караваном, некоторые смелые хозяева пускались отдельно на своих стругах и носадках, но нередко платились достоянием и жизнью за свою смелость. Город Астрахань возрастал, благодаря торговле с Персией. Кроме персиян в Астрахани торговали бухарцы, но турецких подданных не пускали в город. Персидская торговля в это время была меновая. Важной ветвью торговой деятельности в Астрахани была торговля татарскими лошадьми, но правительство, желая взять ее в свои руки, стесняло ее в Астрахани и приказывало татарам пригонять лошадей прямо в Москву, где для царя отбирались лучшие лошади. Этот пригон лошадей в столицу назывался ордобазарной станцией.

Влияние Салтыковых при дворе ослабело тотчас с прибытием Филарета, но они держались несколько лет, благодаря покровительству Марфы Ивановны. Жертва их злобы, Марья Хлопова, жила в Верхотурье до конца 1620 года. В этот год ее перевезли в Нижний, означивши в грамоте под именем Анастасии, данным ей при взятии во дворец. Филарет думал было женить сына на польской королевне, потом на датской, но сватовство не удалось. Царь, из угождения к матери, долго сдерживал свои чувства, наконец, объявил родителю, что не хочет жениться ни на ком, кроме Хлоповой, которая ему указана Богом. Произвели следствие о бывшей болезни царской невесты. Призваны были отец и дядя Марьи Хлоповой. При боярине Шереметеве, чудовском архимандрите Иосифе, ясельником Глебое и дьяке Михайлове, царь сделал допрос врачам, лечившим Хлопову. Эти врачи показали царю совсем не то, что доносили ему за семь лет пред тем Салтыковы будто бы со слов этих самых врачей. Эти врачи никогда не говорили Салтыковым, что царская невеста больна неизлечимо и неспособна к деторождению. Изобличенные на очной ставке с докторами Салтыковы, боярин Борис и окольный Михайло, были сосланы в их далекие вотчины, впрочем без лишения чинов. Но это не помогло несчастной Хлоповой. Мать царя упорно вооружилась против брака Михаила с Хлоповой и покланялась, что не останется в царстве своего сына, если Хлопова будет царицей. Царь Михаил Федорович и на этот раз уступил воле матери. В грамоте от ноября 1623 года было объявлено Ивану Хлопову, что великий государь не соизволил взять дочь его Марью в супруги, приказано Ивану Хлопову жить в своей коломенской вотчине, а Марье Хлоповой вместе с дядей своим Желябужским оста-

¹ Саратов был построен не на том месте, где теперь, а на противоположной стороне Волги в четырех верстах от нее.

ваться в Нижнем (где ей дан был двор, некогда принадлежавший Козьме Минину и после смерти бездетного сына его, Нефедя, взятый в казну, как выморочное владенье). Говорят, что Филарет сильно укорял сына за малодушие, выказанное последним в деле Хлоповой.

В сентябре 1624 года царь, по назначению матери, женился на дочери князя Владимира Тимофеевича Долгорукова, Марии, против собственного желания. 19 сентября было совершено бракосочетание, а на другой день молодая царица оказалась больной. Говорили, что ее испортили лихие люди. Неизвестно, кто были лихие люди и действительно ли царица была жертвой тайного злодеяния; только через три месяца с небольшим, 6 января 1625 года, она скончалась. Современник летописец указывает на это, как на Божие наказание за насилие, совершившееся над Хлоповой. 29 января 1626 года царь вступил во второй брак с дочерью незнатного дворянина Евдокией Лукьяновной Стрешневой, будущей матерью царя Алексея. Замечательно, что ее ввели в царский дворец и нарекли царицей только за три дня до брака, как бы в предупреждение придворных козней, уже погубивших двух царских невест.

Вскоре после бракосочетания царя последовал указ Филарета такого содержания: в марте 1625 года прибыл в Москву посланник шаха Аббаса, грузинец Урусамбек, и привез золотой, осыпанный драгоценными камнями ковчег, в котором находился кусок старой льняной ткани, выдаваемой персидским шахом за срачицу Иисуса Христа. Так как признать на веру справедливость свидетельства иноверного государя казалось соблазнительным, то Филарет, для узнания истины, прибегнул к такому способу: наложил на неделю пост, повелел носить присланную святыню к болящим и наблюдать: будут ли чудеса от этой ризы Господней? От марта до сентября 1625 года оказалось 67 чудес, а от сентября до марта 1626 года — 4 чуда. На этом основании риза признана подлинной; учреждено было празднество в честь ее 27 марта; начались строиться церкви во имя Ризы Господней.

Время от второго бракосочетания царя до второй польской войны ознаменовалось некоторыми законодательными мерами к исправлению делопроизводства и к устройству благочиния. Самой важнейшей из этих мер было возобновление в 1627 году губных старост. Это учреждение, общее в XVI веке, не было формально уничтожено, но значение его упало; уже во многих местах не было вовсе губных старост, в других они были, но часто не по выбору, а по назначению и возбуждали против себя жалобы за свои злоупотребления: выпускали за взятки воров и разбойников, научали колодников оговаривать невинных. Между ними и воеводами происходили пререкания: губные старосты обличали воевод, а воеводы — губных старост в вопиющих злоупотреблениях. Власть их вообще была не разграничена от власти других должностных лиц. Часто по возникавшим уголовным делам посылались из Москвы нарочные сыщики, ненавидимые народом за свои злоупотребления и насилия. Разбои не прекращались. Теперь велено было во всех городах произвести выбор (людьми всех званий) губных старост из зажиточных дворян, хорошего поведения и умеющих грамоте, «которым бы можно в государевых делах верить»: им поручалось сыскивать всякие уголовные дела, но отписывать об них в Москву. Затем постановлено было не рассылать более сыщиков по уголовным делам. Но восстановление значения губных старост не удовлетворило, однако, вполне общественной безопасности. Суд губных старост не был независим: они должны были относиться за решением дел в Москву, в Разбойный приказ; раз выбранные, они могли быть сменяемы не иначе, как по воле правительства; иногда даже они (как делалось перед тем) назначались без выбора; наконец, в их дела и управление вмешивались воеводы. Неточность в разграничении обязанностей была делом обычным в Московском Государстве. Иногда, вместо губного старосты,

заведывал уголовным делом воевода, а в другом месте губным старостам поручались неуголовные дела. Были случаи (напр., в 1644 г. в Дмитрове и Кашине), что жители жаловались правительству на губных старост и просили быть у них, вместо старост, воеводам.

Жалобы на разбои не прекращались после этого учреждения. В особенности разбойничали люди и крестьяне дворян и приказных людей, а владельцы их укрывали. Подобное случалось тоже и в тяглых обществах. Поэтому, через несколько лет после учреждения губных старост, правительство установляло брать пени с обществ, сотен, улиц, сел и пр. в таких случаях, когда жители покажут, что у них нет разбойников, а разбойники окажутся; или же когда будет дознано, что люди не поспешили на крик людей, разбиваемых разбойниками. Но у людей того времени господствовали старинные сбивчивые понятия о преступлениях: на уголовное дело смотрели, как на частную обиду; родственник, подавший иск на убийцу своего кровного, зачастую заключал с ним мировую, и дело прекращалось. Такие мировые и прежде запрещались законом, но продолжали совершаться. Новое запрещение последовало при Михаиле Федоровиче, но и после этого вторичного запрещения видны примеры старого обычая. За убийство и разбой обыкновенно казнили смертью; тому же подвергались церковные воры, а равным образом и всякий вор, трижды попавшийся в краже. (За вторую и первую кражу обыкновенно отсекали руку). Но были случаи, когда убийство не влекло за собой казни: дворянин, сын боярский или их приказчик, убивши чужого крестьянина и сказавши под пыткой, что он убил его неумышленно, отвечал за убийство не сам; из его поместья брали лучшего крестьянина и отдавали тому, у кого убит крестьянин. Боярский человек, убивший чужого боярского человека, отдавался с женой и детьми господину убитого. В 1628 году было установлено, чтобы кабалы, даваемые людьми на себя, были действительны только в продолжение пятнадцати лет, а рост на занятые деньги только в продолжение пяти лет, потому что в этот срок проценты равнялись занятому капиталу. Относительно правева сделано было распоряжение, указывающее замечательную черту тогдашних нравов. Многие, задолжавши, хотя владели имениями, но соглашались лучше подвергать себя правеву и позволять себя бить палками, чем отдать за долги свое имущество; и правительство постановило, чтобы впредь таких должников не держать на правеве более месяца, а сыскивать долги на их имениях. Новые меры против пожаров предприняты были после того, когда Москва два раза в 1626 и 1629 годах подверглась опустошительным пожарам, но эти меры, однако, были мало действительны, так как пожары и после того повторялись и в Москве, и в других местах.

В это время сложилась и развилась правильная система государственного управления посредством приказов; по крайней мере с этих годов постоянно упоминаются многие приказы, о которых прежде нет известий¹.

Срок перемирия с Польшей истекал, и в 1631 году правительство начало готовиться к войне, так как во все прежние годы непрерывные недоразумения с Польшей показывали, что война неизбежна. Велено было дворянам и детям боярским быть готовыми². С монастырских имений, со всех вотчин и

¹ Патриарший дворец, патриарший судный приказ, патриарший разряд, новгородская четь, новая четь, устюжская четь, владимирская четь, галицкая четь, костромская четь, московский судный приказ, казенный двор, мастерская государева палата, сбору ратных и даточных людей приказ, дворцовый судный приказ, полоняничный приказ (вероятно, существовавший раньше), приказ сыскных дел и пр., кроме прежде существовавших.

² Они были разделены на статьи: принадлежащие к первой статье получали 25 р. жалованья, к средней 20, а к меньшей 15.

поместий за даточных людей положены были деньги: по 25 р. на конного и по 10 р. на пешего. Между тем сознавалась потребность водворения правильного обученного войска на иностранный образец, и так как из русских людей такого войска нельзя было составить в скором времени, то поневоле решено было пригласить иностранцев. Узнавши об этом желании, начали являться в Россию разные иноземцы с предложениями нанимать за границей ратных людей. Правительство дало поручение такого рода полковнику Лесли и подполковнику Фандаму, служившему некогда французскому королю; правительство приказало им нанять за границей полк ратных людей всяких наций, но только не католиков, с платой вперед на 4 месяца и с правом, по желанию, удалиться в отечество, оставивши, однако, в России свое оружие; раненым обещана была награда. Лесли и Фандам, кроме наема людей, имели также поручение купить за границей 10 000 мушкетов с фитилями, для вооружения иноземных солдат (каждый мушкет обошелся тогда по 1 1/2 р.). Кроме того, выписано было из Голландии несколько людей, знающих городское дело, и сделана была закупка пороху, ядер и сабельных полос. Правительство так дорожило наемными иноземными воинами, что, услышав о прибытии Лесли с ратными людьми, выслало им навстречу воеводу Стрешнева с приказом продовольствовать их харчевникам на пути пивом и съестными припасами; велело выбрать особых целовальников для наблюдения, чтобы харчевники не брали с них лишнего.

В апреле 1632 года скончался польский король Сигизмунд. В Польше принялись за избрание нового короля. Пользуясь междуцарствием, которое у поляков всегда сопровождалось беспорядками, царь и патриарх приказали начать неприязненные действия против Польши и прекратить сношения с Литвой, из опасения какого-нибудь зла от литовских людей. Не велено было покупать у них хмель, потому что «баба-ведунья наговаривает на хмель и они провозят моровое поветрие».

Созван был Земский собор. На нем решено было отомстить полякам за прежние неправды и отнять у них города, неправильно захваченные ими у русских. На жалованье ратным людям положено собрать по-прежнему с гостей и торговых людей пятую деньгу, а бояре, окольные и думные люди, стольники, дворяне и дети боярские, дьяки, архиереи и все монастырские власти, обязались давать, смотря по своим пожиткам, вспоможение, которое называлось «запросными деньгами», и доставлять в скором времени в Москву князю Пожарскому с товарищами, которым поручен был этот сбор. Главное начальство над войском в 32 000 человек поручено было боярину Михаилу Борисовичу Шеину и окольному Артемию Измайлову (всего войска было более 66 000 и 158 орудий). Шеин и Измайлов должны были идти добывать Смоленск, а прочие воеводы — другие города. Дела пошли удачно для Московского Государства; воеводы успели захватить несколько городов и посадов; сам Шеин окружил себя окопами под Смоленском на Покровской горе. Поляки в Смоленске отбивались 8 месяцев и уже, по недостатку припасов, готовились сдать, как в августе 1633 года, в ту пору неожиданно, подошел к городу Владислав с 23 000 человек войска. В это время, по наущению Владислава, казаки и крымцы напали на украинные города Московского Государства. Услыхали об этом служилые люди, помещики украинных городов, бывшие в войске Шеина, вообразили себе, как в их отсутствие враги станут убивать и брать в плен жен и детей, и стали разбегаться. Войско Шеина значительно уменьшилось; он не мог устоять против Владислава на Покровской горе, отступил и заперся вблизи в острожке. Поляки осадили его. Шеин выдерживал осаду до февраля 1634 года. Войско его страдало от цинги. Сделался мор, а из Москвы не посылали ему ни войска, ни денег. Царь, 28 января 1634 года, узнавши о бедственном состоянии Шеина,

снова созвал Земский собор и жаловался, что сбор запросных и пятинных денег шел хуже, чем в прежние годы, хотя Русская Земля с тех пор и поправилась. Собор постановил новый сбор запросных и пятинных денег, который и поручен был боярину Лыкову. Но пока могли быть собраны эти деньги и доставлено продовольствие Шеину, его войско под Смоленском пришло в крайнее положение. Между тем иностранцы, бывшие при Шеине, начали сноситься с королем. Это побудило, наконец, Шеина испросить у царя дозволение вступить в переговоры с поляками о перемирии. Шеин заключил условие, по которому русскому войску дозволялось беспрепятственно вернуться в отечество, с тем оружием, какое оно имело на себе, положивши все пушки и знамена перед королем, а желающим предоставлялось вступить в польскую службу: но из русских людей нашлось таких только 8 человек, а иноземцев перешло довольно. 2004 человека больных воинов было оставлено под Смоленском. С Шеиным ушло 8056 человек. Шеин с товарищами вернулся в Москву.

В то время, когда Шеин стоял под Смоленском, в Москве произошли большие перемены. Филарет скончался в октябре 1633 года. Вместо него возведен был на патриаршеский престол псковский епископ Иосиф, прежде гонимый Филаретом, а под конец назначенный им самим себе в преемники. С кончиной Филарета подняли голову бояре, которые до того времени боялись строгого патриарха, но несколько не боялись добродушного царя. Немедленно возвращены были Салтыковы и снова стали близкими к царю людьми.

Бояре вообще ненавидели Шеина. Он раздражал их своей гордостью, озлобил заносчивостью: Шеин, где только мог, не затруднялся выказывать свое превосходство перед другими и выставлять неспособность своих товарищей; Михаил Борисович не считал никого себе равным. Летописцы говорят, что и в войске, как начальник, он не был любим ратными людьми за то, что обращался с ними надменно и жестоко. Бояре увидели случай отомстить ему за все оскорбления, которые он позволял себе по отношению к ним. Царь Михаил Федорович, по смерти родителя, не имел силы воли противостоять боярам, а, может быть, и сам находился под их влиянием. Над Шеиным и его товарищами произвели следствие и 23 апреля 1634 г. в приказе сыскных дел приговорили казнить смертью Михаила Шеина, Артемия Измайлова и сына последнего, Василия.

Когда осужденных вывели за город на «пожар», место казни преступников, то дьяк Дмитрий Прокофьев всенародно прочитал приговор, подробно исчислил воровство и измену приговоренных к смерти. Прежде всего поминалось большое жалованье царское бывшему боярину Шеину: царь, пред отправкой его в поход, дал ему из дворцовых владостей большое село Голенищево с проселками и деревнями и не велел брать никаких податей с поместий и вотчин Шеина и Измайлова. Шеину поставили в первую вину то, что, еще не уходя на службу, он пред государем исчислил с большой гордостью свои прежние заслуги и выразился о других боярах, что в то время, когда он служил, они «за печью сидели и сыскать их нельзя было». Царь для своего государского и земского дела не хотел его оскорбить и смолчал, а бояре, слыша такие грубые и поносные слова и видя, что государь к нему милостив, не хотели государя раскручинить. Здесь проглядывает настоящая причина злобы против Шеина; опираясь на покровительство сильного Филарета, он был слишком смел, и в то же время, отправляясь на войну, слишком надеялся на самого себя; вышло ему назло: он проиграл в войне, а Филарета не стало, и некому было защитить его. Ему с Измайловым поставили в вину разные военные распоряжения, между прочим и то, что они велели свести в один острожок ратных людей, находившихся по разным острожкам, отдали королю пушки и обесчестили имя государя тем, что клали перед королем

царские знамена. Припомнили Шеину, как он, пятнадцать лет тому назад, воротившись из Польши, где был пленником, не объявил государю о том, что целовал крест польскому королю. Его поступок под Смоленском толковался так, как будто Шеин хотел исполнить свое прежнее крестное целование королю. Сын Артемия Измайлова, Василий, был обвинен в том, что пировал с поляками и русскими изменниками, находившимися у Владислава, и произносил такие слова: «Как может наше московское плюгавство биться против такого монарха? Каков был царь Иван, да и тот против литовского короля своей сабли не вынимал!»

Им троим отрубили голову 27 апреля.

Другого сына Измайлова и с ним двух человек наказали кнутом и сослали в Сибирь в тюрьму за произнесение перед литовскими людьми непристойных слов. Сослан был сын Шеина и через несколько дней умер. Ссылка постигла совершенно безучастного в этом деле брата Измайлова Тимофея, единственно за измену Артемия.

Трудно решить: были ли виноваты Шеин и его товарищи в ошибках, в которых обвинялись. Мы не знаем, что представляли они в свое оправдание, но, без сомнения, измены за ними не было, иначе они бы и не воротились в Москву. Шеин заключил перемирие не добровольно, а с дозволения царя. Невозможность спасти пушки объясняется крайним положением войска. Приговор, произнесенный над Шеиным, противоречит фактам; Шеина обвиняли в том, что он стянул все войско в один острожок, а между тем царь за это хвалил Шеина в свое время.

Несчастье под Смоленском, за которое заплатил Шеин с товарищем, оказало печальные последствия. Московскому Государству теперь уже чрезвычайно трудно было собрать ратные силы и деньги для ведения войны. Оставалось просить мира, но, к счастью, Польша предупредила в этом Москву. Король из-под Смоленска отправился к Белой и никак не мог взять ее, а между тем в его войске открылся большой недостаток жизненных запасов; в то же время к королю приходили угрожающие вести, что турецкий султан намеревается напасть на Польшу, а с другой стороны, шведы хотят отказаться от участия в немецкой тридцатилетней войне и устремиться на Пруссию, принадлежавшую в то время Польше. Поэтому польские сенаторы первые прислали русским боярам предложение о мире. Тогда из Москвы отправлены были в марте 1644 года боярин Федор Шереметев и Алексей Львов-Ярославский. Они съехались с польскими комиссарами: хельминским епископом Яковом Жадином и другими панами, на речке Поляновке. Переговоры затянулись до 4 июня. Поляки хотели сорвать с Московского Государства 100 000 рублей за отказ Владислава от царского титула. Московские послы долго упирались, наконец согласились дать 20 000 рублей. На этой сумме и порешили. Обе стороны согласились заключить «вечный мир». Поляки добивались самого тесного союза, предлагали проект, чтобы по смерти короля избрание совершалось вместе с чинами Московского Государства, чтобы царь был избран польским королем и, в знак совершенного равенства, короновался отдельно в Москве и Польше, но так, чтобы польский посол возлагал на царя в Москве корону московскую, а московский в Польше — польскую, наконец, чтобы царь, для соблюдения равенства между его державами, жил попеременно по году в Москве, Польше и Литве. Московские послы отклонили эти предложения. Поляки просили дозволить строить в Московском Государстве костелы, подданным обоих государств вступать между собой в брак и приобретать вотчины полякам в Московском Государстве, а русским в Польше. Московские послы наотрез отказали, понявши, вероятно, что поляки этими путями хотели всосаться в Московскую Русь и мало-помалу приобрести там нравственное господство, как это сделалось в

Западной и Южной Руси. Составили договор, по которому царь уступал Польше навсегда земли, находившиеся у поляков по Деулинскому договору¹. Обе стороны постановили не помогать врагам которой-либо из двух держав, решили дозволить свободную торговлю в обоих государствах, выпустить обоюдно всех пленных и вперед выдавать беглых преступников. Польский король признавал Михаила Федоровича царем и братом².

Государи самолично подкрепили этот мир: польские послы прибыли в Москву в начале февраля 1635 года. Им был сделан торжественный прием, сообразно обычаям того времени. Сначала послы в Грановитой палате представлялись царю, который сидел на троне в царском наряде и венце: по бокам трона стояли рынды в длинных белых одеждах, белых сапогах, в рьсыих шапках, с топорами на плечах и золотыми цепями на груди. Послов допустили к целованию царской руки³ и затем окольникович явил их подарки. В другой день послов позвали в ответную палату на dokonчание. Обряд этот происходил таким образом: сначала послы говорили с боярами в ответной палате и читали договор; затем их позвали к царю в золотую палату. Царь был в полном царском облачении. По его приказанию, царский духовник принес из Благовещенского собора животворящий крест на золотой мисе, под пеленою. Царь велел спросить послов о здравии и приказал сесть. Немного погодя царский печатник приказал послам и боярам подойти поближе. Царь встал: с него сняли венец, взяли у него скипетр. Утвержденную грамоту положили под крест; царь приложился ко кресту, велел печатнику отдать грамоту послам и отпустить их. В конце марта послов пригласили к царскому столу в Грановитой палате. Царь сидел за особым серебряным столом, в нагольной шубе с кружевом и в шапке. Бояре и окольниковичи сидели в нагольных шубах и черных шапках, дворяне в чистых охабнях. Для послов был особый стол. У столов: царского, боярского и посольского, были особые поставцы с посудой, которыми заведывали во время пиров придворные по назначению. Дворецкий, крайчий, чашники и стольники, разносившие кушанье и напитки, были в золотом платье и высоких горлатных шапках. Царь, по обычаю, посылал послам со своего стола подачи. Подали красный мед. Государь встал и сказал

¹ Черниговскую землю с городами: Черниговом и Новгородом-Северским уступали собственно Польше, а Смоленскую с городами: Смоленском, Рославлем, Белою, Трубчевском, Невлем, Себежем, Стародубом и др. Литве.

² Для предосторожности на будущие времена поляки домогались, чтобы Михаил Федорович не писался царем «всей Руси», а только «своея Руси» на том основании, что часть Руси находится под польским владением. Московские послы уперлись и заставили поляков отказаться от этого требования. Поляки легкомысленно сами требовали, чтобы московский царь ежегодно давал запорожским казакам жалованье, не предвидя того, что такие дружелюбные отношения Московского Государства к запорожским казакам приведут через двадцать лет к роковым последствиям для Польши. Как черты различия в понятиях двух народов можно привести некоторые частности этих переговоров. Поляки хотели, чтобы мир утвержден был присягою всех чинов Московского Государства. «Это дело несаточное, — отвечали послы, — мы холопы государя нашего и во всей его царской воле». По заключении договора поляки сказали: «Мы такое великое и славное дело совершили, чего прежние государи никак сделать не могли. Для вечного воспоминания на том месте, где стояли наши шатры, нужно насыпать два кургана и поставить два каменных столба, и на них написать имена государей наших, гол и месяц и имена послов, совершивших такое великое дело». Шереметев отвечал: «У нас таких обычаев не повелось, да и делать этого незачем: все сделалось волею Божию с повеления наших великих государей и записано на память в посольских книгах». Царь похвалил за это Шереметева и прибавил с своей стороны, что «доброе дело совершилось по воле Божией, а не для столпов и бургов бездушных».

³ По русскому обычаю, царь, давши поцеловать руку иноверцам, тотчас же умывал руки из стоявшего тут рукомойника с полотенцем. Обычай этот сильно не нравился иноземцам и оскорблял их.

послам: «Пью за здоровье брата моего, государя вашего, Владислава короля». Затем царь посылал послам в золотых братинах пиво, и послы, приняв чашу, вставали со своих мест, пили и опять садились за стол.

Дня через два, польских послов после царского стола отпустили домой.

В том же году 23 апреля, в присутствии московского посла князя Алексея Львова-Ярославского, король с шестью сенаторами присягнул в костеле на хранение договора, а затем дал послам веселый пир, за которым пил за здоровье брата своего царя московского. Великолепная иллюминация заключила это празднество.

В 1634 году приезжало в Москву голштинское посольство, описанное известным Олеарием, оставившим подробное и драгоценное путешествие по тогдашней России. Царь дозволил голштинским купцам торговать с Персией на десять лет с платожем в казну 600 000 ефимков, считая в фунте по 14 ефимков¹. Вообще по окончании польской войны возросло сближение Московского Государства с иностранцами. Правительство приглашало знающих иностранцев для разных полезных учреждений. Так, в 1634 году переводчик Захария Николаев отправлен был в Германию для найма мастеров медноплавильного дела. Иноземец Фимбрандт получил на десять лет привилегию поставить в поместных и вотчинных землях, где придется, но вдали от распашных полей, мельницы и сушилы для выделки лосиных кож, причем запрещалось всем другим торговать этими предметами. Другой иноземец швед Козт получил право устроить стеклянный завод близ Москвы. В 1644 году гамбургцу Марселису с детьми (получившему еще в 1638 году право на оптовую торговлю на севере государства и в Москве), и голландцу Филимону Акему позволено устроить по рр. Шексне, Костроме и Ваге и в др. местах железные заводы с правом беспошлинной продажи изделий, на 20 лет, внутри и вне государства.

По свидетельству Олеария, в то время в Москве жило много иноземцев и в том числе 1000 протестантских семейств. Они сначала невозбранно селились в Москве, повсюду ставили на своих дворах молитвенные дома (кирки), закупали у русских дворовые места по хорошей цене; но против этого вооружились священники в тех видах, что сближение русских с немцами вредно действует на религиозность русских. По таким соображениям было запрещено немцам покупать и брать в заклад дворы и велено сломать кирки, которые немцы завели близ русских церквей. Вместо этого в Москве отведено им было особое место под кирку. Около царя были иноземцы, доктора, аптекари, окулист, алхимист, лекари, переводчики, часовых и органичных дел мастера² — все под ведомством аптекарского приказа. Им давалось жалованье деньгами или мехами; кроме того, они получали известное количество пива, вина, меду, овса и сена. Лекарей посылали иногда для лечения ратных людей. Царь Михаил Федорович сознавал пользу науки, как видно из его желания пригласить на службу Адама Олеария, о котором царю «известно учинилось, что он гораздо научен и извычен астрономии и географии небес-

¹ Компания голштинских купцов имела право возить беспошлинно свои товары в Персию, но не развязывая их в России, а из Персии привозить сырой шелк, драгоценные краски и другие товары, исключая тех, которые предоставлены были русским торговцам, а именно разные ткани, крашенный шелк, хлопчатую бумагу, ковры, доспехи, клинки, шатры, нашивки, пояса, ладан и всякие москательные товары. Главным предметом торговли голштинцев были краски.

² Царь, по-видимому, особенно любил часы, так как во время торжественных обедов возле него всегда стояло двое часов. Органичный мастер Мельхарт доставил ему двух часовых дел мастеров, которые обязались выучить русских своему мастерству. Мельхарт сделал такой искусный орган, что как он заиграет, то запоют сделанные на нем птицы: соловей и кукушка. Царю очень понравилась такая выдумка, и он подарил мастеру 2676 рублей.

ного круга, и землемерию, и иным многим надобным мастерствам и мудростям, а нам, великому государю, такой мастер и годен». Михаил Федорович вообще интересовался географией и велел сделать дополнение и объяснение к карте Московского Государства, составленной по приказанию Бориса Годунова, известной под названием: «Большой чертеж Русской земли»¹. Иноземные солдаты с этих пор составляли уже неизменную принадлежность русского войска: они вели себя дурно и делали разные насильства жителям. Правительство хлопотало о приезде в Россию иноземных как служилых, так и торговых людей. Русские купцы с неохотой смотрели на такой наплыв торговавших иноземцев. Еще в 1632 г. псковичи просили государя, чтобы немцам запретили торговать во Пскове, но их просьбу не уважили. Подобные челобитные подавались и от других городов; роптали на иноземных купцов, которые ездили по всему государству в силу жалованных грамот, повсюду торговали и при этом вели тайно беспошлинную торговлю такие иноземные купцы, которые и не имели жалованных грамот. Русским торговцам делался подрыв.

Позволяя иноземцам торговать по государству с большими льготами, правительство старалось забирать, по возможности, разные предметы торговли исключительно в свои руки, в ущерб русским торговцам. В 1635 году правительство взяло себе монополию торговли льном, и прислало из Москвы гостя скупать во Пскове лен по той цене, какая была указана в Москве. «Тогда, — говорит современный летописец, — было много насилия и грабежа; деньги дают дурные, цены невольные, купля нелюбовная, и во всем скорбь великая, вражда несказанная, ни купить, ни продать никто не смеет мимо гостя, присланного из Москвы». Подобное делалось в 1642 году по производству селитры, присвоенному себе казной. Посланный для этой цели Андрей Ступишин покупал для селитры золу и не давал за нее денег, да еще, стакнувшись с таможенными откупщиками, задерживал крестьян, привозивших золу, придирался к ним под разными предложениями, сажал в тюрьму и бил на правее.

Разные городские занятия подвергались отдаче на откуп в пользу казны. В том же Пскове, например, где казенная торговля льном возбуждала такие жалобы, — квасники, дегтяры, извожники и байники (банщики) были на откупу и притом с торгов — с наддачею. Иногда и монастыри брали казенные откупы². На откуп от казны отдавались сборы на мостах и перевозах. Это были тяжелые для народа сборы. Откупщики брали лишнее, против того, что им следовало брать по грамоте. Правительство приказывало таких откупщиков бить кнутом, но уследить их было трудно, особенно, когда воеводы, наблюдавшие над ними, брали с них взятки и покрывали их злоупотребления. Подражая правительству, некоторые частные владельцы на своих землях заводили мосты и мостовщины и отдавали на откуп. Хотя правительство и запретило им такие сборы под страхом пени в пятьдесят рублей, но, видно, запрещение это действовало плохо: такие самовольные стеснительные для народа учреждения существовали и по смерти Михаила Федоровича.

Правительство пыталось производить поиски руды, с целью обратить найденное в свою пользу. В Соликамске начали добывать медную руду; работали русские мастера плавильщики, а им приданы были сосланные делатели фальшивой монеты (денежные воры). Дело пошло неудачно; заводы

¹ Сношение с восточными народами указало царю на необходимость людей, знакомых с восточными языками; и с этою целью в 1644 году велено было послать подьячего Полукута Зверева в Астрахань для обучения арабскому, татарскому и персидскому языкам и грамоте на бухарском дворе.

² Так Спасо-Евфимиевский монастырь откупил в Коврове таможенную ярмарочную пошлину.

были плохо устроены, мастера были неумелые, а между тем этот новый промысел тотчас же пал тягостью на народ, как всякое казенное предприятие, потому что для народа, по этому поводу, являлись новые повинности, как например, возка лесу и т.п.

По-прежнему и в эти годы правительство старалось об удержании жителей на своих местах, гонялось за беглыми, водворяло на прежних местах жительства. В случае вторичного побега, виновных стали теперь ссылате в сибирские города. Крестьяне, жившие на владельческих землях, все более теряли свои свободные права; управление вотчинными и помещичьими крестьянами не было определено ясным законом, а подчинялось только обычаям. У некоторых владельцев были в крестьянских обществах выборные старосты, у других одни приказчики: крестьяне обрабатывали владельческое поле, называемое десятинною пашнею, ранее своего поля, и кроме того, были обложены разными мелкими поборами. Из раздельных актов того времени видно, что крестьяне делились между наследниками, как всякое другое имущество, и не имели права продавать в чужую вотчину своих дворов, лавок и угодий. Владельцы вместо себя стали посылать на правяе своих крестьян: и ничем неповинных крестьян били, вымучивая с них долги их господ. Беспрепятственные побеги показывают, что крестьяне владельческие были недовольны своим положением, особенно у небогатых владельцев. Они во множестве уходили под покровительство монастырей или сильных господ. Дворяне и дети боярские жаловались, что их крестьяне и холопы, убегая от них в монастырские имения, приходят назад и подговаривают других крестьян и холопей к побегу, а иногда и сжигают владельческие усадьбы. Разбои усиливались. Для доставления казенных денег или товаров с места на место оказывалось необходимым посылать, для сопровождения, ратных людей. Несколько раз правительство делало особые распоряжения против разбойничьих шаек. В окрестностях Шуи, Суздаля, Костромы свирепствовал атаман Толстой с товарищами: губным старостам приказано было набирать людей с ратным боем и идти против разбойников; Толстой был пойман, но товарищи его еще долго бушевали, и в 1637 году преступников по разбойным делам, содержащихся в тюрьмах, было так много, что потребовалось особого денежного сбора на их содержание. С этого времени разбойников стали ссылате в Сибирь. В этом же году распространилось делание фальшивой монеты. До того времени «денежных воров» били кнутом, а с 1637 года возобновили старый обычай заливать горло растопленным оловом, хотя по царской воле эта казнь иногда заменялась ссылкой на казенные работы. Пьянство, покровительствуемое правительством, как источник доходов, способствовало шатанию с места на место, умножению преступлений и вредно действовало на народное хозяйство. Как только случалась засуха, так народ, пропивавший все, что у него оставалось за ежедневными потребностями, не думавший заранее приготовить себе запасы, терпел голод. Такое бедствие, вместе со скотским падежом, постигло Россию в 1643 году, и правительство предпринимало только одну меру — всеобщее молебствие о дожде.

Злоупотребления со стороны воевод продолжались по-прежнему; а жалобы на них со стороны народа были часто не безопасны и навлекали на народ новые бедствия. Поступит на воеводу к царю челобитная, пошлетса по этой челобитной следователь: он запутает жителей в дело; начнутса правяжи, сажание в тюрьмы и всякого рода притеснения¹.

Строже всяких злоупотреблений по управлению, верховная власть наказывала малейший, хотя бы непреднамеренный, недостаток уважения к царской особе. В 1641 году кузнецкий подьячий, в отписке от имени воево-

¹ Так было в Чердыни в 1639 году по поводу челобитной на воеводу Христофора Рыльского.

ды о посылке мехов, сделал какую-то незначительную описку в царском титуле. Подьячего за это велено было высечь батогами, заключить на неделю в тюрьму и отставить от службы, а сам воевода за недосмотр получил строгий выговор.

В видах защиты государства правительство старалось удержать служилых людей в своем звании, чтобы всегда иметь готовую силу. С этой целью в 1640 году запрещено вступать в холопы не только дворянам и детям боярским, находившимся на службе, но и родственникам их, еще не верстаным на службу, и таким образом этому сословию пресечен был путь терять свои права по рождению и поступать в рабское состояние. Убегая от тяжести военной службы, служилые люди женились на крепостных женщинах, но теперь таких велено было возвращать в служилое сословие и давать им поместья. Так уничтожился древнейший русский обычай, по которому женившийся на рабе сам становился рабом.

Опасность набегов татар вызывала необходимость постройки новых городов на юге России и укрепления старых. Деятельность этого рода заметно усиливается с 1635 года. В этом году был построен Тамбов (Танбов). По царскому приказанию велено было набрать служилых людей на житье в этот город из Москвы, а также из некоторых южных городов. Самые деятельные меры к обороне юга происходили в 1637—1638 гг. В предшествовавшие годы татары делали несколько набегов, с одной стороны на рязские, рязанские и шацкие, а с другой — на ливенские, елецкие, чернские, новосильские и мценские места, перебили многих людей, жгли селения и подгородные слободы, погнали множество пленных обоюго пола и всякого возраста. От этого край терял население; служилые не имели средств к пропитанию себя и лошадей; бедствие это вызвало потребность постройки городов. Для этой цели еще в 1636 году построен город Козлов; велено копать земляной вал от этого города, а на валу ставить земляные городки с «подлазами» (земляными потаенными ходами). Два городка были поставлены на реке Сосне. В 1637 году поставлены были Верхний и Нижний Ломов. Всего более обращено было внимания на устройство городков и острогов в западной части украинских земель, по рекам Сосне, Осколу, по соседству с Белгородом и Курском. Там пролегало три пути в Крым: один восточный (через нынешнюю Воронежскую губернию), называемый «калмиуским шляхом» или «калмиускою сакмою»; другой — западный, называемый «изюмскою сакмою»; третий — «муравский шлях», лежал еще западнее, через реку Ворсклу. Положили устроить на этих путях жилые города и «стоялые» острожки (т.е. такие, где не было постоянных жителей, а куда отправлялись по очереди на временное пребывание служилые люди). Наибольшее внимание обращено было на реку Сосну. От новопостроенных городков копали валы, укрепляли их в разных местах стоялыми острожками; а на реках, где были броды и перелазы, и где обыкновенно переходили набегавшие на Русь татары, поделали засеки, вбивали сваи и дубовый «честик» (для порчи лошадиных ног). На издержки для устройства этих городов правительство назначило особый побор со всех тяглых, дворянских, вотчинных и поместных земель по 10 алтын с чети пашенной земли, а с некоторых по 20 алтын, исключая тех городов, которые числились в казанском приказе и приказе большого дворца. Начали поправлять и восстанавливать прежде существовавшие украинные города, копать рвы, делать лесные засеки; для этого учредили особых «засечных» голов и приказчиков, заправлявших работами. На работу посылали ратных людей, а также и сошных, собранных из сел и деревень (с трех дворов по человеку с ближних, а с пяти дворов по человеку с дальних).

Донцы убили ехавшего в Москву турецкого посланника Кантакузина, а 18 июня 1637 года взяли у турок Азов. Они известили об этом царя и объявили,

что начали войну для освобождения множества христианских пленных. Царь сделал выговор, однако, не велел отдавать Азова и приказал казакам охранять границу от татарских набегов, которые должны были последовать за казачьим нападением. Как ожидали, так и случилось: крымский царевич Сафа-Гирей сделал набег в украинные места; он известил царя, что это — мщение за взятие Азова казаками, и угрожал новым нашествием весной. Тогда, в видах защиты отечества, царь созвал собор всех чинов людей, и этот собор приговорил взять даточных людей с монастырских имений с 10 дворов по человеку, а с вотчин и поместий с 20 дворов по человеку. (На следующий год с церковных имений поставка даточных людей была заменена деньгами.)

Набеги повторялись. Однако татары встречали отпор и сами попадались в плен: царь приказывал содержать пленных по монастырям в окопах и гонять на работы. Но все-таки русских попадалось гораздо больше в плен татарам: их содержали в Крыму «в муках и тесноте» и угрожали распродать в разные земли, так что в начале 1641 года царь назначил особый сбор пожертвований по всему государству на выкуп русских пленных. Азов оставался за казаками. В июне того же года явились турки на кораблях со множеством стенобитных пушек. С ними были татарские полчища и сам крымский хан. Ни пушечные выстрелы, ни подземные подкопы, ни копанье рвов с целью засыпать осажденных землею не помогли туркам. Они думали взять город измению и пусkali в Азов записки с предложением больших денег за измению — и это не удалось. Казаки сидели в осаде с 7 июня по 26 сентября. Турки почти разрушили Азов своими выстрелами, но с казаками не могли ничего поделать и удалились. Царь послал донскому атаману Осипу Петрову и все-му войску похвальную грамоту.

Теперь предстоял важный вопрос: донцы просили государя принять под свою власть Азов. Но принять его значило отважиться на войну с турками и татарами. В случае успеха, выгоды от этой войны были бы очень велики. Можно было бы оградить южные области государства от татарских набегов; можно было бы и возобновить предприятие овладеть Крымом, некогда начатое при Грозном по внушению Вишневецкого и не доведенное до конца.

В январе 1642 года был опять созван собор. Члены его были выбраны из «лучших, середних и молодых» людей всех чинов, «добрых и умных, с кем о том деле говорить можно»¹. Собор собрался в Столовой Избе. Думный дьяк Лихачев изложил дело об Азове, известил, что идет в Москву посол турецкий и нужно дать ему ответ; наконец, задал собору такие вопросы: «Воевать ли с султаном или мириться и отдать Азов? Если воевать, то война протянется не один год: нужны будут деньги и люди не один год. Где их взять?» Эти вопросы были записаны и розданы выборным людям; и они должны были отвечать письменно.

Духовные отвечали, что ратное дело подлежит рассмотрению царя, бояр и думных людей; их же дело Бога молить, а помогать будут по мере сил, если настанет война.

Стольники отвечали, что государь волен разрывать мир или не разрывать с турками, но их мысль, чтобы государь велел донцам быть в Азове и дать им в прибавку ратных людей из охочих и вольных людей, а запасы и деньги следует взять там, где царь укажет.

Московские дворяне отвечали то же, что и стольники, и советовали только взять охочих людей из украинских городов, так как последним этого рода служба за обычай.

Никита Беклемишев и Тимофей Желябужский подали особое, обстоятельно изложенное мнение. Они напомнили, что крымский царь всегда обма-

¹ Выбор сделан был неравно: из больших статей от двадцати до семи человек, а из немногих людей от пяти до двух.

нывал русских и нарушал договоры, крымцы делают нападения и увозят людей в плен; во время войны с поляками, крымский хан послал царевичей разорять украинные города, а от этого украинные люди из-под Смоленска отъехали; поэтому лучше, чем платить крымскому царю, употребить деньги на ратных людей. По их мнению, на подмогу казакам должно послать охочих вольных людей, которым быть в Азове под начальством атаманов, а московских воевод туда не посылать, потому что казаки — люди своевольные и слушать их не станут. В украинные же города — послать для береженья даточных людей. Если у государя денег не станет, то сделать сбор со всех, кроме служилых, в войске находящихся, и поручить это дело добрым людям всяких чинов, выбрав человека по два и по три, которые бы всем людям правду оказали и наблюдали разницу между многоземельными и малоземельными, так как последним за первыми «не стянуты». Они указывали на важность Азова в том отношении, что когда Азов будет за Россию, то соседние татарские орды и кавказские горцы станут служить государю.

Стрелецкие головы и сотенные во всем положились на государеву волю. Так же отнеслись к этому делу дворяне и дети боярские нижегородские, муромские, лушане (из Луха). Владимирские дворяне и дети боярские заметили, что государю и боярам известна бедность их города. Дворяне и дети боярские других городов завяляли себя за войну. Они видели указание Божие в том, что казаки отсиделись от турок. «Если не изволишь, государь, — говорили они, — принять Азова, и Азов будет у бусурман и образ великого крестителя Господня, — не навесьть бы через то на всероссийское государство гнева Божия и великого светильника и вышнего в пророках крестителя Господня Иоанна Предтечи и великого святителя Николы!»

Дворяне и дети боярские северных уездов (Суздаля, Юрьева-Польского, Переяславля-Залесского, Белой, Костромы, Смоленска, Галича, Арзамаса, В. Новгорода, Ржева, Зубцова, Торопца, Ростова, Пошехонья, Нового Торга, Гороховца) между прочим указывали на бояр и ближних людей, наделенных поместьями и вотчинами, и разразились обличительными замечаниями насчет дьяков, церковных властей и богатых дворян их же братии, указывая на их богатство как на источник доходов для ведения славной войны. «Твои государевы дьяки и подьячие пожалованы твоим государевым денежным жалованьем, поместьями, вотчинами; будучи беспрестанно у твоих государевых дел, они обогатели многым неправедным богатством, собранным мздоимством, покупали себе вотчины, состроили каменные неудобосказаемые палаты, каких при прежних государях не бывало. Вели, государь, взять с их поместий и вотчин ратных конных и пеших людей и обложить их дома и пожитки деньгами на жалованье ратным людям». Они указывали на владычные и монастырские имения, говорили, что нужно собрать с них даточных людей, и прибавили, что если кто утаит число принадлежащих им крестьян, то с теми за то поступить по закону, а утаенных крестьян отобрать на государя. Не пощадили дворяне и дети боярские северных городов и своих братии, служивших в разных должностях. «Некоторые наши братья, — говорили они, — не хотя тебе, государю, служить, записывались в московский список и в разные государевы чины, будучи в городах у твоих государевых дел, ожирели и обогатели, и на свое богатство накупили себе вотчин; а дворовые твои государевы люди всяких чинов пожалованы поместьями и вотчинами, получают ежегодно денежное жалованье, через год и через два посылаются приказчиками в дворцовые села, наживают себе большие пожитки, а полковой службы не служат. Вели, государь, с них со всех взять даточных людей, а с их пожитков деньги». Они советовали набрать стрельцов и солдат во всем государстве из охочих людей, но только не из крепостных и старинных холопей, принадлежащих им, дворянам, и себя самих выставляли разоренными, бес-

помошными, беспоместными, пустоместными и малопоместными. В заключение они советовали взять для такого важного дела лежачую домовую казну у патриарха, митрополитов, архиереев и монастырей, и обложить всех торговых и промышленных людей, смотря по их состоянию. «Вели, государь, — прибавляли они, — счесть по приходным книгам всех приказных государевых и людей, дьяков, подьячих и таможенных голов, в Москве и в городах, чтобы твоя государева казна без ведомости у тебя не терялась; а деньги на жалованье ратным людям вели собирать гостям и земским людям. Вели, государь, быть на службе против нечестивых бусурман всем тем, которые сидят в городах на воеводствах и у приказных дел: чтобы вся твоя государева земля была готова против нашествия нечестивых бусурман. Вот наша, холопей твоих, мысль и сказка».

Дворяне южных городов (Мещеры, Коломны, Рязани, Тулы, Каширы, Алексина, Тарусы, Серпухова, Калуги, Белева, Козельска, Лихвина, Серпейска, Мешовска, Воротынска, Медыни, Малоярославца, Боровска, Волхова, Мценска, Ряжска, Карачева) подали сказку почти в том же духе, как и предыдущая, но советовали брать подати на войну не по писцовым книгам, а по числу крестьянских дворов: у кого из служащих более пятидесяти крестьян, — с тех брать деньги и запасы, а кто имеет пятьдесят крестьян, — тот сам должен идти. Что касается до них самих, то они выразились так: «Мы холопы твоей почте, чем от туркских и крымских бусурманов, разорены от московской волоките, неправд и неправедных судов... За всем тем, эти дворяне находили, что Азов нужно непременно взять и стоять за него крепко, потому что ногаи, кочующие недалеко от Азова, будут служить тому, за кем будет Азов».

Служилые люди стояли за войну; но сказка гостей и торговых людей не выражала этого желания. Ответ их носит обличительный характер и составляет важный современный источник для истории быта и положения торгового класса. Полагаясь на волю государя, они говорили так: «Судить об устройстве ратных людей и о запасах есть дело служилых, за которыми твое государево жалованье вотчины и поместья, а мы, торговые людишки, питаемся в городах своими промыслишками; за нами вотчин и поместий нет. Службы твои государевы мы служим на Москве и в городах беспрестанно, и от этих служб, да от пятинных денег, что мы давали в смоленскую службу ратным и служилым людям на подмогу, много оскудели и обнищали до конца. Мы, будучи на твоих государевых службах в Москве и городах, собирали твою государеву казну за крестным целованием с большою прибылью: где при прежних государях, да и при тебе, государе, собиралось сот по пяти, по шести, там собирается ныне с нас и со всей земли нами же тысяч по пяти и по шести и более. Торжишки наши, государь, стали гораздо худы: отняли их у нас в Москве и городах иноземцы, немцы и кизильбашцы (персияне), которые приезжают в Москву и в другие города с большими торгами и торгуют всякими товарами. В городах всякие люди оскудели и обнищали до конца от твоих государевых воевод; а торговые людишки, которые ездят по городам для своих промыслишек, от воеводских насильств и задержания в проездах потеряли торги свои. При прежних государях в городах ведали губные старосты, и посадские люди судились промеж себя сами, а воеводы посылались с ратными людьми только в украинные города для бережения от татар. Мы, холопы твои и сироты, просим милости твоей, государь, пожаловать твою государеву вотчину, воззреть на нашу бедность». Затем они изъявляли готовность умереть за святую веру и за многолетнее здоровье своего государя.

Наконец последовал ответ людей низшего чина: черных сотен и слобод, сотских и старост от имени всех тяглых людей. И они предоставляли государю судить о военном деле, как ему Бог известит, но описывали свое плачевное

положение в таком виде: «Мы, сироты твои, тяглые людишки, по грехам своим оскудели и обнищали от великих пожаров, от пятинных денег, от поставки даточных людей, от подвод, что мы, сироты твои, давали тебе, государю, в смоленскую службу, от поворотных денег, от городского земляного дела, от великих государевых податей и от разных служб в целовальниках, которые мы служим в Москве вместе с гостями, и кроме гостей. Всякий год с нас, сирот твоих, берут в государевы приказы по ста сорока пяти человек в целовальники, да с нас же берут человек семьдесят пять ярыжных, да извошиков с лошадыми, стоять без съезда беспрестанно на земском дворе для пожарного случая, а мы платим тем целовальникам, ярыжным и извошикам каждый месяц подможные кормовые деньги. И от великой бедности многие тяглые людишки из сотен и слобод разбрелись розно и покидали свои дворишки».

Здесь как нельзя резче выразилось различие и противоположность между интересами и взглядами двух половин, на которые в государственном отношении разбивался русский народ — служилых и несслужилых или «государевых холопей» и «государевых сирот», как они титуловались. Первые были за войну и сознавали важность ее для государственных целей; вторые, не высказываясь явно против войны, представили только скудость средств для ее ведения. Но в последних была вся сила народного голоса. Правительству после этого собора не оставалось ничего, как только поспешить помириться с турками.

В Москву приехал турецкий посол Чилибей; его приняли дружелюбно, обещали сделать все угодное султану, и 30 апреля 1642 года царь послал Желябужского и Башмакова с приказанием казакам, чтоб они возвратили Азов туркам, а сами вернулись в свои курени. В следующем 1643 году царь отправил в Турцию послов: Илью Даниловича Милославского и дьяка Лазаревского, с уверениями в дружеском расположении и с мехами для подарков. Посол, по царскому наказу, говорил визирю о казаках так: «Если государь ваш велит в один час всех этих воров казаков побить, то царскому величеству это не будет досадно»... Казаки были очень раздражены, несмотря на то, что русский посол, проезжая в Турцию, привез им 2000 рублей царского жалованья и, кроме того, сукон, вина и разных запасов. Казаки перехватили царскую грамоту, в которой они названы ворами. После этого они грозили уйти с Дона на Яик, а оттуда ходить на море и беспокоить персиян. Вследствие таких слухов, царь приказал астраханским воеводам поставить в Яицком городке ратных людей и промышлять против казаков оружием.

Под конец царствования Михаила Федоровича происходило событие с женихом царской дочери, очень любопытное по отношению к тогдашним нравам и понятиям. Царю Михаилу Федоровичу пришла мысль выдать свою дочь за какого-нибудь иностранного принца, пригласив его в Россию. Попытка в таком роде была не первая, как показывает судьба Магнуса при царе Иване Васильевиче и датского королевича Иоанна, умершего при Борисе в Москве. Царь Михаил Федорович призвал к себе доверенного голландца Петра Марселиса, расспрашивал его и узнал от него, что у датского короля есть сын, принц Вольдемар, 22 лет. По рассказам Петра Марселиса, он показался царю подходящим женихом. Царь отправил в Данию Ивана Фомина навести о женихе точные справки и подкупить живописца, чтобы снял с королевича портрет, а чтобы скрыть главную цель, приказал снять портреты с самого короля Христиана и его сыновей. Поручение было странное. О нем узнали при дворе, и один вельможа сказал Фомину: «Ты подкупаешь снять портреты с короля и королевичей; это дело невозможное, потому что живописец должен стоять перед королем и королевичами и глядеть на них; но государь наш приказал снять с себя и с королевичей портреты и послать

царю». Однако, в Дании смекнули, в чем дело, и попытались, нельзя ли извлечь пользу из такого расположения царя к датскому владельческому дому.

Летом 1641 года узнали в Москве, что едет чрезвычайное датское посольство, а в нем принц Вольдемар¹. Посольству этому, однако, не оказали особого внимания в Москве. Оно добивалось для датской торговли важных выгод против иных иноземцев, и, не получивши их, в октябре того же года, вернулось домой. В Москве посмотрели на принца.

Весною следующего года царь отправил в Данию послом окольникового Простева с товарищем с предложением брака королевича Вольдемара с царскою дочерью Ириною². Посол этот, объявивши о предложении царя, не мог дать никакого ответа на вопрос: «Какие города и земли даст царь своему зятю», а со своей стороны заявил о необходимости королевичу креститься в христианскую веру, на что последовал отказ. Сам королевич виделся с послами, обошелся с ними очень любезно и говорил, что поступит так, как велит ему отец.

Царь был очень недоволен своими послами, которые, не смея отступить от буквы наказа, не сумели найти, что им отвечать на заданный вопрос. В декабре того же года царь выбрал для посылки в Копенгаген того же иноземца Марселису, который ему дал первое известие о Вольдемаре. Он поехал с обещанием от царя дать будущему царскому зятю Суздаль, Ростов и другие города и предоставить ему свободу вероисповедания, как равно и всем приехавших с ним людям.

Московская земля на западе Европы представлялась дикою страной и внушала страх. «Если, — говорили датские вельможи Марселису, — наш королевич туда поедет, то делается холопом навеки и что обещают, того не исполнят. Как нашему королевичу ехать к диким людям!»

Ловкий Марселис принялся расхваливать Московское Государство, уверял, что в нем отличный порядок, и в доказательство, что там можно жить, приводил в примере самого себя.

Сам королевич неохотно ехал в московскую землю, тем более, что первый прием, испытанный им в этой земле, не понравился ему. Но король отец хотел сбыть и пристроить своего сына. Марселис успокаивал принца, ручался своею головою, что ему будет хорошо. «А какая мне польза в твоей голове, если мне будет дурно?» — отвечал ему королевич и соглашался ехать только по воле отца.

Марселису отправили назад к царю и поручили передать условия, на которых королевич может приехать в Москву. Требовалось, чтоб королевичу не было никакого принуждения в вере, чтобы он зависел от одного только царя, чтобы удел, назначенный ему тестем, был наследственным, чтобы государь дополнял ему содержание денежным пособием, если доходов с удела будет мало.

Царь на все дал согласие, уступал на вечные времена зятю Суздаль и Ярославль и вдобавок обещал дочери приданого 300 000 рублей.

¹ Велено было приставам на дороге приглядываться и доносить, как обращаются члены посольства с Вольдемаром и с таким ли почтением, как с царским сыном; а между тем ему с посольством отведено было помещение в доме думного дьяка Ивана Грамотина. Чтобы сделать дом думного дьяка сколько-нибудь приличным для помещения иноземцев, велено было со двора свезти навоз и щепы, и посыпать песком, а дом убирать и произвести в нем починки.

² Так как царь прежде нуждался в портрете невесты, но снимать портреты с особ женского пола и рассылать их было не в обычае, потому что боялись порчи и колдовства; и посол Простев получил приказание, в случае, если заговорят о портрете будущей невесты, отвечать, что царских дочерей никто не видит, кроме самых близких бояр, и портрета с них не снимают «для остерегания их государского здоровья». Но портрета не потребовали.

Королевич, встречаемый на своем пути в Московском Государстве хлебом-солью и дарами, прибыл в Москву 21 января 1644 года и был принят с чрезвычайным почетом. Стройные ряды служилых и приказных людей в праздничных одеждах сопровождали его до Кремля, а по улицам на пути его были расставлены стрельцы без оружия: то был особый почет, которого не оказывали никому другому. Это означало, что царь считает принца не гостем, а членом своего царского дома, который, находясь в безопасности посреди верных подданных, не нуждается в оружии. По прибытии принца в назначенное для него помещение, поднесли ему от всех городов Московского Государства хлеб-соль и разные дары, состоявшие из золотых, серебряных вещей, соболей и дорогих тканей. Английские и голландские купцы также поднесли ему богатые дары.

Через четыре дня царь первый посетил нареченного зятя и обласкал. 28 января ему сделан был торжественный прием при дворе; царь, одетый в свое царственное облачение, обнимал, целовал его и посадил рядом с собою по правую руку; по левую сидел царевич Алексей Михайлович. В тот же день был торжественный обед и принц опять сидел рядом с царем. После обеда принца одарили богатыми подарками от царя и царевича, а через два дня царица прислала ему две дюжины полотенец, имевших символическое значение свадебного подарка.

Все шло, казалось, как нельзя лучше, как неожиданно 6 февраля царь прислал сказать принцу, чтоб он принял греческую веру и тогда уже может жениться.

Принц был поражен таким требованием и сначала думал, не испытывают ли его. Он отвечал, что не примет греческой веры и ссылался на договор; уверял, что не приехал бы, если бы знал, что подымется речь о вере, и заметил, что брак уже некоторым образом заключен; если расторгнуть его, то от этого датской короне будет нанесено оскорбление, а про царя пойдет дурная слава.

Вслед за тем 13 февраля царь, пригласивши к себе королевича, сказал: «Король, твой отец, велел тебе быть у меня в послушании; мне угодно, чтобы ты принял православную веру».

— Я кровь свою готов пролить за тебя, — отвечал королевич, — но веры не перемену. В наших государствах ведется так, что муж держит свою веру, а жена свою.

— А у нас, — сказал царь, — муж с женою разной веры быть не могут.

Королевич просил отпустить его домой, но царь отвечал, что отпустить его «непригоже и нечестно, не соверша доброго дела».

С тех пор несколько раз Вольдемар письменно обращался к царю, уличал его первую грамотою, в которой сказано было прямо и положительно, что его не будут неволить в вере. Царь на это отвечал, что ему и теперь нет неволи; но в грамоте, посланной к датскому королю, не сказано, чтобы королевича не призывать к соединению в вере. Королевич повторил свою просьбу отпустить его, но его не отпускали и продолжали уговаривать принять православие.

Приходили к нему бояре, уверяли, что невеста его хороша собою, умна, и если он увидит ее, то непременно полюбит: она не напивается пьяною, подобно московским женщинам; для такой красавицы можно переменить веру.

Присылал к королевичу патриарх, предлагал устроить диспут о вере и убеждал Вольдемара принять православие. Королевич соглашался на диспут, заметивши, что он лучше всякого попа знает Библию. Потом патриарх прислал ему длинное увещание, чуть не в 48 сажен, по замечанию датчан; но королевич, между прочим, отвечал ему: «Если я буду неверен Богу, то как можно полагаться на мою верность царскому величеству?»

Датские послы просили себе отпуска и требовали, чтобы вместе с ними отпустили королевича. Но им сказали, что королевича не отпустят, потому что король отдал его царю на всю волю. Чтобы принц не убежал, стали надзирать за ним и держать как будто под стражею.

Ночью, 9 мая, королевич действительно сделал попытку к бегству, но его остановили стрельцы у Тверских ворот; с тех пор стали еще строже присматривать за ним и за его людьми и по-прежнему уговаривали принять православие.

После неудачной попытки к бегству, принц решился на диспут и поручил его вести за себя своему придворному пастору Матфею Фильхаберу. Диспуты происходили несколько раз в доме принявшего православие немца Францбекова. С русской стороны был ключарь Наседка, несколько греков и один перекрещенный славянин, князь Димитрий Альбертович Далмацкий. Споры вращались главным образом около вопроса о способе крещения. «Я, — сказал пастор своим противникам, — прочитал немецких, латинских, греческих и еврейских книг более, чем вы видели их и будете видеть; только я никого хулить не хочу и имею надежду, что когда его царское величество заведет в своем государстве школы и академию, тогда вы узнаете, что значит быть ученым и неученым»... Диспуты не привели ни к чему. В конце июня объявили королевичу, что царь отправит к датскому королю одного из датских послов и, когда получит от короля письмо, тогда царь отпустит принца. Но потом снова стали уговаривать Вольдемара принять православие; он дал решительный отказ.

С тех пор, однако, долго не тревожили принца увещаниями. С ним обращались очень почтительно. Царь приглашал его к столу; устраивали для него охоту. 17 сентября царь вместе с царевичем был у него на обеде, проводили время весело, и когда дворецкий Морозов вздумал было заговорить о вере, царь и царевич прогнали его.

29 ноября подано было царю письмо от датского короля. Король просил царя: если ему угодно нарушить договор, то пусть тотчас отпустит его сына в Данию. На это письмо не было дано никакого ответа; принц добивался решения своей участи; ему говорили, что царь нездоров. Между тем царевич Алексей бывал у него и обращался с ним по-дружески. Наконец, в конце декабря царь пригласил королевича к себе и убедительно просил принять греческую веру. Королевич сказал наотрез, чтоб царь либо совершил свадьбу, либо отпустил его немедленно.

— Свадьбы совершить нельзя, — сказал царь, — пока ты останешься в своей вере, а отпустить тебя невозможно, потому что король прислал тебя состоять в нашей царской воле и быть нашим сыном.

— Лучше я окрещусь в собственной крови, — отвечал королевич.

В начале 1645 года королевич написал царю резкое письмо, напоминал, что он и его люди не холопы царя; говорил, что царь поступает так, как не поступают неверные турки и татары, и что он, королевич, будет отстаивать свободу силою, хотя бы ему пришлось потерять голову.

Письмо это осталось без ответа.

Ожидали приезда польского посла. Думный дьяк сообщил королевичу, как будто за тайну, что польский посол хочет сватать царевну Ирину за своего короля и поэтому ему нужно подумать, чтоб у него не отбили невесты. Королевич понял, что это уловка, засмеялся и сказал: «Так, значит, и польский король будет перекрещиваться!»

Приехал польский посол Гавриил Стемпковский. Королевич обратился к его посредству, писал и к самому польскому королю, убеждал вступить за него. Стемпковский, по приказанию своего короля, заговорил с боярами о деле королевича; но бояре стали со своей стороны просить его, чтоб он

убеждал Вольдемара принять православную веру, и представляли, что королевич получит большие выгоды; царь прибавит ему еще более земель, чем обещал, даже Новгород и Псков отдаст ему. Польский посол подавал совет королевичу, что не следует отказываться от такой выгодной женитьбы, на королевич отвечал, что на перемену веры могут соглашаться только люди, которые не дорожат совестью для временных благ, а он ничего теперь не желает, кроме возвращения на родину. Стемповский представил боярам, что королевича ничем нельзя склонить, а потому остается отпустить его. Бояре в ответ на такую просьбу стали грозить, что если королевич будет упорствовать, то от него отдалят всех его людей и окружают русскими; если же и это не пособит, то самого принца сошлют в какое-нибудь далекое место и станут помогать Швеции против Дании.

Вместе с тем, чтоб тянуть дело, предлагали еще раз религиозный диспут в присутствии царя и королевича.

Польский посол передал слышанную им угрозу королевичу, и тот дал такой ответ: «Пусть царь ссылает меня в Сибирь; я готов переносить за веру всякое горе; пусть прикажет убить меня, лучше мне умереть с чистою совестью, чем жить в почете с нечистою: а что он грозит Дании, — то пусть знает, что Дания как прежде обходилась, так и теперь может обходиться и без русской помощи!.. Пусть, одним словом, царь делает, что хочет, только поскорее». Польский посол передал все это боярам, но по просьбе их еще раз убеждал королевича исполнить желание царя и согласиться на религиозный диспут.

Предложенный русскими диспут состоялся 4 июля в присутствии польского посла, но без королевича и без царя. И на этот раз спорили более всего о крещении. Диспут ни к чему не привел, а вслед за тем кончина царя дала иной поворот этому делу¹.

В те же последние годы царствования Михаила Федоровича происходило другое, не менее любопытное дело с Польшею.

Назад тому тридцать лет, когда привезли Марину Мнишек с сыном в Москву с Яика, был в Москве поляк Белинский. Он составил план спасти сына Марины от смерти, на которую был осужден ребенок. Для этого он намеревался подменить сына Марины другим мальчиком, сыном убитого прежде в Москве поляка Лубы, оставшимся сиротою в чужой стороне. Предприятие не удалось. Сына Марины повесили. Тогда Белинский вздумал назвать сыном Марины того мальчика, которого прежде готовил на погибель вместо настоящего. Он увез его с собою в Польшу, стал называть царевичем Иваном Дмитриевичем и распространил рассказ о том, как Марина, находясь еще в Калуге, поручила ему увезти ее ребенка в Польшу. По совету шляхты, Белинский донес об этом королю. Король Сигизмунд нашел, что так как с Московским Государством дела еще не покончены, то не бесполезно будет на всякий случай, про запас, держать царевича, и приказал отдать его на сохранение литовскому канцлеру Льву Сапеге, назначивши на содержание многого Ивана Дмитриевича по шести тысяч золотых в год. Сапега отдал его в обучение игумену брестского Симеоновского монастыря Афанасию. У этого игумена мальчик пробыл семь лет, а потом проживал во дворе Сапеги, назывался царевичем и сам был уверен, что он царевич. При Владиславе, когда после новой войны с Московским Государством заключен был вечный мир, король запретил называть Лубу царевичем. Разжалованный царевич обратился к Белинскому с вопросом: кто он таков и кто его родители? Белинский объявил ему истину.

Между тем Лев Сапега скончался. Бывший царевич остался без приюта и без средств: ему перестали выдавать прежнее содержание. Он определился

¹ Королевич вернулся в Данию в следующее царствование. Брак его с Ириною не состоялся.

на службу к пану Осовскому, а потом перешел к пану Осинскому и жил у него писарем в Бресте.

Воспитатель этого невольного самозванца, игумен Афанасий, вероятно, желая подслужиться московскому царю, сообщил о нем русским послам, которые в 1644 году приезжали в Польшу с целью толковать о разных недоразумениях, возникших между порубежными жителями обоих государств. Афанасий представил письмо, писанное рукою Лубы.

Московские послы стали укорять канцлера Оссолинского и других сенаторов в том, что они держат и укрывают человека, затевающего зло Московскому Государству. Паны объяснили, что этот человек назывался царевичем прежде, а теперь уже не называется этим именем, и объявили, что выдавать невинного человека противно всяким правилам. Показали послам Лубу. Он рассказал о себе всю правду и уверял их, что не называется более царевичем. Но московские послы подали канцлеру письмо, писанное собственной рукою Лубы: в этом письме он, хотя и подписался Иваном Фавстином Лубою, но выразился, что письмо его писано на «царевичевом обеде» в «царевичевой госпode». Канцлер дал послам такое объяснение:

«Слова эти не показывают преступления; есть много мест и сел, называемых «Царево или Королево»; он не подписывается царевичем, он подписался даже латинским именем: это служит ясным доводом, что Луба себя царевичем не называет».

Наконец паны объявили, что Луба пойдет в ксендзы. Московские послы заметили, что первый вор, назвавший себя Димитрием, был пострижен, а это не мешало ему затеять воровское дело, и требовали выдачи самозванца на казнь.

Поляки решили угодить московскому государю и послали в Москву Лубу со своим послом Стемпковским: но вместе с тем польский король просил царя отпустить Лубу назад, как невинного человека.

В это время один грек из Константинополя, архимандрит Амфилохий, прислал в Москву копию с письма, писанного по-малорусски к султану человеком, который называл себя московским царевичем Иваном Димитриевичем. Амфилохий сообщал, что письмо это принесли ему какие-то турки для перевода, так как он знал по-русски. Трудно решить: был ли этот самозванец — Луба, или кто другой, или же самое письмо было выдуманное.

Начались в Москве толки о Лубе. Бояре домогались его выдачи. Польский посол защищал Лубу, уверял, что он невинен, что он намерен поступить в духовное звание и никак не может быть опасен для царя¹.

Среди этих переговоров смертельная болезнь поразила царя Михаила Федоровича. Еще с конца 1644 года государь по болезни не выходил из своих покоев. В апреле следующего года болезнь его усилилась. Иностранные доктора находили, что недуг, постигший царя, произошел от многого сидения, от холодного питья и меланхолии, «сиречь кручины». По описываемым приметам, царь поражен был водяною. 12 июня 1645 года он скончался.

Ближайшим к нему лицом пред смертью был боярин Морозов, дядька наследника престола. Благословляя сына на царство, царь поручил своего юного преемника отеческой опеке этого боярина.

---

¹ Преемник Михаила Федоровича приказал отпустить Лубу с тем, чтоб король и сенаторы поручились за Лубу, что он не будет иметь никаких притязаний на Московское Государство и не станет называться царским именем.

II КИЕВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА

Введение церковной Унии было началом великого переворота в умственной и общественной жизни Южной и Западной Руси. Переворот этот имел важнейшее значение в нашей истории по силе того влияния, какое он последовательно оказал на умственное развитие всего русского мира.

Униатское нововведение пользовалось особенною любовью и покровительством короля Сигизмунда; поддерживать его горячо принялись и иезуиты, захватившие в Польше воспитание и через то овладевшие всемогущею польскою аристократиею; — а потому было вполне естественно, что униатская сторона тотчас же взяла верх над православною. План римско-католической пропаганды состоял главным образом в том, чтобы отвратить от древней веры и обратить в католичество русский высший класс, так как в Польше единственно высший класс представлял собою силу. Орудием для этого должны были служить школы или коллегии, которые одни за другими заводились иезуитами на Руси. В Вильне иезуиты завели академию при Стефане Батории. Затем явилась иезуитская коллегия в Полоцке. В конце XVI века заведены были коллегии в Ярославле галицком и во Львове. В первой четверти XVII века возникли последовательно иезуитские коллегии в Луцке, Баре, Перемышле, во многих местах Белой Руси, в 1620 году — в Киеве, в 1624 — в Остроге. Позже они возникли и на левом берегу Днепра. Иезуиты с необыкновенным искусством умели подчинять своему влиянию юношество. Родители охотно отдавали своих детей в их школы, так как никто не мог сравниться с ними в скором обучении латинскому языку, считавшемся тогда признаком учености. Богатые паны жертвовали им фундуши на содержание их монастырей и школ; но зато иезуиты давали воспитание бедным безденежно и этим поддерживали в обществе высокое мнение о своем бескорыстии и христианской любви к ближнему. Они умели привязывать к себе детей, внушать им согласные со своими целями убеждения и чувствования и так глубоко укоренять их в своих питомцах, что к природе последних как будто прирастало навсегда то, что было приобретено в иезуитской школе. Главною, можно сказать, исключительною целью иезуитского воспитания в русских краях, в то время, было как можно более обратить русских людей в католичество и вместе с тем внедрить в них ненависть и презрение к православию. Для этого они употребляли не столько научные доводы и убеждения, сколько разные легкие и действующие на юношеский возраст средства, как например: показное богослужение, вымышленные чудеса, видения, знамения, откровения, устройство празднеств, игр и сценических представлений, имевших целью незаметно прилепить сердце и воображение детей к римскому католичеству. Иезуиты обращали в свою пользу свойственную молодежи склонность к шалостям и не только не обуздывали в детях дурные побуждения, но развивали их, чтобы обратить в пользу своих заветных целей. Так иезуитские наставники подстрекали своих учеников делать разные

оскорбления православным людям и особенно ругаться над православным богослужением: иезуитские ученики врываются в церкви, кричали, бесчинствовали, нападали на церковные шествия и позволяли себе разные непристойности, а наставники ободряли их за это. Но чтобы не возбудить против себя православных родителей и не заградить дороги к поступлению православных детей в свои училища, иезуиты часто уверяли, что они вовсе не думают обращать русских в латинство, говорили, что восточная и западная церковь одинаково святы и равны между собою, что они заботятся только о просвещении. Иезуиты, когда находили полезным, наружно удерживали даже своих православных питомцев от принятия католицизма, на том основании, что обе веры равны; но эти питомцы были подготовлены воспитанием так искусно к предпочтению всего католического и к презрению ко всему православному, что сами, как бы вопреки советам своих наставников, принимали католицизм; и тогда такое обращение приписывалось наитию свыше. Воспитанные в иезуитской школе и принявшие католицизм, русские оставались на всю жизнь под влиянием своих духовных отцов, которыми были те же иезуиты или же действовавшие с ними заодно католические монахи других орденов; духовные отцы поддерживали в них фанатизм на всю жизнь. Следствием того было то, что в первой половине XVII века распространение католицизма и унии пошло чрезвычайно быстро. Люди шляхетских родов обыкновенно были обращаемы прямо в латинство, а униа предоставлялась, собственно, на долю мещан и простого народа. Новообращенные, как католики, так и униаты, отличались фанатизмом и нетерпимостью. В городах, при покровительстве со стороны короля, воевод и старост, все преимущества были исключительно на стороне католиков и униатов: православных не допускали до выбора в должности; делались всевозможные стеснения для православных мещан в их промыслах, торговых и ремесленных занятиях, а православное богослужение подвергалось со стороны фанатиков поруганиям и оскорблениям. Такое положение побуждало тех, которые были послабее в благочестии, мимо своей охоты обращаться в унию. До 1620 года не было у православных митрополита, не стало и епископов, некому было посвящать священников, и во многих приходах униаты заступили место выбывших православных, а в иных местах по смерти священников церкви упразднились и к соблазну православных обращались в шинки. В имениях панских, а также в староствах, где судьба подданных находилась в безотчетном распоряжении владетелей, по приказанию последних, изгонялись православные священники, заменялись униатскими; подданные обращаемы были в унию, а упорные подвергались всякого рода насилиям и истязаниям. Во многих местах владельцы не управляли сами своими имениями, а часто отдавали их в аренду иудеям. Подданные поступали в распоряжение арендаторов и вместе с ними к последним поступали и православные церкви. Иудеи извлекали для себя из этого новые источники доходов, брали пошлины за право богослужения, так называемые «дудки»¹ за крещение младенцев, за венчание, погребение и т.д. Король и католические пань признавали законною греческою верою только унию, а тех, которые не хотели принимать унию, считали и обзывали «схизматиками», т.е. отщепенцами, и не признавали за их верою никаких церковных прав. При отсутствии иерархии число православных священников более и более уменьшалось, и православные, не хотевшие принимать унию, вырастали без крещения, не исполняли никаких христианских обрядов.

Но пока еще иезуиты не успели обратить в католицизм всего русского высшего класса, у православия оставались защитники между шляхетством.

¹ Первоначальное простонародное название монеты тройного гроша, по-немецки düttchen.

За православие стояли казаки. В 1620 году совершилось важное событие, несколько задержавшее быстрые успехи католичества. Через Киев проезжал в Москву иерусалимский патриарх Феофан. Здесь казачий гетман Петр Конашевич-Сагайдачный и русские шляхетские люди упростили его посвятить им православного митрополита. Феофан рукоположил митрополитом Иова Борецкого, игумена киевского Золотоверхо-Михайловского монастыря, и, кроме того, посвящая еще епископов: в Полоцк, Владимир, Луцк, Перемысль, Холм и Пинск. Король Сигизмунд и все ревнители католичества были сильно раздражены этим поступком. Сначала король, по жалобе униатских архиереев, хотел объявить преступниками и самозванцами новопоставленных православных духовных сановников, но должен был уступить представлениям русских панов и против своего желания терпеть возобновление иерархического порядка православной церкви, так как в Польше, по закону, все-таки признавалась свобода совести, по крайней мере для людей высшего класса. Это не мешало происходить по-прежнему самым возмутительным притеснениям там, где сила была на стороне католиков и униатов. Тогда в особенности прославилась нетерпимостью к православию униатский полоцкий епископ Иосафат Кунцевич; он приказывал отдавать православные церкви на поругание и мучить священников, не хотевших приступить к униии. Ожесточение народа против него дошло до такой степени, что в 1623 году толпа растерзала его в Витебске. Папа, узнавши о таком случае, убеждал короля Сигизмунда наказать епископов, не признающих униии, и самыми решительными мерами истреблять «гнусную, чудовищную, схизматическую ересь» (православие).

Но все старания римско-католической пропаганды, несмотря на блестящие успехи, не могли, однако, скоро достигнуть конечной цели, за православие, с одной стороны, ополчались казаки, с другой — поддерживало его возрождавшееся русское просвещение.

Братства были главнейшим орудием такого возрождения. Братства возникали одно за другим, а где появлялось братство, там появлялось и училище. Братства отправляли лучших молодых людей в западные университеты для высшего образования. С размножением училищ и типографий увеличивалось число пишущих, читающих, думающих о вопросах, касающихся умственной жизни, и способных действовать в ее кругу. Виленское Троицкое братство прежде всех перестало существовать для Руси: оно приступило к униии. Но в Вильне православные, тотчас после того, образовали другое братство при церкви Св. Духа, завели училище и печатание книг в защиту православия. В Киеве братство началось, как полагают, еще в конце XVI века, но его деятельное существование оказалось во втором десятилетии XVII века; в то же время основалось братство в Луцке. Замечательно, что все русские православные братства со своими учреждениями были явлениями более или менее кратковременными, не достигавшими своей главной цели. Братства эти могли держаться только до тех пор, пока католическая пропаганда не успела обратить в латинство все русское шляхетское сословие и вместе с тем оторвать от русской народности. Это совершилось в течение XVII века: весь высший класс русский олатинился, ополячился и братства исчезли сами собой. Одно киевское имело иную судьбу в русской истории.

Киеву, некогда бывшему уже средоточием русской политической и умственной жизни, опять выпала великая доля сделаться средоточием умственного движения, которое открыло для всей Руси новый путь к научной и литературной жизни. В 1615 году некто Галшка, урожденная Гулевич, жена мозырского маршалка Стефана Лозки, подарила принадлежавшее ей дворовое место со строениями и площадью в Киеве, на Подоле, с тем, чтобы там был основан Братский монастырь с училищем, который бы находился под

ведомством одного только константинопольского патриарха. Условием этого дара было то, чтобы это место со своими учреждениями ни в каком случае не выходило из прабославного владения. Галшка оставила за своими потомками право отнять у братства подаренное ею место, если бы какими-нибудь путями оно перешло в руки неправославных, и обязывала их в таком случае отделить на своей собственной земле другое место для той же цели. Тогда многие особы духовного и светского чина вписались в члены братства и обязались дружно и согласно защищать православную веру и поддерживать училище. Братство это по церкви, построенной на дворе, подаренном ему Галшкою, назвалось Богоявленским. В 1620 году патриарх иерусалимский Феофан утвердил устав братства и благословил его, чтобы это братство со своею церковью было патриаршею ставропигиею, т.е. не подлежало никакому другому духовному начальству, кроме константинопольского патриарха. В то же время, по просьбе волынских дворян и мещан, патриарх благословил правом ставропигии Крестовоздвиженскую церковь в Луцке, при которой основано было луцкое братство со школою, а константинопольский патриарх Кирилл Лукарис дал со своей стороны грамоту, которою утвердил уставы братских школ в Луцке и Киеве. При братской церкви должны были жить иноки, члены братства, под начальством игумена, который был пастырем и благочинным всего братства, надзирал с монашествующею братиею за порядком, давал наставления и заступался за братство в разных делах перед судом. Игумен имел также надзор и за школою; из числа монахов выбирался ректор школы; но ни игумен, ни ректор, ни вообще состоявшие в братстве монашествующие лица не могли делать никаких распоряжений без согласия светских братьев. Из числа светских братьев выбирались два лица для наблюдения за школою. Школа луцкого братства носила название *Еллино-словенской*, потому что в ней преподавались два языка. Ученики разделялись на три разряда: в первом учились читать, во втором читали и учили наизусть разные предметы, в третьем разряде объясняли выученное и обсуждали его. В ходе учения обращалось внимание, чтобы ученик как можно более усваивал и понимал выучиваемое; для этой цели, по окончании класса ученики должны были пересказывать уроки друг другу, списывать их и повторять перед родными и хозяевами, которым будут поверены, а на другой день, перед началом нового урока, отвечать учителю вчерашний. Предметами учения были, кроме первоначального чтения и письма, греческая и славянская грамматика с упражнениями, заучивание и толкование мест Св. Писания, Отцов церкви, молитв, богослужения; церковная пасхалия, счетная наука, а также места из философов, поэтов, историков; риторика, диалектика и философия. При этом строго запрещалось читать и держать у себя еретические и иноверческие книги. Для упражнения в языках постановлено было, чтобы ученики говорили не на «простом» языке, а на греческом или славянском. Ученики могли учиться не всем наукам разом, а только некоторым, смотря по их способностям, по совету ректора или по желанию родителей. В школу принимались дети всех сословий и состояний, начиная от зажиточных шляхтичей и мещан до бедняков, просивших милостыню на улицах; воспитателям строго постановлялось не делать между ними никаких различий, иначе как по степени их успехов: все они по очереди обязаны были исполнять должность слуг, топить печи, мести школу, сидеть у дверей и т.п. По отношению к нравственности, ученики должны были строго соблюдать правила благочестия, в каждое воскресенье и праздник собираться к богослужению и перед тем выслушивать приличные нравоучения, а после обеда слушать объяснение прочитанных в церкви мест Св. Писания. Четыре раза в год, в посты, обязаны были они говеть, а более благочестивые, кроме того, причащались и исповедывались в господские праздники. Школьное

начальство следило за их поведением, как в школе, так и вне ее, и наказывало розгами. Каждую субботу после обеда учитель читал им длинные нравоучения, как они должны были вести себя, и для памяти давал им испить «школьную чашу». Неисправимых исключали. Над самими учителями имело надзор братство, и они подвергались изгнанию за дурное поведение. Из этого устава видно, что религиозное воспитание ставилось на первом плане, и это вполне естественно, так как самая потребность в школьном воспитании вызвана необходимостью защищать православную веру против иезуитов и униатов. Киевская школа в это время имела, вероятно, такой же устав, с тою только разницею, что при греческом и славянском, там преподавался еще и латинский и польский языки, как показывает самое название киевской школы, упомянутое в грамоте Феофана: «Школа наук еллинско-славянского и латино-польского письма». Кроме главных школ, находившихся при братствах, по всей Южной Руси было рассеяно множество частных школ при монастырях и церквях; так об Иове Борецком есть известие, что, будучи священником в Воскресенской церкви на Подоле (в Киеве), он завел школу и отличался ревностью к воспитанию юношества. В старости и он, и жена его постриглись. Иов, в звании игумена Михайловского Златоверхого монастыря, занимался воспитанием детей и впоследствии, сделавшись митрополитом, заботился о процветании школ.

Распространение школьного учения дало Южной Руси ученых людей, способных выступить на литературную борьбу с врагами православной веры, и мы видим в первой половине XVII века возрастающую полемическую литературу в защиту догматов и богослужения православной веры. Одним из ранних писателей этой эпохи был Мелетий Смотрицкий. Еще при жизни Острожского он подвизался в литературе и написал возражение против нового римского календаря, который занимал тогда умы, и «Вириши на отступников», напечатанные в Остроге в 1598 году. Этот человек приобрел обширное ученое образование, дополнил его путешествием по Европе в качестве наставника одного литовского пана и слушал лекции в разных немецких университетах. По возвращении на родину в 1610 году он под именем Феофила Орфолога напечатал в Вильне по-польски: «Плач Восточной церкви», где в живых, сильных и поэтических образах представил печальное состояние отеческой веры, жалуясь главным образом на то, что знатные шляхетские роды один за другим отступают от нее. Сочинение это вызвало со стороны униатов едкое опровержение под названием «Паригория или Утоление плача». В 1615 году Смотрицкий сделался учителем в школе, находившейся в Литве в Евью, где была одна из знаменитых русских типографий XVII века. Здесь в 1619 году Мелетий напечатал грамматику славянского языка, замечательную по своему времени и показывающую значительное филологическое образование ее автора, который даже, вопреки всеобщему обычаю своего времени писать силлабические стихи, угадывал возможность метрического стихосложения для русского языка. Грамматика эта была принята для преподавания в школах и служила для распространения знания старославянского языка между русскими¹.

Когда Феофан восстановил русскую иерархию, Смотрицкий был посвящен им в сан архиепископа Полоцкого и написал по-польски: «Оправдание невинности», где доказывал право русского народа восстановить свою церковную иерархию и опровергал взводимые на него клеветы, будто он хочет изменить Польше и предаться туркам. Против этого сочинения тотчас же появилось на польском языке сочинение: «Двойная вина»; а вслед за тем началась на польском языке сильная полемика между обеими сторонами. Ког-

¹ По ней учился Ломоносов.

да в 1622 году был умерщвлен униат фанатик Иосафат Кунцевич, враги православия распространяли слухи, что главным поджигателем этого убийства был Смотрицкий. Жизнь его была в опасности; он уехал на Восток, странствовал три года, приехал в Рим и там принял унию. Возвратившись на родину, он написал по-русски «Апологию» своего путешествия, где оправдывал свое отступление и старался доказать, что в православной церкви существуют заблуждения. Митрополит Иов Борецкий созвал собор в 1628 году и пригласил на него Мелетия Смотрицкого. Мелетий приехал в Киев, уверял, что он хотел только подвергнуть критике некоторые неправославные мнения, вкравшиеся в сочинения православных защитников веры, как равно и злоупотребления, поддерживаемые невежеством духовенства, что игумен дубенского Преображенского монастыря Кассиан Сакович, которому он поверил печатание своей книги, прибавил туда лишнее без его ведома, и что он остается по-прежнему в ведомстве православной иерархии. Вскоре, однако, после этого собора, Мелетий снова объявил себя униатом и стал распространять свою «Апологию». Это вызвало со стороны православных горячую полемику. Иов Борецкий написал против Смотрицкого опровержение под названием «Аполлия» (погибель). Протоиерей слуцкий Андрей Мужилковский написал против «Апологии» Смотрицкого дельное сочинение на польском языке, наз. «Антидот». Были и другие сочинения против Смотрицкого.

Распространившееся в Руси польское влияние было так велико, что русские люди, ратуя за свою веру, писали по-польски и это вредило успехам русской литературной деятельности того времени; — иначе русская письменность была бы гораздо богаче. Самый русский язык в ученых сочинениях, писанных по-русски, страдает более или менее примесью польского. Из более выдающихся русских писателей того времени мы укажем на Захария Копыстенского, Кирилла Транквиллиона, Исаяну Копинского, Памву Берынду и др. Захарий Копыстенский, иеромонах, потом архимандрит Киево-Печерского монастыря, написал обширное сочинение, под названием «Палинодия», в котором подробно рассматривал главнейшие пункты отличия Восточной церкви от Западной и защищал догматы и постановления первой. Это сочинение, важное по историческим известиям о церковных событиях того времени, не было напечатано и до сих пор хранится в рукописях. Копыстенский издал, кроме того, по-русски сочинение «О вере Единой»; «Беседы Златоуста на послания Апостола Павла»; того же Златоуста «Беседы на Деяния» и «Толкование на Апокалипсис Андрея Кесарийского». В своих предисловиях к этим книгам издатель выражает желание, чтобы русские, как духовные, так и светские, поболее читали и изучали Св. Писание. «Толкование на Апокалипсис», изд. в 1625 году, посвящено пану Григорию Далмату, уже отступившему от православия внуку ревностного православного Константина Далмата, которому автор посвящал прежние свои переводы. Захария убеждает Григория возвратиться к вере отцов своих и говорит, что дед его возрадовался бы такому возвращению; при этом автор не затрудняется приводить примеры из греческой мифологии: «Если, — говорит он, — между Геркулесом и Тезеем была такая любовь и дружба, что один преемственно наследовал добродетели другого и старался извинить последнего от пленения в тартаре, то еще большая любовь, неразрываемая смертью, должна существовать между вашим дедом и вами». Это может служить образчиком, как языческо-классическая мудрость внедрялась в религиозное воспитание тогдашних книжников. При «Апокалипсисе» приложено несколько переводных слов и по поводу «Слова Иоанна Златоуста на Пятидесятницу», делается такое замысловатое объяснение известного выражения, которое католики постоянно приводили в подкрепление о папском главенстве — «Ты еси Петр, и на сем камне созижду церковь Мою»:

«Видите, Христос не сказал «на Петре», а сказал «на камне»; не на человеке, а на вере Христос построит церковь Свою, так как Петр сказал с верою: «Ты еси Христос, Сын Бога живого. Не Петра, а церковь нарек он камнем». В 1625 году Захария Копыстенский, будучи уже архимандритом, напечатал речь, произнесенную в день поминовения по своем предшественнике Плетенецком, доказывал в ней необходимость поминовения усопших и опровергал тех вольнодумцев, которые, следуя протестантским толкованиям, отвергали пользу молитв за усопших и поминовений, — из чего видно, что протестантские мнения продолжали волновать умы православных. Но здесь же проповедник счел нужным вооружиться против католического чистилища и доказывал, что учение свв. отцов о мытарствах совсем не то, что учение о чистилище. «Мытарства, — говорил он, — состоят только в разных препятствиях и беспокойствах, которые причиняют разлученной от тела душе злые воздушные духи, подобно тому, как таможенные чиновники беспокоят проезжего свободного человека на таможнях и заставах».

В русской православной церкви была ощутительная потребность в правилах, которыми должны были руководствоваться священники при исполнении своих треб и обрядов и в особенности исповеди. При долговременном невежестве вкратились большие беспорядки. Священники отправляли требы как попало, мало заботились об удержании своих прихожан в правилах благочестия, и это давало свободу всякого рода языческому суевериям. Захарий Копыстенский в 1620 году напечатал книгу для руководства священникам, где собрал в сокращении разные правила апостольские, вселенских и поместных соборов и свв. отцов. Книга эта называется «Номоканон или Законоправильник». Здесь, между прочим, встречаются любопытные известия о разных суевериях того времени, распространенных в народе¹.

Кирилл Транквиллион-Ставровецкий, прежде учитель в львовском братстве, а потом черниговский архимандрит, не менее Копыстенского отличался плодотворно литературного деятельностью, хотя сочинения его страдают многословием, риторством и самовосхвалениями. Около 1619 года он издал «Евангелие учительное, или Слова на воскресные и праздничные дни». Книга эта в Московском Государстве признана была неправославною. Важнее для нас другое сочинение Кирилла «Зерцало богословия», напечатанное в Почаеве в 1618 году. Замечательно, что оба сочинения посвящены

¹ Женщины надевали на детей своих и на домашних животных чародейские «шолки» или «конуры», с целью предохранить от бед и болезней; принимали внутрь чародейские снадобья, чтобы не рождал детей; надевали на детей своих «усерязи» в Великий четверток. Чаровницы употребляли в своих заговорах слова из псалмов, имена мучеников, и, написавши их, давали носить на шее, носили змею за пазухой, а потом, содравши с нее кожу, прикладывали к глазам и зубам для здоровья. Другие, с целью сделать какое-нибудь зло или произвести безладницу в семье (кому зло житием жито или нежитием ему житие сотворили) или продолжить болезнь, призывали бесов над гробами (бесов злотворных призывание окрест гроб... сиче чарования применовашася от еже над гробы плача и вопия), поили лихим зельем или давали в пищу такое, чтобы свести человека с ума, поссорить мужа с женою или нагнать любовную тоску. Иные прорицали будущее, предсказывали счастье или несчастье, толковали счастливые и несчастные дни рождения. Суеверные зывали к себе цыганок и гадальщиц; гадали на воске, на олове, на бабах. Были и такие, которые славились тем, что разгоняли облака, зачаровывали бури, угадывали, где находится украденная вещь и т.п. Номоканон обличает также пляски на свадьбах, праздник русалок, совершаемый с плясками на улицах, раскладку огней, что делалось в те времена не только на Купала, но и накануне других праздников и в особенности в день Вознесения, с чем соединилось особое гадание о счастии (да от оного счастие свое рассмотрият). Автор вооружается против тех, которые, воображая себе, что мертвец встает из гроба и ходит по земле, выкапывают тело из могилы и сожигают его. Он говорит, что мертвец не может вставать из гроба и ходить, но что диавол принимает образ мертвого и пугает людей мечтами. Бесы, по его толкованию, пугают разными мечтательными призраками тех, которые неосторожно приывают их имя.

знатным панам; первое Черторижскому, а второе молодому Ермолинскому с целью служить для него учебною книгою. Эти посвящения показывают, как литераторы нуждались в знатных покровителях. «Мала тебе сдается эта книжечка, — говорит автор в своем предисловии, — но прочитай-ка ее: увидишь высокие горы небесной премудрости!»

«Зерцало богословия» разделено на три части: первая толкует, собственно, о существе Божиим¹; вторая заключает в себе космографию, третья — о злосливом мире или вообще о зле. Самая любопытная для нас вторая часть, изображающая мировоззрение тогдашних ученых людей.

Мир разделяется на видимый и невидимый. Невидимый есть мир ангелов². Кирилл принимает древнее разделение ангелов на девять чинов (престолы, херувимы, серафимы, господства, силы, власти, начала, архангелы и ангелы), из них, собственно, только ангелы распоряжаются видимым миром и над ними старейшина архистратиг Михаил (той за всем чином своим страж и справца всего видимого мира). Одни ангелы поставлены на страже стихий и воздушных явлений: огня, молнии, воздуха, ветра, мороза и пр. Другие содержат и обращают круг звездного неба (одного из девяти небес); особые ангелы приставлены к солнцу, луне, морю; иные приставлены к земным государствам, другие находятся при верных людях. Если Бог посылает ангелов к людям, то они надевают на себя «мечтательное» тело, иногда с вооружением; но это только призрак, потому что где бы кузнецы взяли на небесах металл ковать ангелам вооружение? Дьяволы, падавшие духи, темные и отвратительные, разделяются на три вида: воздушные, водяные и подземные. Воздушные делают человеку зло разными изменениями воздуха: вихрями, бурями, градом, заразою воздуха и пр. Земные искушают людей на всякое зло, но они власти не имеют не только над людьми, но и над свиньями; они только подсматривают за человеком, и если у человека обнаруживается побуждение к дурному, они подстрекают его. Они постоянные лгуны (уставичные лгарева), и если прорицают, то им верить не следует. Иногда они мечтательно принимают на себя вид зверей и чудовищ, чтобы пугать людей.

Видимый мир создан из четырех стихий, различных и занимающих одна за другою место по своей тяжести. Низшая и самая тяжелая — земля; выше ее вода; над водою воздух; а выше его — самая легчайшая стихия, огонь. Огонь и вода непримиримые враги, но между ними миротворец — воздух. Вода двух родов: одна — над твердью небесною, другая — под твердью на земле. Твердь небесная есть сухая, легкая, непроницаемая материя, сверху которой Бог разлил воду для предохранения от верхнего эфирного огня, который бы иначе зажег твердь; но, чтобы не было темно на земле, Бог сотворил на тверди солнце, луну и звезды и вложил в них части эфирного света. Воздух есть та тьма вверху бездны, о которой говорится в Библии: к земле он теплее, согреваемый солнечными лучами; середина его холодна, а

¹ Вот определение Бога у Кирилла: «Бог есть существо пресущественное, албо бытность над все бытности, сама истотная бытность през ся стоящая, простая, несложная, без початку, без конца, без ограничения, величеством своим объемлет вся видимая и невидимая».

² Вот определение ангела: «Ангел есть бестелесное, неосязаемое, огневидное, пламенноносное, самовластное... Крепостью мог бы один ангел з росказания Божья увесь свет обвалити во мгновение ока и борзость его дивна, дух бо вем есть скорородный, яко быстрость блискавицы и помыслу нашего; во мгновение ока з неба на землю сниде и за ся земле на небо взыйде, телом не единым, неударжимым, но скрозь всякое тело без забороны приходит, не задержат его ни стены муров каменных, ни двери железные, ни печати. Место же ангелы описаны суть: если будет ангел на небе, на земле его несть, а если на земле, в небе его несть. Языка до мовения и уха до слышания не потребует и без голоса и зносного слова подают один другому разума своя».

верхние слои горячие. Гроза объясняется таким образом: пары поднимаются с моря и достигают верхних слоев горячего воздуха; от того делается шум, подобно тому, как раскаленное железо, положенное в воду, производит шум. Кирилл слышал, что земля кругла, как яблоко, и не противоречит этому. Он думает, что земля окружена водою для предохранения от эфирного огня. Море солоно оттого, что вода в нем недвижима, и если бы не была солона, то загнилась бы и засмердела. В человеке из пяти чувств — четыре соответствуют стихиям: вкус — земле, обоняние — воде, слух — воздуху, зрение — огню, а осязание «почувательную некую, особую силу иметь». Как в небе живет Бог, так в верхней части человеческого тела, в голове, в бескровном мозгу — ум, важнейшая сила души, а при нем другие силы: воля, память, доброта, мысль, разум, хитрость, мечтание, рассуждение, радость, любовь. Ум и разум у него не одно и то же. Ум — сила внутренняя, а разум приходит извне: «От кого иного научишься и разумеешь — то разум». Кирилл старается уподобить части человеческого тела стихийным явлениям: «во главе очи яко светила, глас, яко гром, мгновение ока, яко близканицы».

Под зловливым миром автор разумеет жизнь злых людей, не следующих повелениям Божиим. Подобно миру земному, состоящему из четырех стихий, зловливым мир состоит из четырех стихийных пороков: заздрости (зависти), пыхи (высокомерия), лакомства (алчности), убийства. Лакомство соответствует воде; убийство — земле; заздрость и пыха — воздуху и огню. Дьявол есть творец и содержатель зловливого мира.

Мы привели эти сведения из сочинения одного из видных литературных деятелей того времени, чтобы показать, как далека была тогдашняя ученость от прямого пути в области мирских знаний. Русские ученые выступали в борьбу со своими врагами с запасом многих разных сведений по части церковной истории и богословия, но были невеждами во всем, что касалось природы и её законов, хотя, как показывают их сочинения, и чувствовали потребность этого знания. Они повторяли только старые средневековые нелепости. Ученость их поэтому носила характер крайней односторонности; с распространением такого рода просвещения развивалась страсть к риторической схоластической болтовне, к легкому и дешевому символизму. Это мы видим на том же Кирилле Транквиллионе. В главе о Вавилоне Темном он разбирает апокалипсические образы и дает полную волю всяким сопоставлениям и объяснениям, которые мог он отыскать в изобилии на всякие лады у прежних толкователей. Вавилон — это громада злых людей, дракон — дьявол, семь рогов — семь смертных грехов, воды — народы, жена, сидящая на водах — «пыха свету сего», пятно на челе — измены и обманы, чаша, кровью исполненная — замки будовные, палацы и дмахи (чертоги) спанялые (великолепные), дочь Сиона называется виноградом, вежею (башнею), на которой висят сто тарчов (щитов): это церковь с ее писаниями; она — гора «тучная, упитанная з оброков небесной премудрости» и прочее и прочее.

Как распространилась тогда риторическая словоохотливость, показывает вошедший обычай сочинять молитвы. В Вильне издана была книжка «Вертоград душевный», в которой помещаются дневные богослужения, т.е. полуночница, заутреня, часы, вечерня, повечерница, и в них вплетены пространные, сочиненные вновь молитвы.

Монашеское направление, так долго господствовавшее в православной церкви в Южной Руси, и на этот раз нашло себе представителей: как на замечательнейшее в этом роде сочинение мы укажем на «Духовную Лествицу» Исайи Копинского. Автор был печерским монахом, девятнадцать лет наблюдал Антониевы пещеры, потом был приглашен князем Михаилом Вишневецким для устройства Густинского монастыря (близ Прилуки), впослед-

вии был киевским митрополитом. Его «Духовная Лествица» отлична от известной книги «Лествицы» Иоанна Лествичника, бывшей в большом ходу у благочестивых людей в старину. Исходная точка сочинений в сочинении Исаяи очень своеобразна. Автор признает началом греха безумие, незнание, началом добродетели — разум и знание, а истинное познание достигается только путем учения и уразумения природы. Он находит, что, только изучивши природу, мы можем приступить к познанию самих себя, и, только изучивши свое существо, можем перейти к познанию Бога¹. Никогда на Руси не раздавалось из уст русского монаха большего уважения к положительной науке; но после этого автор, так сказать, круто поворачивает на прежнюю торную дорогу монашеских сочинений. У него разум двоякий — внешний и божественный, двоякая мудрость — внешняя и божественная, два знания — внешних и божественных предметов, и оказывается, что Бога можно познать только высшим божественным разумом. Что касается до внешней мудрости, то она делается почти ненужною. Путь к высшему разумению есть «умное делание», подобно тому, как говорил когда-то Нил Сорский, — монашеская созерцательность, воздержание, пост, сокрушение сердца. Монашество — высший образец; все плотское — гной, тлен, прах. Автор думает, что если бы Адам не согрешил, то люди бы не рождались младенцами и рождались бы не так, как теперь рождаются. «Человек, — говорит он, — рождаясь от женщины, и стремится к соединению с нею, но тем самым умирает душою; так как соль, хотя рождается от воды, но соединяясь с водою вновь, — исчезает; так и человек, хотя рождается от женщины, но как соль растворяет, «когда паки к греховному плотскому соплетению лепится». Автор, хотя не может отрицать брака, но предоставляет его в виде снисхождения только человеческим существам низшего разряда, тогда как люди высшие, монахи, должны предпочитать безбрачную чистоту.

Далее все сочинение состоит из бесед о том, как следует монаху вести строго постную жизнь, избегать хвастовства, высокомерия, сребролюбия и других пороков.

Умственное движение, возникшее в Южной Руси, получило новый толчок и новую силу с наступлением деятельности Петра Могилы.

Фамилия Могил принадлежит к древним знатным родам молдавским. В конце XVI века, при помощи польского гетмана Яна Замоиского, один из Могил, Иеремия, сделался господарем молдавским, а в 1602 году брат его Симеон господарем валахским. В 1609 году Симеон стал также господарем и Молдавии, но не надолго. Сначала он уступил господарство племяннику своему Константину, а потом турки лишили эту фамилию господарства. Напрасно польские паны: Стефан Потоцкий, князья Корецкий и Вишневецкий, родственники Могил по женам, старались восстановить их на господарстве. Могилы должны были искать приюта в Польше. Сын Симеона, Петр, учился, как говорят, в Париже, потом служил в военной службе в По-

¹ «Никто же не может познати Бога, дондеже не познает первее себе, не приидет же совершение в познание себе, дондеже первие не придет в познание твари и всех вещей в мире зримых и разумеваемых рассмотрению. Егда же приидет в познание сих, тогда возможет прийти в познание себе, тоже и Бога, и тако приходит в совершенное с Богом любовию соединение... Первие всея твари рассмотрение от чего и чесога ради сия суть, во еже ни единой вещи утаенной и недоуменной быти от него... Первие подобает долгая вся разумети, таже горняя, не бо от горних на нижняя восходити должны семи».

² «Прилепися же к несвойственному плотскому вожделению, сего ради по нужде подпаде пленению и смерти нетления бо и жизни отлучися, подпаде в сиевое плотское неразумное сочетание, от совершенного разума и возраста преступлениям изведе Адам естество наше в детский возраст бессловесное младоумие, во еже малыми немощесмотрящими отротачы в мир раждатися нам, по нужде сие раждатися и быши в мир осужденны быхам».

льше, а в 1625 году постригся в Печерской Лавре, еще не достигши 30 лет от роду. Вступление в монашеское звание лица, такого знатного и притом состоявшего в родстве с могущественными польскими домами, давало поддержку православному делу. Через год скончался печерский архимандрит Захария Копыстенский. Тогда возник вопрос о том, чтобы молодому молдаванину Могиле сделаться архимандритом. Его связи и богатство представляли в будущем большие надежды для лавры: но не вся печерская братия готова была выбрать его. Многие не возлюбили его; другие соблазнились его молодостью; но за пределами монастыря у Могилы было много сильных сторонников, желавших доставить ему видное и выгодное место архимандрита печерского. Два года шли об этом толки; противникам Могилы, как видно, не давали избрать другого; наконец, Могила был избран, тем более, что митрополит Иов Борецкий был за него. В 1628 году Сигизмунд III утвердил его. Новый архимандрит тотчас же заявил свою деятельность на пользу монастыря, завел надзор над священнослужителями в селах лаврских имений, незнающих из них приказывал учить, а упрямых и своевольных подвергал взысканиям; подновил церковь, не жалел издержек на украшение пещер, подчинил лавре Пустынно-Николаевский монастырь, основал Голосеевскую пустынь, построил на свой счет при Лавре богадельню для нищих и задумал заводить при Печерском монастыре высшую школу. Рассчитывая, что для последней цели необходимы хорошие учителя, он прежде всего начал отправлять молодых людей за границу на собственный счет. В числе их были: Сильвестр Коссов, Исайя Трофимович, Игнатий Оксенович-Старушич, Тарасий Земка и Иннокентий Гизель. Для новой школы он избрал место с огородом и садом, близ больничной Троицкой церкви, поставленной над печерскими воротами, и дал от себя фундушевую запись, которою обязывался содержать училище на собственный счет.

В 1631 году скончался митрополит Иов Борецкий. Место его занял Исайя Копинский, бывший в то время архиепископом смоленским и черниговским. Посланные за границу молодые люди стали возвращаться на родину, но тут записанные в братство православные духовные, дворяне и казачьи старшины с гетманом Петрижицким от лица всего войска запорожского, обратились к Петру Могиле с просьбою не заводить особого училища в братстве, а обратить свои пожертвования на существовавшее уже братское училище на Подоле. Просьба эта была вполне разумна: не следовало разрывать сил, полезнее было соединять их. Могила согласился. В декабре 1631 года члены братства составили акт, в котором Петр Могила назывался старшим братом, блюстителем и пожизненным опекуном киевского братства. В марте 1632 года гетман Петрижицкий от лица полковников и всего войска запорожского обещал в случае нужды защищать оружием церковь, монастырь, школы и богадельню братства: а киевские дворяне, в лице выбранных из среды своей старост, обещали заботиться о содержании училища.

В апреле 1632 года скончался король Сигизмунд III. По польским обычаям, по смерти короля, собирался сначала сейм, называемый «конвокационным», на котором делался обзор предыдущего царствования и подавались разные мнения об улучшении порядка; потом собирался сейм «элекционный» уже для избрания нового короля. Остатки православного дворянства сплотились тогда около Петра Могилы с целью истребовать законным путем от Речи Посполитой возвращения прав и безопасности православной церкви. Главными действующими лицами с православной стороны в это время были: Адам Кисель, Лаврентий Древинский и Воронич. При их содействии, митрополит Исайя и все духовенство уполномочили ехать на сейм Петра Могила. Православные требовали уничтожения всяких актов и привилегий, запрещавших православным строить церкви и допускавших вести

против них процессы по религиозным делам с наложением секвестрации на их имения, домогались возвращения православным всех запечатанных церквей, всех епархий, требовали безусловного права заводить коллегии, типографии, возвращения отобранных униатами церковных имений и строгого наказания тем, которые будут наносить оскорбления и насилия православным людям. Вместе с просьбою дворян и духовных подали на сейм просьбу казаки в более резких выражениях, чем дворяне и духовные. «В царствование покойного короля, — писали они, — мы терпели неслыханные оскорбления... Униаты отстранили от городских должностей добродетельных мещан нашей веры и засмутили сельский народ; дети остаются некрещеными, взрослые сожительствоуют без брачного обряда, умирающие отходят на тот свет без причащения. Пусть уния будет уничтожена; тогда мы со всем русским народом будем полагать живот за целост любезного отечества. Если, сохрани Боже, и далее не будет иначе, мы должны будем искать других мер удовлетворения». Такой резкий тон сильно раздражил панов, которые вовсе не хотели давать казакам права вмешиваться в государственные дела. «Они называют себя членами тела Речи Посполитой, — говорили паны, — но они такие члены, как ногти и волосы, которые обрезают». Но голос шляхетства не мог быть оставлен без внимания. При посредстве королевича Владислава составлен был мемориал, в котором предполагалось отдать православным киевскую митрополию, кроме Софийского собора и Выдубицкого монастыря и всех митрополичьих имений, предоставить им сверх того Львовское епископство, Печерский и Жидичевский монастыри с их имениями, дать по нескольку церквей в некоторых городах, позволять братствам распоряжаться школами, мещанам занимать городские должности и пр. Дальнейшее решение дела о свободе православного исповедания отложено было до «элекцийного» сейма. Но и на элекцийном сейме казачьих послы вновь появились с резкими требованиями. По поводу этих домогательств начались сильные и горячие прения о вере между панами. Ревностные католики не хотели утверждать даже того мемориала, на который согласился «конвокационный» сейм. Кисель и Древинский пространно и сильно защищали права греческой религии. Православные не были довольны самым мемориалом и хотели еще более широкого. Петр Могила был душою их совещаний и, наконец, вместе с православными дворянами, он лично обратился к новоизбранному королю Владиславу. Так как Польша в это время находилась в неприязненных отношениях с Москвою, то Владислав понимал, что расположение казаков и русского народа было чрезвычайно важно для короля и всей Польши; да и вообще Владислав был сторонник свободы совести. Он дал православным «диплом», которым предоставлял им более прав и выгод, чем те, какие были написаны в мемориале, составленном на конвокационном сейме. Предоставлена была полная свобода переходить как из православия в унию, так и из унии в православие. Митрополит киевский мог по-прежнему посвящаться от константинопольского патриарха. Отдавалась православным немедленно луцкая епархия; а перемышльскую положено отдать после смерти тогдашнего униатского епископа; учреждалась новая епархия во Мстиславле; снимались всякие запрещения, стеснения, запрещалось делать оскорбления православным людям. Православные дворяне, бывшие на сейме, тогда же порешили удалить от митрополии Исаяю Копинского как человека уже престарелого и болезненного и избрали, вместе с бывшими там духовными, в митрополиты Петра Могилу. Король утвердил этот выбор и дал Петру Могиле привилегию на преобразование киевского братского училища в коллегию. Посланный в Константинополь ректор киевских школ, Исая Трофимович, испросил для Петра Могилы

патриаршее благословение, и тогда волошский епископ во Львове рукопожил Петра Могила в митрополиты¹.

Назначение Петра Могила митрополитом в Киеве произвело чрезвычайный восторг. Ученики братского училища сочиняли ему гимны и панегирики. «Если бы ты вздумал, — говорилось в приветствии ему, — отправиться от Киева до Вильно и до пределов русских и литовских, с какою радостью встретили бы тебя те, которыми наполнены суды, темницы и подземелья за непорочную веру восточную?» Типографщики поднесли напечатанную ими стихотворную брошюру под названием «Евфония веселобремая», а киевские мещане, заодно с казаками и православными духовными, в порыве восторга бросились отнимать у униатов древнюю святыню русскую — Софийский собор. Униатский митрополит Иосиф Вильямин

¹ По известиям одного современника, православного, но ополяченного шляхтича Ерлича, Петр Могила, прибывши в Киев в 1633 г., обращался грубо и жестоко со своим предместником Исаяею Копинским: дряхлого и хворого старика схватили в Златоверхо-Михайловском монастыре в одной волосянице, положили на лошадь, словно мешок, и отправили в Печерский монастырь, где он скоро и скончался в нужде. По известию того же Ерлича, Петр Могила был человек жадный и жестокий, истязал бичами монахов Михайловского монастыря, допытываясь, где у них спрятаны деньги; одного печерского монаха Никодима обвинил в наклонности к уни и отослал к казакам, которые приковали его к пушке и продержали таким образом шестнадцать недель. Эти известия не могут быть признаны вполне достоверными. В 1635 году в городском овражском суде происходил процесс между иноками Михайловского Златоверхого монастыря и Исаяею Копинским. Иноки жаловались, что Исаяя Копинский в 1631 году, — опираясь на то, будто все монахи Михайловского монастыря избрали его игуменом, — выгнал, при содействии казацкого гетмана Гарбузы, игумена Филофея Кизаревича и оставался в монастыре до 10 августа 1635 года, а в этот день, уехавши из монастыря, взял с собою документы на монастырские имения и захватил также разные вещи из ризницы. Это показание противоречит известию Ерлича, относящего это событие к 1633 году, так как из показания монахов видно, что Исаяя оставался в Михайловском монастыре гораздо долее 1633 года. Существует протестация самого Исаяя Копинского, который показывает, будто он уехал из монастыря потому, что Могила притеснял монастырь, делал разорение монастырским местностям и после удаления его, Исаяи, неправильно отдал монастырь во власть Филофея Кизаревича, окрестивши его игуменом. Но протестация Исаяи заключает в себе неверность. Не Могила, после удаления Исаяи из Михайловского монастыря, окрестил игуменом этого монастыря Филофея Кизаревича. Кизаревич был избран Михайловским игуменом еще прежде, чем Исаяя овладел монастырем в 1631 году. Это несомненно из актов того времени, на которых Кизаревич подписывался игуменом Михайловского монастыря. Оказывается, что в самом монастыре было две партии, из которых одна хотела дать игуменство Кизаревичу, другая — Копинскому, и Могила, как кажется, благоприятствовал primero. После протестации, поданной Исаяею, Могила февраля 1637 года пригласил Исаяю в Луцк и там, в присутствии многочисленного духовенства, примирился с ним. Исаяя дал Петру Могиле «квит», т. е. отказался от своего иска. Но вслед за тем Исаяя, через своего поверенного, возобновил свой иск, заявивши, что Петр Могила насилем принудил дать ему квит. Жалоба дошла до короля. Исаяя внес в градские владимирские книги королевское письмо к вольнскому воеводе о назначении комиссии для разбирательства спора между Петром Могилою и Исаяею. Из этого письма видно, что к королю поступила жалоба, будто Петр Могила не только ограбил церковное и частное достояние Копинского, но и самого Исаяю бил до крови и подвергал тяжелому заключению. Так как производство дела этой комиссии до нас не дошло, то и нет возможности для истории произвести приговор по этому делу. Но у Ерлича встречается еще одно известие о Могиле, также несправедливое. Ерлич говорит, будто Могила, желая завести школу в Печерском монастыре, выгнал монахов Троицкого больничного монастыря, чтобы отдать под школу занимаемое ими место. Из актов же того времени видно, что Могила, будучи еще архимандритом, назначил под предполагаемую школу место с садом и огородом по одну сторону главных ворот, на которых находилась больничная церковь, между тем как госпиталь с больничными монахами находился на другой стороне от ворот. Таким образом, не было никакой необходимости Могиле выгонять монахов для постройки школы. Притом же, сам Могила заботился о госпитале и содержал его на свой счет.

Руский жил не в Киеве, а в Вильне. Софийский собор стоял пустой; богослужение в нем не отправлялось; а ключи находились у шляхтича Корсака. Место, где находится Софийский собор, было тогда за городом и отделялось от жилой части Старого города валом. Близ него расположена была небольшая Софийская слободка. Там жил Корсак, страж покинутого храма. Киевляне, под предводительством Баляски, Веремеенка и слесаря Бьковца, толпою в пятьсот человек бросились на дом Корсака. Пан был в отлучке; в доме оставалась его мать, у которой были в то время гости. Киевляне потребовали ключей от собора. Пани Корсакова не дала ключей. Тогда киевляне объявили, что сами найдут ключи, бросились к собору, отбили колодки, которыми запирался собор, выломали двери, отколотили тех, которые хотели помешать им, забрали ризницу и утварь и отвезли в лавру к митрополиту. Затем толпа вновь вернулась в дом Корсака и начала выгонять из дому пани Корсакову и ее родных, сидевших с доминиканами, которых она нарочно позвала, чтоб они впоследствии на суде могли быть свидетелями. Толпа ругала пани Корсакову, прицеливалась ружьями в форточку окна и кричала: «Выволочемо ее на двор и расстреляймо!» На другой день киевляне вывели пани Корсакову и ее родных из дому и обязали слобожан повиноваться православному митрополиту. Вместе с церковью Св. Софии, киевляне тогда же овладели деревянною церковью Св. Николая, на месте Десятинной, и деревянными стенами церкви Св. Василия, построенной св. Владимиром на Перуновом холме.

Первым делом митрополита было привести церковь Св. Софии в благолепный вид и освятить ее для богослужения; он называл ее «единственным украшением православного народа, главою и матерью всех церквей». Петр Могила старался восстановить древнюю святыню Киева и вместе с тем оживить в народе воспоминание древности. Таким образом, он возобновил церковь Св. Василия; из развалин Десятинной церкви соорудил новую каменную церковь, причем, во время производства работ, нашел в земле гроб св. Владимира и поставил голову его в Печерском монастыре для поклонения, возобновил также древнюю церковь Спаса на Берестове. С особенною любовью относился он к Софийскому собору¹, хотя жил постоянно в Печерской Лавре, оставаясь ее архимандритом.

Петр Могила обратил внимание на то, что в церковных богослужебных книгах, бывших в употреблении в Южной и Западной Руси, вкрались неправомерности и разногласия. Они были в то время тем неуместнее, что противники православия указывали на это обстоятельство, как на слабую сторону, и утверждали, что в православном богослужении нет единообразия: в одной книге попадаются об одном и том же предмете совсем иные выражения, чем в другой, и каждый священник может употреблять тот или другой способ. Этим противники силились доказать, что церковь, не имея единого главы, не в силах удержать правильности в своих богослужебных книгах, а тем самым указывали на необходимость подчинения единому главе в образе папы. Могила

¹ Ему приписывают сооружение пристроек к Ярославовой стене, укрепление их конгрфорсами, закладку куполов на хорах, сооружение над ними других куполов на кровле и даже размазевку стен, которую закрыты были старые Ярославовы фрески. Но с этим нельзя согласиться. Архитектура пристроек и особенно двухглавые орлы, указывают на более позднее время. Сверх того существуют рисунки, составленные после Могилы, на которых Софийский собор не в том виде, в каком теперь. В «Триоди», изданной во Львове, в 1642 году, в посвящении Петру Могиле говорится о возобновлении Св. Софии в таком виде: «церковь Св. Софии в богоспасаемом граде Киеве негдось от святые памяти княжати и самодержца всея России Ярослава сбудованую и на приклад всему свету выставленную, пресвященство ваше в руинах уже будущую знову реставровал и до першей оздобы коштом своим старанем своим привел, а до того и внутрь розмаитыми иноками святых Божиих и аппаратами церковными дивно приоздобил».

постановил, чтобы вперед богослужебные книги не выходили в печать без пересмотра и сличения с греческими подлинниками и без его благословения; сам он лично трудился над их пересмотром. В 1629 году Петр Могила издал «Служебник», одобренный на киевском соборе митрополитом Иовом Борецким и южнорусскими епископами. Этот «Служебник» отличался от прежних тем, что в нем приложено догматическое и обрядовое объяснение литургии, написанное одним из учеников Могилы, Тарасием Земкою. Таким образом, русские священнослужители получили впервые единообразное руководство для совершения литургии, а вместе с тем могли понимать то, что совершали. Через десять лет, в 1639 году, Могила, уже будучи митрополитом, издал вторым изданием свой «Служебник», значительно умноженный ектениями и молитвами, сочиненными на разные случаи жизни.

Приведение в единообразии православного богослужения, надлежащее отправление священниками их обязанностей и улучшение их нравственности сильно и постоянно занимали Петра Могила. С этими целями в 1640 году Могила назначил собор в Киеве и на этот собор приглашал не только духовных, но и светских особ, записанных в братствах; по его взгляду на состав церкви, будучи членами церкви, как христианского общества, имели право подавать свой голос в церковных делах. «Наша церковь, — писал Могила в своем окружном послании, — оставаясь ненарушимой в догматах веры, сильно искажена в том, что касается обычаев, молитв и благочестивого жития. Многие православные, от частого посещения богослужения иноверцев и слушания их поучений, заразились ересью, так что трудно распознать: истинно ли они православные или одним только именем? Другие же, не только светские, но и духовные, прямо покинули православие и перешли к разным богомерзким сектам. Духовный и монашеский сан пришел в нестроение; нерадивые настоятели не заботятся о порядке и совсем уклонились от примера древних Отцов церкви. В братствах отвергнута ревность и нравы предков; каждый делает что хочет». Могила заявлял, что он желает возвратить русскую церковь к древнему благочестию, и находил, что цель эта может быть достигнута посредством собора духовных и светских людей. Деяния этого собора не дошли до нас, но, вероятно, плодом его совещаний явилось новое издание «Требника» в 1646 году. Этот «Евхологион» или «Требник» — подробнейший сборник богослужений, относящихся к священным требам, и долгое время служивший руководством во всей России, известен под именем «Требника Петра Могилы»¹. При составлении его руководствовались требниками греческими, древнеславянскими, великорусскими и отчасти римскими. Могила, защищая православие от католичества, не стеснялся, однако, заимствовать из западной церкви то, что не противно было духу православия и согласовалось с практикою первобытной церкви². В своем «Требнике» Могила не

¹ «Читая эту книгу, — говорит в предисловии к ней Могила, — легко понять, что способ совершения Св. Таин остается у нас единообразным; стоит только сличить наш «Евхологион» с греческим. Если в требниках, изданных в Остроге, Львове, Стрятине, Вильне есть какие-нибудь описки и погрешности, то такие, которые не отменяют ни числа, ни материи, ни формы, ни силы, ни skutков (последствий) Св. Таинств; притом, отмены произошли от простоты и нерассудительности исправителей; при всеобщем невежестве и при небытности православных пастырей, издатели смотрели не на сущность материи или формы, а на одни существовавшие обычаи. И потому иное нужное опустили, а ненужное внесли».

² От времен Могилы остались до сих пор в Малороссии немногие местные отличия в богослужении, не принятые в Великой Руси, так напр. заимствованные из западной церкви «Пассии», — чтения Евангелий о страданиях Иисуса Христа с пением страстных церковных стихов на повечерии по пятницам, в первые четыре недели Великого поста, причем говорятся иногда и проповеди.

ограничился одним изложением молитв и обрядов, а прибавил к нему объяснения и наставления, как поступать в отдельных случаях, так что этот требник не только служил руководством для машинального отправления треб, но имел значение научной книги для духовенства. Тем не менее, к досаде Могилы, не все довольствовались этим однообразным руководством и помимо него издавались другие требники частными лицами. Пока образовалось новое поколение пастырей из преобразованной Могилою коллегии, он обращал внимание, чтобы ставленники, по крайней мере, не были круглыми невеждами, и постановил, чтобы искатели священнических мест, до своего посвящения, оставались некоторое время в Киеве и учились у сведущих лиц. Подготовка эта продолжалась иногда и до года. Сам Могила экзаменовал их и содержал во время обучения на свой счет. Могила вскоре увидел необходимость составить полную систему православного вероучения и под своим руководством приказал составить ученому Исаяи Трофимовичу православный катехизис. По составлении его Могила созвал сведущих духовных лиц из всей Южной и Западной Руси, дал им на рассмотрение новую книгу, а потом снесся с патриархами. С целью окончательно рассмотреть и утвердить катехизис, созван был в Яссах ученый собор в 1643 году, куда Могила послал Трофимовича вместе с братским игуменом Иосифом Кононовичем и проповедником Игнатием Старушичем. Со стороны константинопольского патриарха послано было два ученых грека. Греки долго спорили с русскими, истребовали отмены кое-каких мест и наконец утвердили катехизис, затем книга была отправлена на утверждение всех патриархов; она хотя и была утверждена, но слишком долго рассматривалась, и Могила не успел ее напечатать¹. Вместо нее Могила приказал напечатать в 1645 году краткий катехизис. Цель его выражена в предисловии, где говорится: «Книга эта публикуется не только для того, чтобы священники в своих приходах каждый день, в особенности в воскресные и праздничные дни, читали и объясняли его своим прихожанам; но также, чтобы мирские люди, умеющие читать, преподавали одинаковым способом христианское учение, преимущественно, чтобы родители учили по ней своих детей, а владельцы подвластных себе людей, а также, чтобы в школах все учителя заставляли своих учеников учить наизусть по этой книжечке». Катехизис этот, по способу своего изложения, послужил первообразом всех катехизисов последующего времени. Оно изложено в вопросах и ответах и состоит из трех частей: в первой рассматривается Символ веры по членам, во второй — молитва Господня, в третьей — заповеди.

Могила, как человек ученый, принял деятельное участие в тогдашней горячей полемике, происходившей между православными и католиками. Нечто Кассиан Сакович, прежде православный учитель киевской школы и написавший вирши по-русски на смерть Сагайдачного, отступил от православия сначала в унию, а потом в католичество и сделался ненавистником отцовской веры. Когда Могила в 1642 году собирал собор, Сакович написал против этого собора по-польски едкую сатиру, а вслед за тем разразился обширным сочинением на польском же языке, под названием «Перспектива заблуждений, ересей и предрассудков Русской церкви». Сакович в этом сочинении держится способа, введенного иезуитами и долгое время сохранявшегося в Польше во всех спорах и нападках католиков на Русскую церковь. Способ этот состоял в том, что подмечались и собирались случаи всевозможнейших злоупотреблений, зависевших как от невежества, так и от дур-

¹ Ей суждено было уже по смерти Могилы быть напечатанной в Европе, сперва на греческом, а потом на латинском языке, заслужить уважение ученых богословов, а на славянском языке выйтись уже в 1696 году в Москве и то в переводе с голландского издания на греческом языке 1662 года.

ных качеств тех или других личностей, занимавших священнические места, и такие случаи принимались как бы за нормальные признаки, присущие православно́й церкви. Все сочинение Саковича наполнено подобного рода обличениями. Кроме того, Сакович, как ревностный последователь римской церкви, старается осуждать все, что в православии несходно с нею. В ответ на это Могила написал обширное сочинение, явившееся в 1644 году под названием: «Лифос альбо камень». Сочинение Могила под псевдонимом Евсевия Пимена (т.е. благочестивого пастыря), было написано по-польски, так как главно́ю целью автора было представить в глазах поляков несправедливость нападков их духовных против православия; но в то же время существовала и его русская редакция, до сих пор остающаяся в рукописи¹. Лифос, кроме посвящения Максимилиану Бржозовскому и предисловия к читателям, состоит из трех отделов: в первом рассуждается о таинствах и обрядах; во втором — о церковном уставе; в третьем — о двух главнейших догматических различиях восточной церкви от западной: об исхождении Св. Духа и о главенстве папы. Автор в некоторых местах относится с бранью и резкими остротами к своему противнику, называет его прямо лжецом; или, напр., по поводу желанья Саковича ввести в Русскую церковь латинские обряды, выражается так: «Неудивительно, что тебе, новообращенному рачителю римского костёла, хочется весь римский чин перенести в восточную церковь! Как сам ты с одним ухом, так хочешь, чтобы все люди были одноухие и порезали бы себе уши!» Но с совершенным беспристрастием автор Лифоса признает справедливость многих злоупотреблений, указанных его противником; только он объясняет их печальным положением церкви, не имевшей долгое время пастырей и умышленно угнетаемой униєю, а также невежеством и рабским положением приходских священников под властью панов. Сакович, например, обвиняет православных священников в том, что они совершали насильные и противозаконные браки. На это автор Лифоса говорит: «Это бывает; но что же делать священнику, когда пан ему говорит: или обручай, поп, или голову подставляй; поневоле поп будет все делать, когда господин города, либо села, или управляющий господина, начнет устрашать бедного священника дубиною, а иногда прикажет бросить в тюрьму». Многие нападки Саковича Могила называет ложью и клеветою и прямо свидетельствует, что приводимых Саковичем признаков нет и не было в православной церкви. Вообще во взгляде на значение обрядов Могила отличает существенные главные признаки от призрачных. Существенными он называет те, которые при всяких видоизменениях должны оставаться непоколебимо; они, по толкованиям Могила, заключаются: а) в материи, б) форме или слове и в) интенции (намерении) совершающего священнодействие. Таким образом в таинстве крещения вода составляет материю; произнесение слов: «крещается во имя Отца, Сына и Св. Духа» — форму; наконец, внутреннее намерение или желание совершающего таинство низвести благодать Св. Духа — интенцию. Точно так же в литургии существенную часть ее составляют, кроме внутреннего *намерения* священнослужителя: *материя*, т.е. хлеб и вино, и форма, т.е. освящающие ее слова Спасителя: «Приимите, ядите и пейте от нея вси». Весь

¹ Полное заглавие ее следующее: «Лифос, или камень с праши истинны Церкви святыя, православныя российския, на сокрушение ложнопомраченной перспективы или безвестного оболгания, от Кассиана Саковича, бывшего прежде некогда архимандрита Дубенского, унита, аки о блуждениях, ересех и самоумышлениях Церкви Русския, в Унии не сущия, тако в составлениих веры, якоже в служении тайн и о иных чинех и законопреданиях обретающихся, лето Божия 1642 в Кракове типом изданного, верженный чрез смиренного отца Евсевия Пимина в монастыре св. чудотворныя Лавры Печарокиевския, лета Господня 1644».

чин богослужения, в который облечены или заключены существенные признаки, может видоизменяться в разных церквах. Смотри по местностям, древним обычаям и преданиям, могут существовать различные обряды, — но это не мешает вселенскому единству Христовой церкви, если только при этом нет уклонения от признаваемой церковью догматики. Таким образом, к римскому обрядному чину следует относиться с равным уважением, как и к восточному, несмотря на его различие, насколько этот чин не уклоняется от учения вселенской церкви. Обряды могут в одной и в той же церкви, смотря по временным потребностям, изменяться, дополняться и сокращаться, но не иначе как на основании соборов. Каждый из священников в отдельности должен строго исполнять все постановленное принятыми в данное время богослужебными книгами. Таков был взгляд знаменитого митрополита на весь строй внешнего богослужения; он относится непримиримо к римской церкви, но никак не по причине различия богослужебного чина, а за ее догматические заблуждения, из которых признание абсолютного главы в особе римского папы занимает первое место. Замечательно, что противник Могилы, Сакович, между прочим, ставит в упрек православной русской церкви и то, что она лишена «великородных господ». Могила говорит: «Православные роксоляны (т.е. русские), уверовавши в Христа Господа, не сомневаются в том, что Христос, как мысленный глава, управляет Восточную церковь по своему обещанию: «се аз с вами до скончания века». Русь имеет всеильное предстательство своего благочестия в лице Христа Господа, правящего сердцами великих государей. Так и в псалме 145 псалмопевец написал: «Не надейтесь на князей, сынов человеческих. А что у Руси нет великородных господ, то что в этом дурного! Ведь и первоначальная церковь начала созидаться не великородными господами, а убогими рыбаками, однако Бог через них преклонил к вере во Христа и монархов, и великородных властителей. Души самых незнатных правоверных христиан также искуплены многоценною кровью Христовою, как и души великородных властителей, а потому и те и другие должны быть равноценны». Наконец, автор Лифоса совсем не враг соединения с римскою церковью: «Восточная церковь, — говорит он Саковичу, — всегда просит Бога о соединении церквей, но не о таком соединении, какова нынешняя уния, которая гонит людей к соединению дубинами, тюрьмами, несправедливыми процессами и всякого рода насилиями. Такая уния производит не соединение, а разделение...» Появление Лифоса вызвало в польской литературе ряд полемических сочинений, в которых авторы почти уже не касались вопроса об обрядности, а главным образом доказывали правильность признания папы главою церкви. Из них иезуит Рутка, давая произвольный смысл разным выражениям Лифоса, делал выводы, что автор его принадлежит скорее к какой-нибудь протестантской, чем восточной церкви.

Более всего Могила сосредоточил свою деятельность на киевской коллегии. Тотчас по вступлении своем в сан митрополита, Могила преобразовал киевскую братскую школу в коллегию, основал другую школу в Виннице, завел при киевском братстве монастырь и типографию и подчинил их киевскому митрополиту. Это было нарушением прежнего распоряжения патриарха Феофана, по которому Киевское братство с Богоявленскою церковью подчинялось одному патриарху; но это нарушение оправдывалось сделанными переменами: основанием монастыря и преобразованием школы в коллегию, наконец и тем, что коллегия и монастырь содержались главным образом иждивением Петра Могилы. Самый монастырь учрежден был совсем на особых основаниях, чем другие монастыри; он имел тесную связь с коллегией; в нем помещались только те монахи, которые были наставниками: все они взяты были из Печерской Лавры. На содержание братской кол-

легии и монастыря Могила приписал две лаврских волости, подарил коллегии собственное свое село Позняковку и, кроме того, постоянно давал денежные пособия на постройки и на вспомоществование учителям и ученикам. По его примеру и убеждению, записанная в братство шляхта помогала коллегии разными пожертвованиями и ежегодно выбирала старост из своей среды для надзора и содействия ее содержанию; коллегия устроена была по образцу высших тогдашних училищ в Европе и особенно в Кракове. Цель киевской коллегии была преимущественно религиозная: нужно было образовывать поколение ученых и сведущих духовных лиц, а равным образом и светских людей, которые бы могли сознательно видеть правоту восточной церкви и по своему образованию стать в уровень с теми, против которых пришлось бы им защищать права своей церкви путем закона и рассуждений. Но в Польше, как мы указывали, вопросы веры тесно связались с вопросами национальности; понятие о католике сливалось с понятием о поляке, как с другой стороны понятие о православном с понятием о русском; и потому задачей коллегии неизбежно стала поддержка и возрождение русской народности. Идеалом Могила был такой русский человек, который крепко сохранял и свою веру и свой язык, в то же время по степени образования и по своим духовным средствам, стоял бы в уровень с поляками, с которыми судьба связала его в государственном отношении. К этому идеалу направлялись и способы воспитания и обучения, принятые Могилою. Киевская коллегия находилась под управлением ректора, который был вместе с тем игуменом Братского монастыря, распоряжался монастырскими и училищными доходами, творил суд и расправу и в то же время был профессором богословия. Его помощником был префект, один из иеромонахов, занимавший должность, подобную должности нынешнего инспектора. Кроме двух этих начальствующих лиц, выбирался на известный срок суперинтендент, имевший ближайший надзор за поведением воспитанников. Под наблюдением последнего, между самими воспитанниками устраивалась внутренняя полиция: некоторые более благонравные ученики обязаны были смотреть за своими товарищами и доносить суперинтенденту. Часть учеников жила на содержании коллегии в ее доме, называемом бурсою; вся эта бурса в то время содержалась на счет Петра Могила: то были недостаточные ученики; другие жили вне здания и приходили в коллегия для учения, но и они, живя в своих квартирах, состояли под надзором коллегияльного начальства. Телесное наказание считалось необходимым. Расправа производилась главным образом по субботам.

В учебном отношении киевская коллегия разделялась на две конгрегации: высшую и низшую. Низшая в свою очередь подразделялась на шесть классов: фаза или аналогия, где обучали одновременно чтению и письму на трех языках: славянском, латинском и греческом; инфима — класс первоначальных сведений; за нею класс грамматики и класс синтаксисы: в обоих этих классах шло изучение грамматических правил трех языков — славянского, латинского и греческого, объяснялись и переводились разные сочинения, производились практические упражнения в языках, преподавались катехизис, арифметика, музыка и нотное пение. Далее — следовал класс поэзии, где главным образом преподавалась пиитика и писались всевозможные упражнения в стиходействии, как русском, так и латинском. За пиитикой следовал класс риторики, где ученики упражнялись в сочинении речей и рассуждений на разные предметы, руководствуясь особенно Квинтилианом и Цицероном. Высшая конгрегация имела два класса: философии, которая преподавалась по Аристотелю, приспособленному к преподаванию в западных латинских руководствах, и разделялась на три части: логику, физику (теоретическое рассуждение о явлениях природы) и метафизику; в

этом же классе преподавались геометрия и астрономия. Другой, самый высший, был класс богословия; богословие преподавалось главным образом по системе Фомы Аквината; в том же классе преподавалась гомилетика и ученики упражнялись в писании проповедей. Преподавание всех наук, исключая славянской грамматики и православного катехизиса, шло на латинском языке. Учеников заставляли не только писать, но и постоянно говорить на этом языке, даже вне коллегии: на улице и дома. С этой целью для учеников низшей конгрегации изобретены были длинные листы, вложенные в футляр. Сказавшему что-нибудь не по-латыни давался этот лист и на нем вписывалось имя провинившегося; ученик носил этот лист до тех пор, пока не имел возможности навязать его кому-нибудь другому, проговорившему не по-латыни; а у кого этот лист оставался на ночь, тот подвергался порке. Предпочтение, оказываемое латинскому языку, скоро после основания коллегии, навлекло было на нее опасную бурю. Распространился между православными слух, что коллегия неправославна, что наставники ее, воспитанные за границею, заражены ересью, что в ней преподают науки по иноверческим руководствам, учат более всего на латинском языке, языке иноверческом, делают это для того, чтобы совратить юношество с пути отеческой веры! Подобные толки легко усваивались толпою. Русские привыкли к той мысли, что на латинском языке совершают богослужение и говорят враги их веры, ксендзы, и потому считали самое обучение этому языку неправославным делом. У Могилы не было недостатка в недоброжелателях, таковы были неученые и недостойные своего сана попы, которых он удалил от мест в значительном количестве. Кроме того, недоброжелательствовали ему все сторонники Исайи Копинского и последний, как видно, сам говорил о неправославии сместившего его с митрополии соперника¹. Дурное мнение о Могиле и его учебном заведении распространилось между казаками, всегда готовыми на суровую расправу с теми, кого считали врагами веры. И вот — дело дошло до того, что однажды толпа народа, предводительствуемая казаками, собиралась броситься на коллегию, сжечь ее и перебить наставников. «Мы, — писал потом один из наставников, Сильвестр Коссов, тогдашний префект киевской коллегии, — исповедывались и ожидали, что нами начнут кормить днепровских осетров, но, к счастью, Господь, видя нашу невинность и покровительствуя образованию народа русского, разогнал тучу предубеждений и осветил сердца наших соотечественников; они увидели в нас истинных сынов православной церкви, и с тех пор жители Киева и других мест не только перестали нас ненавидеть, но стали отдавать к нам в большом количестве своих детей и величать нас Геликоном и Парнасом». Событие, угрожавшее коллегии, происходило 1635 года; в этом же году, когда минула опасность, Сильвестр Коссов издал «Экзегезис или Апологию Киевских школ», сочинение, в котором защищал способ преподавания, принятый в коллегии. Предпочтение, оказываемое латинскому языку, в глазах Петра Могилы и избранных им наставников оправдывалось обстоятельствами времени. Русские, учившиеся в коллегии, жили под польским правлением и готовились к жизни в обществе, проникнутом польским строем и польскими понятиями. В этом обществе господствовало и глубоко укоренилось мнение, что латинский язык есть самый главный,

¹ Так, приезжавший в Москву монах Густынского монастыря Пафнутий в расспросе сообщил, что «епископ Исайя писал в Лубенский и Густынский монастыри, что митрополит Петр Могила королю, всем панам радным и архиепископам лядским присягал, чтобы ему христианскую веру учением своим поправить и оставить все службу церковную по повелению папы римского, римскую веру и церкви хрестьяньские во всех польских и литовских городех превратить на костелы лядские и книги русские все вывести». То же показал игумен густынский Василий, перешедший в Москву.

самый наглядный признак образованности и чем кто лучше владеет латинском языком, тем более достоин названия образованного человека. Под влиянием иезуитов, русские, уже по самой своей народности, подвергались презрению у поляков, и такой взгляд естественно содействовал тому, что русское шляхетство так торопливо стремилось избавиться от своей народности и перешедшие в католичество с гордостью признавали себя поляками. Чтобы рассеять такое предубеждение, необходимо нужно было русским, еще сохранившим свою веру и народность, усвоить те приемы и признаки, которые, по тогдашним предрассудкам, давали право на уважение, подобающее образованному человеку. Латинский язык в тогдашнем житейском кругу был необходим не только для споров о вере с католиками, не хотевшими о высоких предметах говорить иначе, как по-латыни, — латинская речь употребительна была на судах, сеймах, сеймиках и на всяких общественных сходбищах. Беглость в латинском языке и подготовка учеников к защите православной веры посредством слова достигалась в коллегии путем диспутов, классных и публичных, происходивших по-латыни. Для этого одна сторона приводила разные противные православию доводы, бывшие тогда в ходу у католиков, другая — опровергала их и защищала православие. Такие диспуты не ограничивались одним кругом веры, но распространялись и на разные философские предметы. Устройство их показывает практический ум Могилы, стремившегося во всем к главной цели: выставить против католичества ученых и ловких борцов за русскую церковь, умеющих поражать врагов их же оружием. В соответствии с этими практическими воззрениями Петра Могилы, состоит и тот схоластический характер, который он дал всему научному образованию, получаемому юношеством в коллегии. Главный признак схоластического способа учения, развившегося в Западной Европе в Средние века и еще господствовавшего в XVII веке, состоял в том, что под наукою разумели не столько количество и объем предметов, подлежащих познанию, сколько форму или сумму приемов, служащих к правильному распределению, соотношению и значению изучаемого. Мало знать, но хорошо уметь пользоваться малым запасом знания, — такова была цель образования. Отсюда бесконечный ряд формул, оборотов и классификаций. Этот способ, как показали вековые последствия опыта, мало подвигал расширение круга познаваемых предметов и давал возможность так называемому ученому гордиться своею мудростию, тогда как, на самом деле, он оставался круглым невеждою или тратил время, труд и дарования на изучение того, что собственно приходилось впоследствии забывать, как мало применимое к жизни. Но этот способ, при всех своих крупных недостатках имел, однако, и хорошую сторону в свое время; он приучал голову к размышлению, к обобщению, служил, так сказать, умственной гимнастикой, подготовлявшею человека к тому, чтобы относиться к предметам знания с научною правильностию. Нельзя сказать, чтобы в Западной Европе во времена Могилы не было уже иного рода науки, иных понятий о знании, но эти начала нового просвещения, которые так быстро и блистательно повели ум человеческий к великим открытиям в области естествознания и к более ясному взгляду на потребности духовной и материальной жизни, были далеки и почти не касались тогдашней Польши, несмотря на то, что еще сто лет назад она была родиною Коперника. Вполне естественно было Петру Могиле остановиться на том способе учения, какой господствовал в стране, где он жил и для которой приготавлил своих русских питомцев, тем более, что способ этот, в его воззрении, удовлетворял его ближайшей цели, образовать поколение защитников русской веры и русской народности в польском обществе. С нашим взглядом на просвещение, образование, получаемое в коллегии Могилы, должно показаться крайне односторонним: сту-

денты, окончившие курс в коллегии, не знали законов природы настолько, насколько они были открыты и исследованы тогдашними передовыми учеными на Западе; мало сведущи были они в географии, истории, правоведе-нии; но довольно было того, что они могли быть не ниже образованных поляков своего времени. Сверх того, чтобы оценить важность преобразования, сделанного Могилою в умственной жизни южнорусского народа, стоит взглянуть на то состояние, в каком эта умственная жизнь находилась на Руси до него, и тогда-то его заслуга окажется очень значительною, а успех его предприятия чрезвычайно важным по своим последствиям. В стране, где в продолжение веков господствовала умственная лень, где масса народа пребывала по своим понятиям почти в первобытном язычестве, где духовные, единственные проводники какого-нибудь умственного света, машинально и небрежно исполняли обрядовые формы, не понимая их смысла, не имея понятия о сущности религии, где только слабые зачатки просвещения, брошенные эпохою Острожского, кое-как прозябали, подавляемые неравною борьбою с чужеродным и враждебным строем образования; — в стране, где русский язык, русская вера и даже русское происхождение клеймились печатью невежества, грубости и отвержения со стороны господствующего племени — в этой стране вдруг являются сотни русских юношей с приемами тогдашней образованности, и они, не краснея называют себя русскими; с принятыми средствами науки они выступают на защиту своей веры и народности! Правда, в Польше, где только высший класс пользовался правом гражданства, а масса простого народа была подавлена гнетом самого бесчеловечного порабощения, высший русский класс так неудержимо изменял своей вере и народности, что его не могла уже остановить никакая коллегия. Польская образованность, направляемая иезуитами, разрушила бы рано или поздно все планы Петра Могилы, если бы вслед за тем не поднялся южнорусский народ против Польши под знаменами Хмельницкого. Киевскую коллегию с ее братством, без сомнения, постигла бы та же участь, какая стерла с лица земли львовские, луцкие, виленские и другие школы; но семья, брошенное Могилою в Киеве, роскошно возросло не для одного Киева, не для одной Малороссии, а для всего Русского мира: это совершилось через перенесение начал киевского образования в Москву, как скажем впоследствии. И в этом-то важнейшая и великая заслуга киевской коллегии и ее бессмертного основателя.

Несмотря на господство латинского языка, к сожалению, в ущерб греческому, киевская коллегия, однако, работала над развитием русского языка и словесности. Студенты сочиняли проповеди по-русски; выходявшие из коллегии в священники были в состоянии говорить поучения народу, а в Братском монастыре не проходило ни одной праздничной обедни, когда бы многочисленному, собравшемуся в храме народу не говорились проповеди или не изъяснялся катехизис православной веры. Проповедничество с тех пор стало обычным явлением в малорусских церквях, тогда как в Великой Руси проповедь была тогда явлением еще почти неслыханным. Студенты киевской коллегии занимались также стихотворною литературою и получили к ней особое пристрастие, но, к сожалению, писали по польскому образцу силлабическим размером, совсем несвойственным, как оказалось, природе русского языка по свойству его ударений; главный же недостаток тогдашних стиходеев был тот, что они разумели под поэзиею только форму, а не содержание. Стихотворцы шеголяли разными затейливыми формами мелких стихотворений (как напр., акrostихи, раковидные или раки, которые можно было читать с левой руки к правой и обратно, эпиграммы в форме яйца, куба, бокала, секиры, пирамиды и т.п.). В ходу были стихотворения, называемые поэмы и оды; то были панегирические стихотворения к

значительным лицам по разным случаям, поздравления с именинами, с бракосочетанием, погребальные, воспевание герба, посвящения и пр. Они по предписанным правилам отличались крайнею лестью к воспеваемому лицу и самоунижением автора. Часто стихотворения имели религиозное содержание, и образчиком таких могут служить многие стихотворения, помещенные в изданной в 1646 г. книге: «Перло многоценное», написанное Кириллом Транквилионом; во вкусе того времени были стихотворения нравственно-поучительные, в которых олицетворялись разные добродетели, пороки и вообще отвлеченные понятия. Несмотря на сильную страсть к стихоплетству, киевская коллегия не произвела ничего замечательного в области поэзии, и это тем более поразительно, что в тот же самый век в малорусской народной поэзии, не ведавшей никаких школьных правил и пиитики, творились истинно поэтические произведения, полные вдохновения и жизни; таковы, напр., казацкие думы, явно принадлежащие XVII веку. Ученики слагали праздничные вирши преимущественно на Рождество Христово и пели, расхаживая по домам жителей; вирши этого рода перенимались и обращались даже в народе, но они резко отличаются от народных праздничных песен своею неуклюжестью, вычурностью и отсутствием поэзии. В области драматической поэзии опыты воспитанников киевской коллегии имели более всего значения по своим последствиям, так как они, хотя в отдаленности, стали зародышем русского театра. Начало драматической поэзии в Киеве положено «вертепами». Так назывались маленькие переносные театры, которые ученики носили с собою, переходя из дому в дом на праздник Рождества Христова. На этих театрах действовали куклы, а ученики говорили за них речи. Предметами представлений были разные события из истории рождения и младенчества Христова. Такие вертепы существовали до позднейшего времени, и вероятно, в древние времена они мало чем отличались от позднейших. Кроме представлений религиозных, в вертепах (как можно заключить по примерам позднейших времен) для развлечения зрителей представлялись разные сцены из народной обыденной жизни.

За эту первобытную форму следовали «ойцества» или представления, взятые из Священной истории, где являлись олицетворенными разные отвлеченные понятия. Такого рода представления были в большой моде у иезуитов и в подражание им перешли в киевскую коллегия.

Язык, на котором писались опыты воспитанников киевской коллегии того времени, удален от живой народной речи и представляет смесь славянского языка с малорусским и польским, со множеством высокопарных слов. Достоинно замечания, что после Могилы русский книжный язык стал мало-помалу очищаться от полонизмов и вырабатывалась новая книжная речь, которая послужила основанием настоящему русскому языку. В комических произведениях Южной Руси язык книжный приближался к народному малорусскому.

Враги православия, при всяком случае, старались делать коллегии всякое зло. В 1640 году Могила в своем универсале жаловался, что «наместник киевского замка, потакая злобе врагов коллегии, нарочно подослал своего поверенного, который стакнувшись в корчме с некоторыми другими лицами, напал на студента Гоголевского, обвинил его в каком-то бесчинстве, а наместник без дальнего рассмотрения казнил его». Это было сделано с тем намерением, чтобы студенты, испугавшись дальнейшего преследования, разбежались. События это было так важно, что Могила должен был ехать на сейм и просить от польского правительства законной защиты своему училищу.

Уже в это время Могила, как он сам писал, потратил большую часть своего состояния на устройство училища и церкви. Вотчины, как его собственные, так и Печерского монастыря, с трудом могли доставлять средства на

поддержку коллегии, по причине разорений, понесенных ими то от татарских набегов, то от междоусобных войн с казаками, и митрополит принужден был просить пособия от разных братств. Несмотря на все это, он напрягал все свои силы для поддержки своего любимого детища. В своем духовном завещании, написанном им, как видно, в то время, когда он чувствовал приближение смерти, он говорит: «...Видя, что упадок святого благочестия в народе русском происходит не от чего иного, как от совершенного недостатка образования и учения, я дал обет Богу моему — все мое имущество, доставшееся от родителей, и все, что ни оставалось бы здесь от доходов, приобретаемых с порученных мне святых мест, с имений, на то назначенных, обращать частию на восстановление разрушенных храмов Божиих, от которых оставались плачевные развалины, частию на основание школ в Киеве...» Коллегию свою он называет в завещании своим единственным залогом, и желая «оставить ее укорененною в потомственные времена», в виде посмертного дара завещает ей 81 000 польских злотых, всю свою библиотеку, четвертую часть своего серебра, некоторые ценные вещи и, на вечное воспоминание о себе, свой серебряный митрополичий крест и саккос.

Петр Могила скончался 1 января 1647 года на пятидесятом году своей жизни, с небольшим за год до народного взрыва, иным путем отстоявшего русскую веру и народность.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I Господство дома Св. Владимира

I. Князь Владимир Святой	7
II. Великий князь Ярослав Владимирович	11
III. Преподобный Феодосий Печерский	19
IV. Князь Владимир Мономах	29
V. Князь Андрей Боголюбский	49
VI. Князь Мстислав Удалой	65
VII. Князь Данило Романович Галицкий	81
VIII. Князь Александр Ярославич Невский	100
IX. Московские князья братья Даниловичи	111
X. Преподобный Сергий	126
XI. Великий князь Димитрий Иванович Донской	139
XII. Соловецкие чудотворцы	151
XIII. Великий князь и государь Иван Васильевич	154
XIV. Новгородский архиепископ Геннадий	199
XV. Московский государь великий князь Василий Иванович	217
XVI. Преподобный Нил Сорский и Вассиан, князь Патрикеев	235
XVII. Максим Грек	244
XVIII. Сильвестр и Адашев	257
XIX. Матвей Семенович Башкин и его соучастники	283
XX. Царь Иван Васильевич Грозный	289
XXI. Ермак Тимофеевич	329
XXII. Князь Константин Константинович Острожский	338
XXIII. Борис Годунов	355
XXIV. Названный Димитрий	384
XXV. Марина Мнишек	399
XXVI. Василий Шуйский	418
XXVII. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский	432
XXVIII. Патриарх Гермоген и Прокопий Ляпунов	437
XXIX. Троицкий архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын	445
XXX. Козьма Захарыч Минин-Сухорук и князь Димитрий Михайлович Пожарский	451
XXXI. Филарет Никитич Романов	459

Часть II
Господство дома Романовых
до вступления на престол Екатерины II

I. Царь Михаил Федорович	467
II. Киевский митрополит Петр Могила	504
III. Царь Алексей Михайлович	528
IV. Патриарх Никон	565
V. Малороссийский гетман Зиновий Богдан Хмельницкий	607
VI. Преемники Богдана Хмельницкого	649
VII. Стенька Разин	674
VIII. Сибирские землеискатели XVII века.	687
IX. Галятовский, Радивиловский и Лазарь Баранович.	693
X. Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий и их преемники	711
XI. Юрий Крижанич	740
XII. Царь Федор Алексеевич	759
XIII. Царевна Софья	769
XIV. Ростовский митрополит Димитрий Туптало	797
XV. Петр Великий	809
XVI. Гетман Иван Степанович Мазепа	966
XVII. Царевич Алексей Петрович	989
XVIII. Князь Александр Данилович Меншиков.	1001
XIX. Архиепископ Феофан Прокопович.	1016
XX. Фельдмаршал Миних и его значение в русской истории	1029
XXI. Императрица Анна Ивановна	1100
XXII. Императрица Елисавета Петровна.	1166
<i>Максим Буданов. «История сделалась для меня любимым до страсти предметом...» . . . . .</i>	<i>1255</i>